

В. ШТЕЙНБЕРГ

ФИЛОСОФИЯ
и
джентльмены

Книга эта не имеет строгих рамок жанра. В ней — страницы публицистики, очерки, размышления ученого, отчеты об отдельных событиях.

Автор ее — профессор, доктор философских наук В. А. Штейнберг — собирал материалы для книги во время своих поездок за рубеж, а также участвуя в международных симпозиумах и конгрессах.

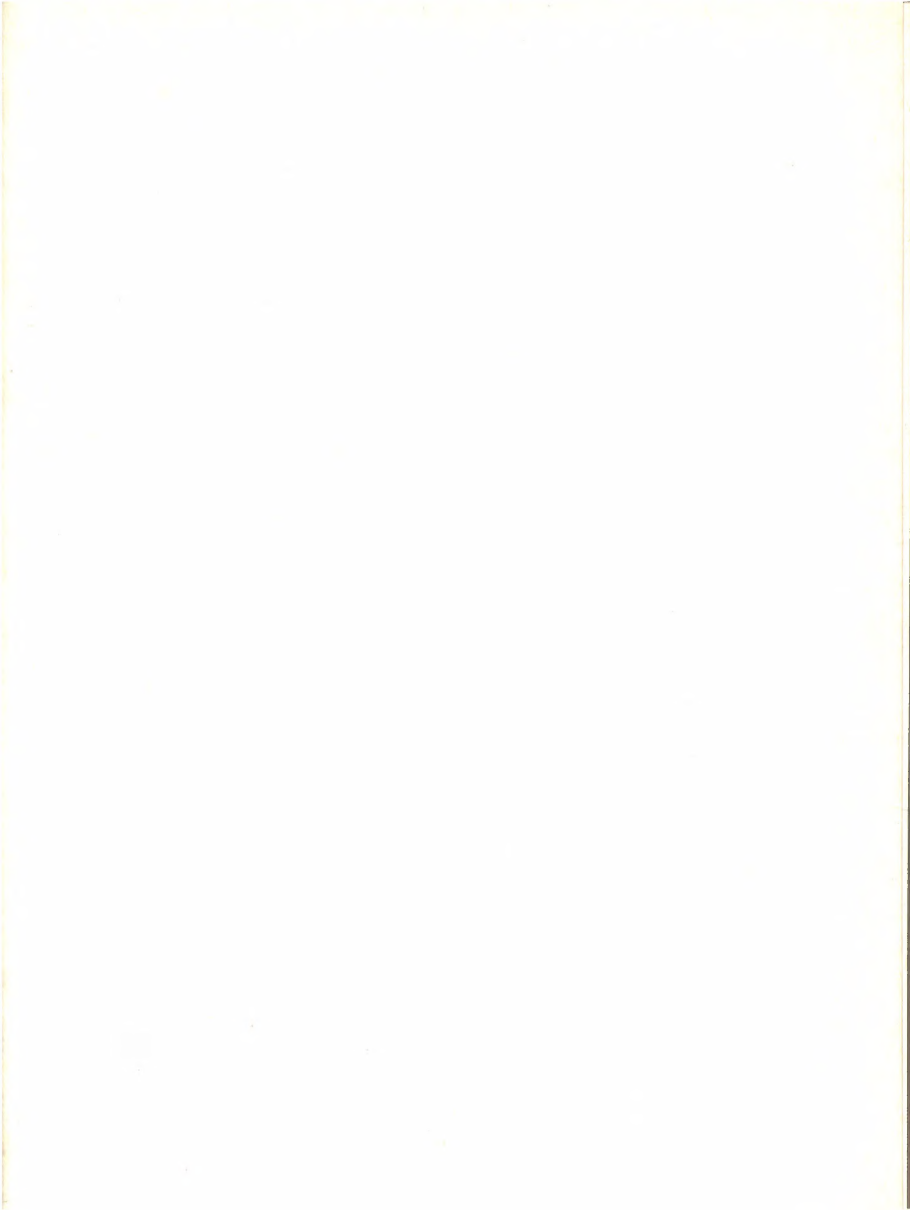
Книга знакомит читателя с некоторыми страницами современной философской жизни, с приемами и «аргументами», которые используют в борьбе против научной марксистской философии

ФИЛОСОФИЯ И ДЖЕНТЛЬМЕНЫ

В. Штейнберг

ФИЛОСОФИЯ
и
Джентльмены

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛИЕСМА» РИГА. 1971

1FB
III 882

К ЧИТАТЕЛЮ

Прежде чем рассказать о событиях, которые произошли в разное время в Вашингтоне, Мехико, Африке, в Вене и в Болгарии осенью 1970 года, предупредим читателя, что эта книга не детектив. Правда, отдельные участники событий вполне могли бы сойти за персонажей из детективной хроники. Но об этом дальше.

А пока заинтересуемся общим планом тех ситуаций и обстоятельств, о которых будет рассказано на последующих страницах. Он-то нам и поможет подойти к теме, объединившей столько лиц и масок...

Мир людей очень сложен. Мир, в котором мы живем, — мир тяжелой борьбы, напряженных страстей, повседневных человеческих переживаний, мир человеческих отношений. В нем все: большое и малое, возвышенные и черные деяния, воплощенные надежды и разбитые иллюзии. В нем — животворная сила, воспламеняющая будущее. Вечный огонь рождения! Ведь новый мир никогда не появлялся из пепла, а тем более не появится из пепла водородных бомб. Он выплавляется в муках сегодняшнего дня, в страстных порывах человеческой мысли, из свершений и судеб миллионов мужчин и женщин. Это целое море прометеева огня! А любое море волнуется, кипит, живет бурями. Это законы его движения.

Мы восхищаемся необъятной океанской далью, скалистыми берегами, голубым небом над ним. Но, право, не меньшее восхищение способно вызвать движение людской истории. Энгельс, сохранивший до старости чувство

удивления окружающим миром, в последние годы жизни писал: «Природа величественна... но история кажется мне даже более величественной, чем природа. Природе потребовались миллионы лет для того, чтобы породить существа, одаренные сознанием, а теперь этим сознательным существам требуются тысячелетия, чтобы организовать совместную деятельность сознательно: сознавая не только свои поступки как индивидов, но и свои действия как массы, действуя совместно и добиваясь обща заранее поставленной общей цели... Наблюдать этот процесс, это все приближающееся осуществление положения, небывалого еще в истории нашей планеты, представляется мне зрелищем, достойным созерцания...» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 55—56).

Человек не хочет быть и не будет щепкой, затерянной в мировом океане жизни или выброшенной на берег. Потому он и живет в беспрестанной буре своих деяний и мыслей, глобально оглядывая посильным взором свою планету. А глобальный взор и философия неразлучны.

Можно не быть космонавтом, не знать вычислительной математики, даже никогда не пережить настоящей любви, но нельзя не быть философом. Человек не может не мыслить о мире, в котором он живет, и о самом себе, о месте человека в этом мире. А это значит — создавать логические построения, то есть делать то, что делают повседневно профессиональные философы, и решать такие вопросы, которые составляют предмет философии как науки о мировоззрении, о наиболее общих законах бытия и познания.

Значит, философские размышления существуют не потому, что появились философы, а как раз наоборот: в начале — источник, а затем уже — умеющий его найти и пить из него. Ни один астроном не создал звезды, зато сколько их устремляет свой взор в бесконечный мир космоса, пытаясь найти там свою звезду.

Кажется, никогда общество людей, творя свое будущее, не размышляло так интенсивно, как в наше время. Страсть к мышлению охватила сотни миллионов как прямая необходимость. И все меньше остается на Земле уголков, где люди ограничивались бы пассивным приспособлением, созерцанием, не стремились понять сути своего бытия и законы, которые управляют этим бытием.

Тем более, когда будущее на нас надвигается с такой быстротой, творится так интенсивно, как никогда прежде. Раньше большинство людей жило настоящим, иногда даже прошлым, и до будущего не доживало, и оно перед ними терялось в неопределенной дали времен, как мечта, как надежда, а иногда как мираж перед задыхающимся путником в пустыне. Ныне будущее явно выступило из временной дали и повелительно вторгается в настоящее. Но только реальная мысль философии способна осязаемо связать человеческое настоящее с его будущим. Совершает же будущее человек сначала в своих мыслях и только затем претворяет его в самой действительности, со старым образом которой уже не ладит человеческая мысль, спорят чувства миллионов.

Человек советской земли и американский налогоплательщик, африканец из Уганды и обездоленный поденщик из Мексики не отличаются в этом отношении друг от друга. Разумеется, каждый из них мыслит с различной глубиной, да и направленность мысли различна, ибо так значительно отличаются те силы, с которыми дружит или враждует конкретный социальный класс.

Философия вместе с тем на Западе стала и модой. А раз мода, значит, вырос спрос, спрос на мыслительный материал. Оживился рынок, где торгуют таким материалом. Спрашивают философские идеи, в ответ идут предложения этого товара. Торгуют оптом и в розницу. Появились целые легионы торговцев модным товаром. Более того —

готовых задаром отдать духовную одежду и пищу. Лишь бы взяли.

Однако в социальном мире свои законы. Разборчивая матушка-история всюду, где бы ей ни приходилось заниматься своим делом, склонилась к одной философской теории, которая не продается на философском рынке, а, как каждая большая правда, должна быть понята, если хотите — выстрадана... Помните, В. И. Ленин говорил, что «единственно правильную революционную теорию Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» (Соч., т. 41, стр. 8).

Такую философию уже нельзя получить даром. Вступая с ней в союз, ты понимаешь, что эта философия требует от тебя больших обязанностей, ибо она не талисман, она дает лишь истинный лозунг *борьбы* на будущее человечества.

Марксистско-ленинская философская наука стала насущной потребностью для передовых людей нашего времени, к ней инстинктивно потянулись люди, как к настоящему оазису живительной влаги... Курьезом, например, выглядела бы теперь попытка изгнать философию и философов, как это пытались делать некогда, в дни Римского сената, — «обсудив вопрос о философях и риторях, постановили об этом, чтобы претор Марк Помпоний позаботился и обеспечил, как того требуют интересы государства и его присяга, чтобы их больше не было в Риме» (!)

Но на свете существуют разные философы. Одни живут во дворцах и у стен его, другие — в жилищах рабочих и на окраинах деформированных капитализмом городов, одни мыслят так, как их богатые хозяева, другие — независимо, подчиняясь лишь пленительной силе

правды. И это естественно: мир еще раздирается осата-невшими от богатств и крови капиталистическими хищниками. Последние же, отдавая дань веку и преследуя свои цели, не прочь и пофилософствовать...

Редко какой политический деятель наших дней на Западе не станет рядиться в тогу друга философии. При этом он не преминет лягнуть столь ненавистную ему марксистскую философию. Вот один перл: «Мы верим, что действительно движущей силой жизни человека является внутренняя духовная сила, действующая в космосе, управляемая божественной силой, законом и целью». Это сказал десять лет назад тогдашний государственный секретарь США К. Гертер, отвергая марксизм. Но сколько уже было до него и после него подобных высказываний!

Однако можно сколько угодно поносить научную идею, отвергать ее с настойчивостью маньяков, но она не подвластна враждебным ей силам. Бесплодны и все попытки одолеть марксистский материализм, научный социализм. Но от этого борьба обреченных классов и их сознательных представителей в наше время становится не менее ожесточенной.

Но о чем же все-таки эта книга?

Она о больших испытаниях, которые выпали сегодня на долю защитников революционной философии марксизма-ленинизма, она о наших идеологических противниках, о философских встречах, спорах, столкновениях, о битвах за честную мысль, за достойную духу и характеру нашего времени философию, о битвах на философских и социологических конгрессах. В основе книги — личные впечатления автора. Все имена в ней — подлинные.

Итак, дорогой читатель, в путь. Там мы узнаем многое о философии и джентльменах.

НЕ ВЕРЬТЕ ЦИНИКАМ!

НАС ИЩУТ В ЧЕРНОМ СПИСКЕ

Тяжелый «боинг-707» компании «Эр Франс» стоял на взлетной дорожке аэропорта Орли и под рев двигателей вздрагивал всем своим огромным корпусом. Он ждал сигнала перед тем как взлететь, готовый поглощать километры долгого пути от Парижа до Нью-Йорка.

Мы летели на Всемирный социологический конгресс в Вашингтон.

Так как день покидал Европу, то после взлета началась настоящая погоня за заходящим солнцем. Впереди — огромный красный диск, который никак не мог спрятаться за овалом Земли. Это была романтическая картина: почти незаходящее солнце.

Но бесполезная погоня за вчерашним днем как бы надоела экипажу; солнце расплзлось на горизонте, наступила ночь. Через верхний застекленный люк «боинга» заглянули звезды, внизу — утонула во мраке бездна Атлантического океана. Где-то впереди в ночи пряталась Америка.

Разрешение вступить на американскую землю мы получили от госдепартамента через посольство США в Москве, но, оказалось, что это еще не окончательное решение: последнее слово принадлежало рядовому чиновнику из нью-йоркского аэропорта.

Когда я подошел к окну конторки и подал свой заграничный паспорт, чиновник деловито перелистал толстый

том какого-то справочника, поводил в нем пальцем и удовлетворенно вернул мне паспорт.

— Олл райт, — сказал он и занялся моим коллегой с не меньшей тщательностью.

Толстый том справочника представлял собою список наиболее опасных и разыскиваемых Интерполом международных преступников: контрабандистов, торговцев наркотиками, убийц из итальянской мафии, гангстеров из преступных «трестов» США...

Чиновников не смутило даже то, что мы приехали в Америку в составе делегации советских социологов, отправившихся из Москвы на конгресс в Вашингтон. Но так как наших имен в этом списке все же не оказалось, то нам и было разрешено вступить на территорию США.

Ничего не скажешь — деловитость!

А теперь дадим слово главному иностранному корреспонденту лондонской газеты «Дейли мейл», который бывал в США, и, по словам журнала «Америка», отличается острой наблюдательностью. Он осуждает невежливость американских официальных лиц, «то странное сборище инквизиторов, которые выполняют формальности при въезде в страну. Инспекторы службы здравоохранения пронзительно смотрят на вас, пытаясь обнаружить скрываемую вами болезнь, а потом механически произносят: «Добро пожаловать», что лишь ухудшает общее впечатление. Инспекторы иммиграционной службы хватаются за большую черную книгу и одним своим взглядом превращают вас из порядочного, доброжелательного и любознательного туриста в антиамериканца» («Америка», 1968, № 141, стр. 40—41).

В Вашингтоне поместили нас в великолепной гостинице «Шохем», расположенной, как свидетельствовала реклама, в сердце самой столицы. «Шохем» удобно примыкала к таким артериям, как Кеннектикут авеню и Калверт-стрит, но в то же время находилась от них з

таком отдалении, чтобы поток автомашин, мчащихся по магистралям, не тревожил постояльцев.

В «Шохеме» мы обедали, но завтракать и ужинать нам больше нравилось в небольших кафе, даже в «драгсторе» (drugstore), где вы можете не только выпить чашечку кофе, но видеть и слышать средних американцев, их жен, выходящих за мелкими покупками с целым выводком детей, и вечно спешащих клерков и им подобных служащих.

Нам предстояло в Америке посмотреть только два больших города — Вашингтон и Нью-Йорк. Мы не могли похвастаться тысячами километров, покрытых на дорогах Америки, зато мы увидели, как живут американцы на Потомаке и Гудзоне, а без этого никому не понять и всей Америки. Мы имели возможность также познакомиться на самом конгрессе с американцами почти из всех университетских городов, с интеллигенцией — социологами, представляющими значительную элиту людей умственного труда, элиту далеко не однородную по своему составу.

Так что жаловаться не было оснований...

Хотя большинство из нас прибыло в Америку впервые, но мы уже многое знали о ней. Знали Америку Линкольна и Джефферсона, Америку Марка Твена, Джека Лондона и Джерома Сэлинджера, Америку Фостера и Мередита.

Американский народ представляет собой как бы сплиток, сплав выходцев из многих народов, представители которых в течение ряда веков приезжали на эту благодатную землю. Эти люди построили огромные города, создали первоклассную промышленность, воздвигли мосты, тоннели, небоскребы... Правда, до нас дошли большей частью лишь имена президентов, местных крестов, генералов. Но это уже другое дело.

Но Америку мы знали и как страну, раздираемую

острыми социальными конфликтами, страну, где творчеству народа и достижениям передовой общественной мысли противостоят реакционные теории, выросшие на почве общественного строя США. Американская буржуазия, пожалуй, самая хищная и самая опасная для мирных людей.

Хотелось все это увидеть своими глазами...

ВЗГЛЯД НА СТОЛИЦУ США

Если ты родился в Вашингтоне — столице США, — этот город может тебе понравиться. Добротно построенные здания, прямые широкие улицы, много зелени, много тепла, света и солнца. Может быть, несколько много влаги в воздухе — 92—96 процентов, — это значительно больше, чем у нас в Сухуми, но таков уж Вашингтон.

Однако, вживаясь в город, вы можете заметить и нечто другое. Столица все больше становится негритянским сити. По официальным данным сейчас здесь проживает около 60 процентов негров, но фактически их значительно больше.

Мы прибыли в нашу гостиницу поздно ночью и увидели, как целая бригада негров различных возрастов мыла и выскабливала все холлы и коридоры отеля.

А утром «Шохем» блестел как отполированный!

Негры куда-то исчезли, остались лишь лифтеры, подносчики багажа, мойщики автомашин и просто лакеи второго плана. Тоже негры.

И так было повсюду. И в Нью-Йорке; с той лишь разницей, что здесь в отеле, где мы остановились, хозяин устранил негров даже с лифтов, чтобы не шокировать белых клиентов.

Вечером включаю один из многих каналов технически почти безупречного вашингтонского телевидения. На

большом экране — президент страны, дружески разговаривающий с негром. Президент даже поддерживает своего собеседника под локоть, вот-вот похлопает черного «собрата» по плечу.

Передача, сопровождаемая кинохроникой, явно задумана как документальная.

Для большей убедительности!

Кадры сменяются кадрами, комментатор говорит неукротимой скороговоркой, украшая свою речь датами, цифрами, обилием материала. И это для большей убедительности!

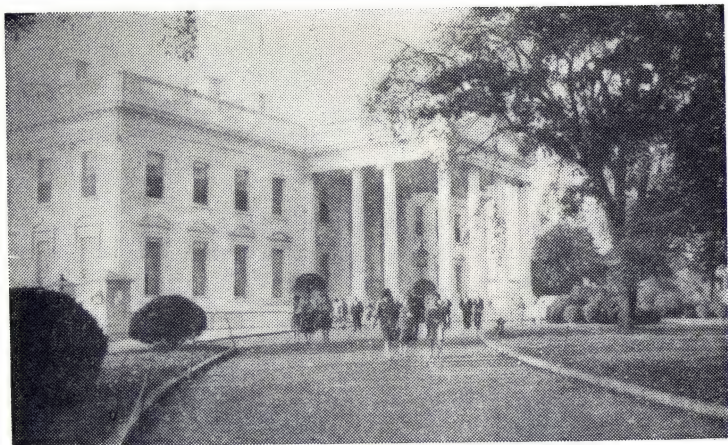
Во второй раз, когда я включил телеэкран, шесть комментаторов вели оживленный разговор о так называемых успехах в решении расовых вопросов в США. Высказывание каждого из них чем-нибудь отличалось, но невозможно было заметить только одного: чтобы кто-либо из этих комментаторов серьезно критиковал правительство или президента. Все шесть были как один.

Но почему выступало шесть? В этом большой психологический смысл. Один комментатор не может нравиться всем телезрителям. Поэтому в американском телевидении принято их выставлять сразу как бы в обойме — зритель внимательнее прислушивается к тому, кому он больше симпатизирует. Отсюда растет доверие к словам. А извращать смысл слов — это дело сильных мира сего!

Что и говорить, американские пропагандисты преуспели в технике, как принято здесь говорить, «промывания мозгов» обывателю! Что же касается истинной жизни Америки, которая полна контрастов и борьбы, то до этого нет дела дикторам телевидения.

Вспомнилось, с какой болью говорили на социологическом конгрессе даже некоторые американцы относительно расового бесправия в их стране. На трибуну тогда

Выглядит Белый дом совсем мирно... (Фото В. К. Калнберза).

поднялся лишенный обеих ног негритянский ученый из Джефферсон-сити О. Кокс и бросил гневные слова в адрес американских расистов; ему было о чем сказать, ведь он автор большого и основанного на фактах труда «Каста, класс и раса».

Убедительно прозвучал тогда и другой доклад — «Об условиях жизни негров в американских городах» — американского социолога Ф. Фрезьера, прочитанный его коллегой. Ко времени конгресса автор доклада умер, но, умирая, он не мог смириться с расовыми бесчинствами в своей стране и сказал свое правдивое слово...

Наш отель «Шохем» находился в самом центре города. До Белого дома отсюда рукой подать. Осматриваем снаружи Белый дом, который кажется совсем не таким уж значительным. Другое дело здание конгресса, — ступени, колоннады и купол — это производит впечатление.

Затем отправляемся на Арлингтонское кладбище, на котором похоронены выдающиеся генералы Америки еще прошлого столетия. Лежат здесь и многие солдаты и офицеры, павшие в Корее уже после второй мировой войны. На кладбище всегда много вашингтонцев, американских туристов. В теплые дни здесь собираются большие толпы людей.

Знают ли эти люди по-настоящему, за что погибли солдаты и офицеры в корейской войне? Кто виновник этой войны? Мы видим перед собой безразличные лица беспечных американских юношей. Какое обывательское бездушие и беспечность! Не в этом ли одна из причин многих современных трагедий этого великого народа!

Грязная война в Корее была преддверием еще более жестокой войны во Вьетнаме, ставшей позором Америки, ее правящих классов. Только война во Вьетнаме пробудила среднего американца, вызвала его гнев к Пентагону, к тем, кто вверг США в эту агрессивную бойню. Но тогда, когда мы были в Америке, до сегодняшней ситуации еще оставался значительный путь...

А вот и Пентагон. Низкий зловещий квартал. Сотни машин на солнцепеке у здания, одни подъезжают, другие разворачиваются и уносятся прочь. Какие же новые каннибальские планы вынашиваются здесь? Куда хотят снова толкнуть обывателей американские генералы? Сегодня мы уже знаем, во что обошлась американской молодежи агрессия США в Доминиканской республике и особенно против вьетнамского народа.

В Вашингтоне мы посетили Национальную галерею искусств. Это интересное собрание произведений скульптуры и живописи. Здесь экспонируются выдающиеся картины мировых художников прошлого и современности. Было приятно увидеть картины, о которых мы много слышали: автопортрет Рембрандта, «Мадонна» Рафаэля,

Арлингтонское кладбище, оно недалеко от Белого дома
(Фото В. К. Калнберза)

произведения Тициана. Кстати, все это — из коллекции миллионера Меллона.

Но вот невольно вздрагиваешь. Перед тобой картина Рафаэля «Алба Мадонна». У картины своя судьба: она была куплена Америкой в Советском Союзе в начале 20-х годов. Тогда наша страна голодала. Теперь «Алба Мадонна» собственность того же Меллона.

Мы видели и ряд замечательных произведений Пикассо, в частности, его «Влюбленных» — полотно, отличающееся простотой исполнения и мягкой передачей чувств.

Но хозяева этого музея больше стремились привлечь внимание к произведениям другого типа. Так, здесь очень рекламируется картина современного испанского художника Сальвадора Дали — «Тайная вечеря», исполненная в мистическом духе, с бросающимися в глаза эле-

ментами формализма: над тайной вечерей к тому же парят два обнаженных тела!..

Каждый посетитель Национальной галереи имеет возможность взять маленький приемник с наушниками и, проходя по залам, слушать объяснения экскурсоводов, которые сидят на своем месте в кабине. Переключив приемник, мы могли слушать и симфонический оркестр, выступавший здесь же в здании. Когда мы посетили Национальную галерею, исполнялись 8-я симфония Бетховена, произведения Шостаковича.

Галерея, как правило, открыта со второй половины дня и до 12 ночи. Американцы как народ деловой считают лучше всего посещать ее вечером, когда больше свободного времени и можно совмещать это посещение со слушанием симфонической музыки.

В США существуют и другие картинные галереи. Есть крупное собрание, в частности, в музее в Нью-Йорке. Там представлены «шедевры» современного искусства, произведения кубизма, футуризма. И невольно вспоминаешь посещение музея «Модерн», что находится в огромном здании в центре Амстердама, столицы Нидерландов.

В великолепных залах, которые идеально приспособлены для хранения произведений живописи, были развешаны картины «современного искусства».

На нас смотрели какие-то уроды, если вообще у них были головы и глаза. Часто же мы видели изломанные туловища без голов, различные предметы или отдельные части человеческого тела. Многие «полотна» были выкрашены в однообразный цвет. На других располагались в беспорядке линии и точки, бесформенные мазки, самые сногшибательные завитушки. И это называлось картинами!

Скульптурные изображения! Так именовались кучи металла, клубки проволоки. Отдельные обрубки мрамора

или камня лишь отдаленно напоминали иногда реальные предметы.

Чтобы поднять авторитет своего музея, его организаторы создали зал Пикассо, выставив ряд действительно интересных произведений великого художника.

Зная, что советские люди неодобрительно высказываются о «новом» искусстве, дирекция музея прислала тогда к нам своего представителя господина Толькмеера, художника-формалиста, который нас искренне приветствовал в краткой речи и пообещал, что после его объяснений мы, несомненно, полюбим «новое» искусство.

Вначале мы терпеливо выслушивали его пояснения, в которых господин художник всячески принижал реализм, презрительно называя его «копированием природы», а о современных картинах, выставленных в «Модерне», говорил как об идеале формы и цвета, совершенно забывая о главном содержании искусства, о человеке.

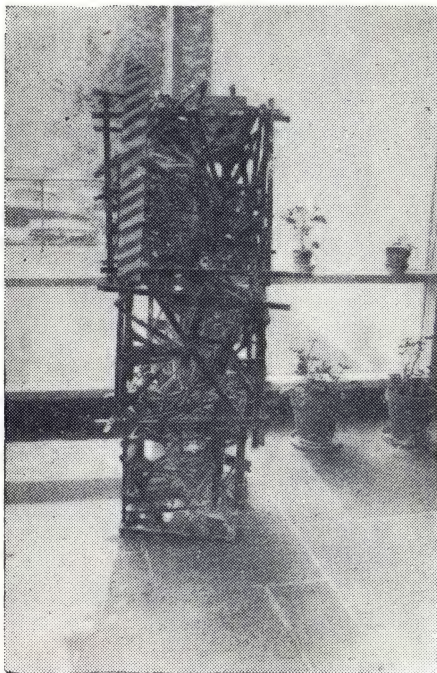
— Будет ли называться картиной полотно, «выполненное» душевно больным человеком?

Толькмеер, не задумываясь, сказал «да!» и еще добавил, что никакого значения при этом не имеет, что

Подобных «шедевров» полно в
музеях США
(Фото В. К. Калнберза)

А это скульптура...
(Фото В. К. Калнберза)

изображено на полотне. Любые мазки животного, если оно оставит их на полотне, тоже будут произведением искусства.

Какой парадокс! И это нам приходилось слушать в стране Рембрандта!

Эта зараза загнивающей культуры буржуазного общества расползается по всему капиталистическому миру. Подобная продукция серьезно обсуждается, немало ценителей таких «произведений» мы встречали среди интеллигенции, среди молодежи.

Так стоило ли после всего этого обозреть аналогичные «шедевры» и в Нью-Йорке!..

Но вернемся к Вашингтону. Он произвел на нас впечатление города неуютного, с нескрываемыми чертами расовой дискриминации, города опасного, где оглушенный идеологической машиной капитализма обыватель представляет собою замечательную среду для размышлений в зловещем квартале Пентагона.

По мере знакомства с американской жизнью эта картина дополнялась деталями, новыми чертами, характер-

ными именно для сегодняшних США. Наше участие в социологическом конгрессе повело нас еще дальше в дебри сложной американской жизни, полной глубоких противоречий и антагонизмов.

НА ОСОБОЙ ГРАНИЦЕ

Государственную границу можно осязать всегда: пограничная стража, таможенные власти, столб с официальным знаком. В идеологии, философии и социологии это куда сложнее, тем более что здесь граница противоположных взглядов никогда не совпадает с государственной границей. И все же нам довелось увидеть в Вашингтоне идеологическую границу, которая резко выявилась в роскошных залах отеля «Шохем», где проходили заседания конгресса.

Наши противники здесь сосредоточили основные силы, устроили как бы крепость, из которой и решили обстреливать марксистов. Главный огонь был направлен против советской делегации. Но мы, как всегда, были не одиноки. У нас и на этом конгрессе были друзья. Да еще какие!

Для Джона истина превыше всего. Я имею в виду Джона Sommerwila, председателя Общества по изучению диалектического материализма в США. Он большой друг Советского Союза. Многим советским философам знакомо его «Избранное» (из книги «Философия мира» и др.), изданное в СССР. Я с интересом наблюдал за Джоном Sommerwilom на нескольких конгрессах. После Вашингтона это было во Франции, в Австрии, в Болгарии, и я всегда восхищался независимостью и самостоятельностью его суждений. Для него диалектический материализм — это философия высоких аккордов, мир

поисков и надежд, дело великой правды. Его выступления всегда отличаются страстностью, целенаправленностью и стремлением выяснить суть вопроса, понять социальное значение конкретного общественного фактора.

Когда мы после конгресса покидали США, то единственными американцами, провожавшими нас, были Джон и его супруга. (Американские социологи, у которых мы фактически были в гостях, на сей раз «забыли» об элементарной учтивости, — они нас даже не проводили).

Женщинам нашей делегации жена Соммервила преподнесла цветы. Я получил на память небольшую авто-ручку. На ней надпись: «Хантер колледж» — это тогдашнее место работы Джона Соммервила. Как много теряет американская молодежь из-за того, что такой знаток современной философии, как профессор Соммервил, не читает лекций с кафедры какого-либо крупного американского университета!

И теперь я частенько беру эту ручку и вспоминаю сердечного, дружески к нам расположенного американца и его жизнерадостную супругу.

Следует назвать еще одного американца — Поля Кроссера, профессора философии и экономических наук из Нью-Йорка. Его книги, как и труды Д. Соммервила, изданы в Советском Союзе. Это уже немолодой человек, ему за шестьдесят, и положение его на кафедре непрочное, но тем не менее он вместе с группой американских профессоров смело подписал решительный протест против агрессии США во Вьетнаме. П. Кроссер прошел большой путь от ненависти к фашизму до сознательной борьбы против империалистической реакции.

Говорят, что Поля Кроссера своеобразно «открыл» наш коллега, московский философ, доктор философских наук Юрий Константинович Мельвиль. Он, как и многие дру-

Прогрессивный американский философ и экономист Поль Кроссер

гие, давно обратил внимание на появившиеся за рубежом издания неизвестного тогда еще Кроссера, которые как-то резко выделялись в довольно безликом потоке американской философской литературы.

На одном из конгрессов, когда советские делегаты были в Венеции, во время прогулки по чудесным венецианским каналам Ю. Мельвиль оказался в одной гондоле с незнакомым американцем. Он спросил его:

— Вы случайно не знаете господина Кроссера?

— Как же не знать, если я и есть Кроссер!..

С тех пор мы часто и многое «открывали» в Поле Кроссере. Оказалось, что он родом из Латвии. Вентспилс — его родной город; отсюда он уехал семилетним

мальчиком. Поль любит рассказывать, как его бабушка, еще в середине прошлого века, в молодости, села в первый поезд, шедший по только что построенной железнодорожной ветке Рига—Вентспилс. Потом Поль жил в Германии, откуда ему пришлось бежать, когда гитлеровцы захватили власть в стране. Так он оказался в США, связав свою судьбу с передовыми слоями американского общества, с передовой философией современности.

За годы, прошедшие после этого конгресса, таких американцев появились уже тысячи. Это они шагают по улицам американских городов, организуют митинги в американских университетах и колледжах, призывая правителей страны к благоразумной политике в отношении с другими народами.

Были у нас также друзья из Франции, Канады, верные единомышленники из социалистических стран. Из Румынии — профессор А. Жожа, из Польши — профессор Ян Щепаньский, который в 1966 году на последующем конгрессе социологов был избран президентом Всемирной социологической ассоциации.

Но на «границе» в Вашингтоне врагов оказалось куда больше. Они съезжались тогда на конгресс, и их скопление было опасно, ибо не следует преуменьшать роли и значения американской реакционной социологии. Это настоящие гангстеры пера, упорные и изобретательные, они без усталости оттачивают свое идеологическое оружие, обновляют свои теории и постулаты, старательно приспособляя их к капиталистическому строю. Надо также иметь в виду, что Вашингтон — это такое место, где в наше время прекрасно чувствуют себя не только маститые буржуазные социологи вроде Парсонса, Мертонса, Лазарсфельда, но и любой митрофанушка от науки или от политики, кто бы он ни был — университетский профессор, человек, бросивший свою родину и начавший

теперь поносить ее, прикрываясь псевдонаучной мантией, платный пропагандист правительственных кругов, «специалист по Кремлю», человек без принципов и знаний, плывущий в этом мутном потоке. Их много. Они заслуживают того, чтобы назвать их. Враг, которого ты заранее не знаешь, очень опасен.

Позже, уже в Мексике, я познакомился с одним типичным представителем такого рода университетским профессором Бланшаром из Коннектикута (США).

Он бледен, стар, но старается еще держаться бодро. Лишенная растительности черепная коробка натерта благовониями до блеска. Но в духовном смысле Бланшар отнюдь не благоухает. Он весь — смесь поразительного невежества и не меньшего высокомерия. Признаться, что он не знает марксизма, не может, но судит о нем как о само собою разумеющемся. Маркс для него не философ, а в лучшем случае — рядовой экономист, которых тогда, говорит сей профессор, были тысячи.

Пытаемся узнать, что же сей «ученый» думает об авторе «Материализма и эмпириокритицизма» (ведь надо же знать подобных экземпляров из США до конца!). Бланшар отвечает кратко и уклончиво: «О, там много пробелов!» И дает понять, что для него это не тема для разговора. Но я все-таки хочу выяснить и наконец узнаю, что сей жрец науки ленинской книги... даже не читал. Интересный метод «спора», когда одна сторона не знает фактического содержания дела! Но для Бланшара это, вероятно, обыкновенная ситуация. Запомнилось мне также его замечание на предложение наших товарищей, что все же следует считаться с истиной и стремиться к единому мнению.

— А зачем? Ведь на то мы и философы, чтобы утверждать каждый свое, отличное друг от друга! Единое мнение сотрет грани нашей индивидуальности.

Попробуйте спорить, когда разговор идет на разных языках! Недаром острый на язык сербский писатель Б. Нушич сказал, что когда двое разговаривают, не понимая друг друга, то это уже философия. Не думали мы, что в наши дни можно встретить такую философию и таких философов.

Попадаютя и круглые невежды. В одной из рабочих групп конгресса, где мне было предоставлено слово для научного сообщения, ко мне подошел после моего выступления профессор социологии (виноват перед читателем — не запомнил его фамилии, но Канзасский университет в памяти сохранился) и, полный искреннего удивления, спросил:

— Вы на самом деле приехали из университета Латвии, разве там существует университет?

Я пояснил ему, что у нас десять высших учебных заведений и более сорока колледжей (так я представил ему наши техникумы), не считая сотен школ. Он был еще более удивлен и вежливо поблагодарил.

Трудно сказать, какими источниками о нашей стране пользовался этот ученый муж. После встречи с ним мне вспомнился любопытный случай, пережитый однажды во время полета на лайнере известной западноевропейской компании «Сабена».

Среди каталогов, которыми снабжают пассажиров стюардессы, я нашел в тот полет схематическую карту мира. Италия была обозначена на ней тарелкой спагетти, Румыния, — человеком, играющим на скрипке, Франция — модно одетой девицей, а наша страна... парнем, танцующим с балалайкой. Не по этим ли «материалам» изучал нашу страну этот цивилизованный дикарь в профессорской мантии. Пусть читатель простит мне столь невежливое к нему отношение.

Разумеется, ни эти полуневежды, ни полные невежды

из профессорских келий не определяют сегодня главных сил реакционного крыла социологов и философов этой большой страны. Здесь действуют другие лица. Это П. Лазарсфельд и Р. Мертон из Колумбийского университета, Т. Парсонс — из Гарвардского. Тот самый Парсонс, что спокойно и методически поносит марксизм и своими книгами защищает социологию, против которой ни одного плохого слова не скажут ни Рокфеллер, ни Форд, ни другие, им подобные.

Это С. Липсет из Калифорнийского университета. На этом конгрессе он не раз отвечал на выступления социологов-марксистов уходом из зала и хлопаньем двери. Пройдет несколько лет, и Парсон и Липсет кое-чему научатся. Первый уже будет вынужден признать, что и «в марксизме есть правильное», а второй не будет больше демонстративно греметь дверью, когда выступают на конгрессе марксисты.

Это неразоружившийся эмигрант, быстро бегущий в свои семьдесят лет на заседания социологического конгресса, — Питирим Сорокин. Он похвалялся, что его книги уже издаются в Испании, не понимая, что в глазах честных людей такое внимание фашистов далеко не лестно. Это тот П. Сорокин, который в 1966 году на вопрос корреспондента «Голоса Америки»: «Кого вы можете назвать из самых выдающихся американских социологов?», не задумываясь и со свойственной ему «скромностью», ответил: «Могу назвать самого себя...» Сегодня Сорокина уже нет, он умер, уйдя в безвестие. Но тогда на конгрессе он был полон энергии.

Я назвал лишь нескольких наших недругов, с которыми советским философам и социологам приходится скрещивать мечи во имя защиты научной философии и прогресса. Но следует тут же сказать, что хотя наши идейные противники и выступают с ненаучных социологических позиций, они опытные, часто хорошо знают факты,

хорошо подготовлены к демагогии, к борьбе против марксизма-ленинизма. Это не невежды. Это настойчивые и упорные люди. Сверх того — джентльмены: заденет тебя случайно локтем — несколько раз извинится...

Но эти люди отлично знают, чего они добиваются.

ДУЭЛЬ БЕЗ ШПАГ

На международном социологическом конгрессе американцы (главным образом — они) организовали работу секции под названием «Марксизм». С докладами выступали специально подобранные ими люди. Главными докладчиками оказались ярый американский антикоммунист Д. Белл из Колумбийского университета и некий Л. Лабетс из Лондона, точный адрес которого всегда скромно умалчивается. Позже я обнаружил, что Лабетс — не последнее лицо в лондонском журнале «Со-вей», издатели которого скрываются с не меньшей скромностью. Короче говоря, Лабетс — один из специалистов по «советологии».

Предусмотрительно «забыв», что здесь все же собрался научный конгресс, американцы подняли на этой секции чисто политические вопросы, с явно антисоветской, антимарксистской окраской. Лабетс решил выступить по проблемам состава нашей Коммунистической партии. Мои товарищи предложили сами дать анализ состава КПСС, если уж действительно это интересует некоторых участников конгресса. Но им ответили:

— Мы, на Западе, — сторонники демократии, и у нас каждый имеет право выступить на избранную тему, в том числе и господин Лабетс!

Мы еще раз убедились, что такое демократия на Западе, и вынуждены были принимать бой в несколько невыгодных для нас условиях работы конгресса.

Нет надобности пересказывать, что говорили Белл и Лабетс, но нужно отдать им должное: трудный свой хлеб клеветников и антикоммунистов они едят не даром.

Главный удар был направлен против политики и идеологии Советской страны и нашей партии, против марксизма, марксистской социологии как науки. С ответом выступил академик Федор Васильевич Константинов, руководитель нашей делегации, видный советский философ, остроумный оратор.

Когда было объявлено о выступлении Ф. В. Константинова, то в зал, где заседала эта секция, набилось полно народу, некоторые другие секции даже прекратили работу. Что скажут лабетсы и беллы, всем было известно, поэтому во время их докладов в помещении оставалось много свободных мест. А вот что скажет человек, действительно представлявший марксизм, это многим было интересно. Некоторые же надеялись присутствовать при провале советского ученого. Тем более что они знали: Ф. В. Константинов заранее не мог подготовиться, ибо порядок работы пресловутой секции «Марксизм» был известен только ее организаторам.

У нашего оратора были две возможности. Одна — выступить обстоятельно, пространно, дать подробное опровержение всех клеветнических положений противников. Но тут была большая опасность: длинные лекции можно заставить слушать студентов, но с этой меркой никак нельзя подойти к нетерпеливой профессорской аудитории. Вторая — сделать максимально краткое выступление и нанести Беллу и Лабетсу удары по самым слабым и уязвимым местам их убогих концепций.

Ф. В. Константинов поднялся на трибуну, снял очки и, не спеша, почти доверительным тоном, стал развивать свою аргументацию, раскрывая сущность и значение марксизма в нашу эпоху, в современном мире.

Вот здесь-то и хлопнул Липсет дверью, заявив, что он покидает заседание, не желая слушать о политике, он-де хочет слушать о «чистой» науке. Странная логика у этого профессора! Когда Белл и Лабетс распространялись о политике, он сидел наслаждаясь. Но когда марксист стал говорить о связи социологической науки и политики, то Липсет это счел неправомерным.

Нет надобности пересказывать выступление Ф. В. Константинова, но речь его была блестяще аргументированной и страстной. Дело пахло провалом двух антикоммунистов. Вдруг вскочил Белл, бросил вопрос:

— Вы здесь занимаетесь пропагандой коммунизма, а почему вы не говорите о тридцать седьмом годе в вашей стране, о культе личности?

Наш академик сразу же нашелся:

— Зачем же мне об этом здесь говорить? Об этом вы будете говорить вместе с господином Лабетсом, это ваш хлеб и ваша «специальность»!..

В зале прокатился смех, раздались дружные аплодисменты, одобрявшие реплику Ф. В. Константинова. Американцы любят острую шутку и умеют ценить ее даже у своего противника. Мы не раз наблюдали это на конгрессе.

Страстными были выступления чешских, польских, румынских философов-марксистов.

На выпад бывшего президента Международной ассоциации социологов профессора Маршалла о том, что ему-де ничего неизвестно, как обстоит дело с политическими и гражданскими правами в Советском Союзе, ответил наш делегат, ныне доктор философских наук Юрий Замошкин, к слову сказать, прекрасно владеющий английским языком.

Участие людей в политике зависит от многих обстоя-

тельств и особенно от социального положения человека в обществе, говорил он. Затем Ю. А. Замошкин привел факты всенародного участия наших граждан в голосовании, в обсуждении различных проектов законов, народнохозяйственных планов, массового участия избирателей, рядовых рабочих и крестьян в работе Советов и их постоянных комиссий.

— Профессор Маршалл, вы же большой ученый, хорошо знакомы с литературой и владеете к тому же русским языком. Мы удивлены, как вы можете не знать действительного положения в Советском Союзе!

В зале опять раздались хлопки, и, чтобы не оказаться в нелепом положении, а тем более в числе мелких клеветников, маститый американский буржуазный социолог профессор Маршалл извинился перед советской делегацией, сославшись на то, что он не точно выразился.

На трибуну поднялся еще один советский философ — Дмитрий Владимирович Ермоленко. И от него тоже досталось «специалистам по Кремлю»!..

Конечно, дело было не только в глубоких, страстных и остроумных выступлениях марксистов. За их спинами незримо стояла великая Советская страна, ее всемирно признанные успехи.

Американцы терпели неудачу и тогда, когда они на конгрессе стали всячески расхваливать книгу Уолта Ростоу «Стадии экономического роста» (1961 г.), которая имеет другое, претенциозное название «Некоммунистический манифест», как труд, якобы дающий ответ на все вопросы современности.

А что на самом деле имеется в этой книге?

У. Ростоу начинает с экономики, и это несколько подкупает (экономика движет общество!), ведь и в марксистском учении о социально-экономических формациях экономика стоит на первом месте. Потом Ростоу все

же раскрывает свои карты, и вот уже экономика сводится к технике и ставится на одну доску с «потреблением».

Там, где выше техника, где выше «потребление», туда и ведет дорога прогресса. К этому выводу приходит в книге У. Ростоу и прямо указывает, что эталоном, самой высокой стадией экономического роста и являются... США.

В фолианте американца одни понятия подменяются другими, и дело заканчивается обычным апологетством заокеанского образа жизни и мышления. Нет у него серьезного анализа, нет понимания роли производственных отношений в жизни общества. Из концепции Ростоу фактически выпал весь социалистический мир, занимающий территории в трех частях света, мир, где живут миллионы людей. А разве без этого в наше время можно дать глобальную теорию общественного развития!

Книга «Стадии экономического роста» является последним «шедевром» американца У. Ростоу. Однако она не принесла ему славы, а тем более не вытеснила «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, на что рассчитывал автор и его покровители.

Сам же У. Ростоу стал все более возвышаться лишь как советник президента Кеннеди, затем Джонсона. И дела у него появились другие. Журнал «Лук» 12 декабря 1967 года прямо написал, что это «самый опасный человек в Белом доме», а другой журнал — «Нью рипаблик» — 4 ноября того же года указывал, что Ростоу только тем и занимается, что «вычерчивает графики смертей и разрушений» в войнах США.

С приходом к власти правительства нового президента Р. Никсона в 1969 году У. Ростоу оказался не у дел. В печати промелькнули сообщения, что даже американские университеты отказались от услуг бывшего профессора.

Настроение хорошее (советские философы П. Н. Федосеев, Ф. В. Константинов, Г. Е. Глезерман на социологическом конгрессе в Эвиане в 1966 г.)

Невольно начинаешь предполагать: а был ли У. Росту вообще социологом, ведь мир наш знает великие мистификации!

Что касается Лабетса, то он продолжает действовать в Лондоне как «специалист», «изучающий» Восточную Европу. Он пописывает злопыхательские статейки и даже передовые для «Совей».

На очередном социологическом конгрессе в Эвиане во Франции в 1966 году в перерыве между заседаниями Лабетс вдруг протискался из толпы. Не сразу я его узнал, поэтому поздоровался за руку. Позже никак себе не мог этого простить.

— Вы собираетесь выступать? Какая тема и в какой секции?

— Нет, на этот раз я вольнослушатель. Не успел подготовиться... — ответил «специалист».

Это было тем более удивительно, что вообще ни один «советолог» никогда добровольно не отказывался от возможности взобраться на трибуну конгресса, чтобы обрушить на головы своих слушателей результаты «новых» изучений. А Лабетс выступал на всех пяти социологических конгрессах, начиная с первого в Цюрихе (1950 г.).

Во Франции на конгрессе, в условиях тогда несколько ослабленной остроты борьбы на международной арене (результаты успешных акций СССР и других социалистических стран, выход Франции из НАТО, некоторое затишье в связи со сближением Востока и Запада), обстановка не способствовала развитию антисоветизма. Может быть, потому и многие лабетсы не решались выступать.

Лабетс досрочно покинул конгресс в Эвиане и укатил в Лондон на своей старой видавшей виды машине...

ВИТРИНЫ БЕЗ ТОВАРОВ...

Темны твои джунгли идеологические, Америка!.. Сколько неудач уже претерпели твои могучие в богатстве классы, когда они выходили на битву за идеи! Сколько наукообразных «теорий» кануло в реку забвения! Когда-то буржуазия имела своих светочей, ныне, как говорят ее критики, у нее остались одни подсвечники. Мир капитализма одряхлел, особенно духовно.

И все же не смирились сильные мира твоего, Америка. Снова судорожные попытки, и на читательские головы сваливаются «новые» теории, на которые возлагаются

самые нелепые надежды в борьбе с неукротимым течением жизни. Эти темные силы по-прежнему в походе против всего честного и разумного на Земле. Не для красного же словца Никсон сказал: «Мы должны переспорить или умереть!» Много воды утекло в Потомаке, но отравленное жало американской реакции, как и прежде, угрожает людям. Не повезло У. Ростоу и его «стадиям», зато открылась дорога другим.

Среди реакционных буржуазных философов и социологов уже длительное время мулсируется вопрос о так называемой «деидеологизации», которая свое начало берет еще от старого, давно опровергнутого буржуазного философа Макса Вебера, голосовавшего в начале нашего века за «чистую социологию», «чистую науку» вообще, освобожденную от политики.

В 1960 году в США вышла объемистая книга Д. Белла «Конец идеологии. Об истощении политических идей в пятидесятых годах». Ее подхватили заинтересованные в этой теме идеологические круги на Западе, заработала реклама, включились и джентльмены. Сам Белл стал не на шутку подумывать, что он и впрямь великий философ современности. Его мало смущала нелогичность его книги: вместо научных положений он взял некоторые антисоветские вымыслы, добавил к ним измышления о якобы происходящей «модификации капитализма», о подъеме «государственного благоденствия» на Западе и в конце концов договорился до того, что США якобы пришли уже к некоему «бесклассовому обществу». Попирая безбожным образом самые элементарные факты, Белл утверждал, что эксплуатация рабочего капиталистом просто абстрактный термин, ибо никаких капиталистов на самом деле, мол, уже нет, как нет и пролетариата со всей его классовой психологией. При такой «логике», по Беллу, отпал вопрос о противоречиях между рабочими и капиталистами, а значит и об идеологических

различиях между ними. И, наконец, вывод — идеология себя исчерпала!

Тогда же нашелся Г. Айкин, еще один профессор Колумбийского университета (далее мы подробнее расскажем о тайнах этого университета и некоторых его представителях), который договорился до того, что философии и философам вообще политика не нужна.

Заговорил на эту тему респектабельный и резвый на перо антикоммунист из Франции Раймон Арон, который, применяя термин «деполитизация» в своей книге «Индустриальное общество, идеология, философия», появившейся в 1965 году, провозгласил тезис «о конце идеологической эры».

К всемирному социологическому конгрессу в Вашингтоне задуманный поход оказался еще не совсем подготовленным. Зато в 1966 году, когда очередной социологический конгресс мира собрался в Эвиане на берегу Женевского озера во Франции, Д. Белл, полный наигранной патетики, объявил, что «мы присутствуем при конце эры идеологии», и предложил заменить «идеологию чисто техническим знанием о мире». Он подобно библейскому мессии объявил, что отныне социологи и философы свободны от политики.

Однако конгресс принял сего мессию далеко не смиренно, разгорелись дебаты. Часть буржуазных ученых, проявляя полную неосведомленность о действительно существующих связях науки и политики, науки и идеологии в классовом обществе, выискивали у Белла «рациональное зерно». Пусть Белл и тенденциозен, говорили они, но все же как облегчилось бы наше положение, если действительно отказаться от политики, идеологии и заняться только чистыми научными изысканиями, ведь мы не президенты, зачем нам идеология.

Подоплекой таких суждений была полная неудовлетворенность той философской похлебкой, которой кормят

интеллектуалов на Западе, явно отрицательное отношение части буржуазных ученых ко всем антикоммунистическим теориям, действительно мешающим объективным исследованиям, развитию демократической мысли в капиталистическом мире. Но отрицая реакционную идеологию и политику, эти буржуазные специалисты объективно занимали в этом случае негативное отношение и к марксистско-ленинской идеологии, подлинно научной методологической теории. А этого именно и добивались беллы и К^о.

Став на утопическую точку зрения — во что бы то ни стало избавиться от политики и идеологии, — многие честные ученые закрывают себе дорогу к научной идеологии, обедняют себя как специалисты. Прежние попытки подобного рода загнали ряд буржуазных ученых в тупик бесплодия. Примером здесь может служить видный французский социолог Ж. Фридман, много лет занимавшийся изучением социологического аспекта... разведения голубей шахтерами северной Франции. В итоге он вынужден был признать, что этой «проблеме» он придавал непомерно большое значение...

В наши годы острых идеологических столкновений, когда идеологическая борьба как форма классовой борьбы проявляется ярче, чем когда-либо прежде, невозможно и думать избавиться от идеологии, тем более в гуманитарных науках, которые по своему существу являются идеологическими. Если взять ту же философию или социологию, то в них всегда дается оценка общественным фактам, идеалам, формулируются моральные оценки общественных явлений, всегда неизбежно присутствует идеологическое содержание. А раз все это так, то вопрос сам по себе ставится в жизни иначе: какую выбрать идеологическую теорию, какой придерживаться идеологии, точки зрения — научной, марксистско-ленин-

ской или реакционной, буржуазной, которая толкает людей на искаженное представление об окружающем мире?

Для ученых, не сбитых с толку империалистическими «теориями», ответ здесь однозначный — заниматься наукой и получать объективные данные. И марксисты, подтверждая, говорят: подлинная научность достигается лишь там, где ученый использует в своей практике методологию марксизма-ленинизма, его идеологию, ибо только она является научной идеологией. Что же касается «теории деидеологизации», то она является сама по себе ни чем иным, как формой далеко не лучшей идеологии, но более тонко замаскированной, чем это делалось до сих пор духовными слугами империализма.

Плен «деидеологизации» означает для любого человека опасность превратиться в марионетку реакционеров, которые и не думают отказаться от идеологии, от политики, служащей им в борьбе за сохранение капиталистического строя.

Сейчас уже трудно припомнить некоторые подробности ситуации, сложившейся на Эвианском социологическом конгрессе, когда марксисты разных стран, и особенно социалистических, нанесли первые удары по этой «теории», показали скрытые в ней подводные камни, подготовленные для малосведущих и доверчивых людей.

Д. Белл, быстро оправившись от первого шока, храбрился, но больше для своих сторонников, ряды которых поредели, во всяком случае, на конгрессе. Раймон Арон своим оппонентам не отвечал, оставаясь в позе гордой и недоступной респектабельности. Но на критику советских социологов он отреагировал, заявив корреспонденту газеты «Прогрэ», что «впервые так значительно участие русских» в конгрессе.

Империалистические заправки на Западе, несмотря на горечь критики в Эвиане и в печати многих стран

мира, не смогли расстаться со своим дитятей («деидеологизацией») и ныне используют его в своем арсенале, широко разглагольствуя о «новой» теории через свою печать, радио, телевидение, услужливых дментльменов с университетских кафедр, на различных международных встречах... Знать, небогато живут наши противники, если довольствуются теорией с такими изъянами!

Современный буржуазный мир, кощунственно именующий себя демократичным, не обходится без идеологических диверсий, обмана, фальсификаций. Приравнивая свои теории к товарам, он стремится заставить ими идеологические витрины. В книге «Америка нуждается в идеологии» П. Кемпбелл и П. Гордон признаются: «Без идеологии демократия напоминает ярко освещенную витрину магазина, в котором нет товаров».

А добротных идеологических товаров в Америке и нет: ярка и криклива лишь их упаковка!

КАМЕННЫЙ СПРУТ

Из Вашингтона в Нью-Йорк самолеты отправляются почти сплошным потоком, образуя настоящий воздушный мост; они вылетают каждые двадцать пять минут. Мы быстро проходим на посадку, приобретая билеты фактически у входа в самолет. Так и хочется сказать «как в трамвае». Только успеваем сесть поудобнее, как уже заработали воздушные винты и самолет стал выруливать на взлетную дорожку.

Нью-Йорк нас встретил жарой. Здесь, в этом каменном городе, она кажется просто невыносимой. Всюду высокие здания, накаленные, взметнувшиеся вверх небоскребы. И между ними в каменных траншеях, глубоких

колодцах, где почти недвижимо лежит горячий воздух, живут 13 миллионов людей. По улицам день и ночь несутся сотни тысяч машин, выделяя пары газа, отработанное масло. Воздух очень тяжелый. Мы удивлялись, как можно жить в этом городе.

Сами американцы говорят, что наибольшая заболеваемость душевными болезнями — в Нью-Йорке. Этот город — поистине произведение современного капитализма. Здесь все (и это наиболее ярко выражено) подчинено доллару, бизнесу, гонке за прибылями. Все эти небоскребы и высокие здания представляют собой, как правило, различного рода конторы концернов и компаний, трестов и синдикатов, в которых делается политика денег, политика добывания долларов за счет эксплуатации не только американского народа, но и всех других, где это еще удастся американским монополистам.

У воротил размах поистине американский. Мы были свидетелями такого факта. Крупный бизнесмен купил довольно хороший дом в 35 этажей, купил, чтобы снести его. Мы были удивлены, ведь дом мог еще стоять десятилетия. Но новый его хозяин решил на месте этого «домика» воздвигнуть 50-этажный отель, который должен дать прибыли, покрыв убытки по сносу.

Такие вещи в Америке явление не редкое! Погоня за долларами часто заставляет разрушать то, что сделано трудовыми руками на века.

В США погоня за прибылью проникла во все поры жизни общества. И это еще более усложняет положение. Мысли почти каждого американца сосредоточены на том, как заполучить доллары, как делать бизнес.

Шофер такси нам сказал, что единственная его работа — это доллары, доллары, доллары. «Каждый вечер

Нью-Йорк со 102-го этажа Эмпайр стейт билдинг
(Фото В. К. Калнберза)

подсчитываю, что я заработал сегодня». Он всю жизнь работает шофером такси, так и не сумев приобрести за все годы собственную машину. Кар, на котором он работает, принадлежит компании; последняя дала ему машину при условии, что ежедневно в кассу компании будет вноситься определенное количество долларов. Чтобы удовлетворить аппетит компании, требуется 10—12 часов ежедневной работы. «Но ведь я хочу жить!» — говорит нам собеседник. И практически он свободно (!) работает 14—16 часов, чтобы заработать себе на жизнь.

Вот так на конкретном примере выражается пресловутое «равенство возможностей», свобода гражданина Америки!

Куда мы только ни обращались, мы всюду чувствовали и видели тлетворную силу доллара, которая временами принимает весьма странную форму.

Мы пытаемся свернуть в переулок, но нас останавливает надпись: «Вход запрещен. Частная улица». Оказывается, этот кусок земли принадлежит хозяину, и он волен поступать по своему желанию, на его стороне — закон.

Нелегко здесь найти стоянку для машины, так как часто место у тротуара оказывается собственностью какого-нибудь господина и за стоянку на таком месте должна быть внесена отдельная плата.

Однажды мы отправились осматривать знаменитое здание Эмпайр стейт билдинг, которое считается наиболее посещаемым зданием в Нью-Йорке. Разумеется, посещают его главным образом туристы, если не считать 16 тысяч служащих, которые ежедневно заполняют свои офисы в этом гигантском муравейнике.

Скоростной лифт взметнул нас вверх, и многие сразу же почувствовали характерную тяжесть в ушах, как при подъеме на гору. Эмпайр стейт билдинг — 102-этажное здание, которое вместе с телевизионной башней составляет высоту почти в полкилометра.

Несмотря на жаркий день, на высоте прохладно. Внизу — беспорядочные каменные глыбы кварталов, нагромождение скал, над которыми возвышаются лишь отдельные здания, например, 77-этажный небоскреб Крейслер билдинг. Где-то внизу изгибаются цепочки автомашин, людей почти не видно, толпы пешеходов кажутся каким-то мало различимым месивом. Зато хорошо читаются рекламы крупнейшего магазина «Мейси», расположенного в ближайших кварталах.

Эмпайр стейт билдинг построен американскими инженерами в 20-е годы и, безусловно, представляет собою интереснейшее инженерное сооружение и впечатля-

ющее зрелище, не говоря уже о том, как приятно обозревать гигантский город мира с такой высоты. Довольными остаются туристы, а тем более хозяева дома, которые с каждого из 35 тысяч ежедневных посетителей взимают почти два доллара. Не случайно эта копилка долларов работает без выходных дней, с 9.30 часов утра до 12 ночи.

Американская реклама расхваливает Эмпайр стейт билдинг как уникальное явление в мире, выражающее чудеса американского образа жизни. Но это далеко не так. Строительство небоскребов в США и особенно в Нью-Йорке объясняется дороговизной земельных участков в центре города, поэтому здания не могут распространяться вширь, а растут вверх. Что касается высоты, то в наши дни это уже не диковинка. Вспомним башню телецентра в Останкино в Москве — ее верхушка маячит на высоте 533 метров! Французы уже запланировали в Париже башню высотой в 725 метров.

«ПРОЦВЕТАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО»?

Америка — богатая страна. Она не знала ни одной разрушительной войны на своей территории. Даже в годы второй мировой войны, когда сотни городов в десятках стран дымились, превращенные в пепелища, на США не упала ни одна бомба. И тем не менее капитализм несет ежедневно бедствия миллионам людей. Люди труда в США обладают мизерным состоянием, а монополии и корпорации финансовой олигархии сосредоточили под своей властью три четверти всех богатств страны.

США надо рассматривать, сняв с них яркую этикетку. Помимо известного Гарлема в Нью-Йорке есть еще

район Бауэри. Бауэри представляет собой совершенно невообразимую картину дна капиталистического города. В Бауэри запрещен въезд гражданам социалистических стран, ибо правители США хотят скрыть правду от мирового общественного мнения.

В этом районе в жалкой нищете ютятся тысячи людей, имевших когда-то работу, семью, квартиру. Но работу они давно потеряли и опустились на дно. Здесь существуют ночлежки, совершенно неизвестные до сих пор миру: люди спят сидя, положив руки и голову на протянутую веревку. Богатая Америка не может предложить им простых нар! Местные католические и другие церкви создали «армии спасения» и пытаются как-то оказать помощь этому заживо гибнущему населению.

Нечто подобное нью-йоркскому дну, конечно, имеется и в других городах США — в Чикаго, в Детройте, где давно появились огромные массы безработных вследствие автоматизации капиталистического производства.

В Америке много автомобилей, и американцы гордятся этим. Но пользование автомобилем в Америке стоит дорого. Достаточно указать на то, что бензин в шесть раз дороже, чем у нас. Короли нефти и бензина диктуют цены на рынке. Лучшие автодороги — частные, а за проезд по частным дорогам надо платить, причем платить значительную сумму. За каждую машину, переезжающую через Бруклинский мост в Нью-Йорке, надо платить четверть доллара.

В стране миллионы безработных, многие работающие в кабале у кредиторов, которым ежемесячно надо вносить долю за взятые в кредит холодильники, пылесосы, машины. А квартплата?

Мы смотрели некоторые квартиры. Первая была довольно хорошая: две комнаты — 45 кв. м — плюс бал-

кон. В центре Нью-Йорка. Современная кухня с холодильником, газом и т. д. Но ее стоимость — 350 долларов в месяц.

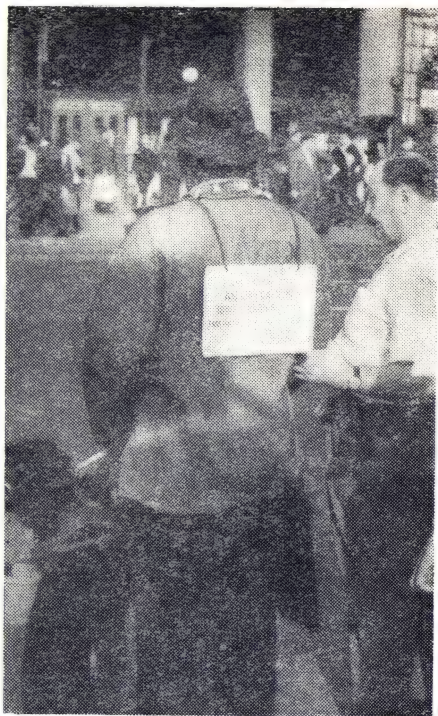
— Это почти 60 процентов того, что я приношу домой, — говорит хозяин.

Вторая квартира состояла из двух комнат. Здесь семья получает в месяц только 350 долларов, а на квартиру уходит 150 долларов. Квартира стоимостью менее 100 долларов — это уже не квартира. Так нам говорили сами американцы.

Цены на квартиры полностью находятся в руках собственников домов. И некоторые попытки правительства как-то за-

морозить цены не увенчались успехом. И никогда не увенчаются, ибо в капиталистическом обществе цены на квартиры, как и цены на все другое, диктуются не желаниями людей, а действием закона стоимости.

Сравнительно дорог в Америке хлеб, очень дорого посещение кино. На картины, идущие первым экраном,

Нью-Йорк. Слепой, собирающий средства на операцию (Фото В. К. Калнберза)

билет стоит от 2 до 3 долларов. Билет за 60—80 центов можно купить лишь на старые кинокартины.

Проезд в метро стоит 15 центов.

В Вашингтоне весь транспорт в частных руках. Там нет метро, и если вы хотите куда-либо проехать, то единственное средство — такси или автобус.

В США высокая плата за лечение и за лекарство. Фактически лечение американских граждан находится в руках различного рода дельцов от промышленности по производству лечебных препаратов, врачей-частников, де-рущих втридорога, и настоящих шарлатанов.

Один из членов нашей делегации заболел гриппом. Он пытался обратиться к врачу в советском посольстве, но врач выехал за город. Тогда он пошел к частному врачу. Врач осмотрел его, дал рекомендации, выписал рецепты на лекарство, и это обошлось заболевшему в 30 долларов.

В стране имеется немало отлично оборудованных больниц, родильных домов, хирургических отделений. Однако прием родов в родильном доме стоит 1200 долларов, а пребывание там каждые сутки после родов — 100 долларов. Средние операции, такие, которые выполняются у нас в любой больнице, стоят 1500—2500 долларов. Операция больного раком стоит колоссальную сумму: от 5 до 8 тысяч долларов.

Всем этим пользуются разные «благодетели», рекламирующие по радио и телевидению «чудодейственные» лекарства. Простой американец, который часто все свободное время отдает телевидению, следит за рекламой, узнает о «новом» лекарстве, немедленно его покупает и лечится сам. Такие «новинки» в США дешевы, в лучшем случае бесполезны, а иногда даже опасны, как пресловутый «муклинс» при желудочных заболеваниях. Американцы ежегодно съедают почти 40 тысяч тонн

успокоительных таблеток с громким названием «пилюли счастья».

Можно понять, что происходит в результате такого «лечения», без наблюдения и консультации врача!

Обстановка в США такова, что она деморализующе влияет на жителей страны. Сами американцы говорят, что хотя многие и живут неплохо, но все это непрочно, так как никто не знает, что его ожидает завтра.

...Это было в Нью-Йорке. Жара стояла неимоверная, в Центральном парке все пересохло, разморилось, тяжело дышали даже белки, которых любопытные кормили с рук. Мы вошли в кафе самообслуживания и влились в общий поток людей. Перед обедом принято по американскому обычаю, да еще в такую жару, выпить стакан холодной воды. Говорят, это улучшает пищеварение. Тем более, что такую воду даже в Нью-Йорке, где большой дефицит воды вообще, вы можете пить бесплатно. (Бесплатно — так нам сказали. Но это явно похоже на «бесплатность» салата, который вам подают в ресторане к дорогому блюду из курицы.)

Мы с аппетитом ели вкусное мясное блюдо, нечто вроде отбивной. Напротив нас оказалась старушка, очень скромно, если не бедно, одетая. Перед ней был мини-атюрный бутербродик и стакан «бесплатной» воды. Она полностью была погружена в свои мысли. Попытка заговорить с нею оказалась безуспешной. Старушка просто не замечала нас. О чем она думала? Что угнетало, сковывало ее? Может быть, она лишилась последней своей работы в жизни, а годы немалые? Может, внуки остались без образования? Нет денег даже на лекарства? Или потерял последний угол, где еще вчера она могла приклонить голову, и ее ждет Бауэри?..

И вдруг я будто слышу голос: в США богатые и бедные не так далеко отдалены друг от друга, как они отдалены в Европе, а Соединенные Штаты — это самая

богатая страна и самая счастливая, это первая новая нация в мире!

Кто это говорит? Чей голос?

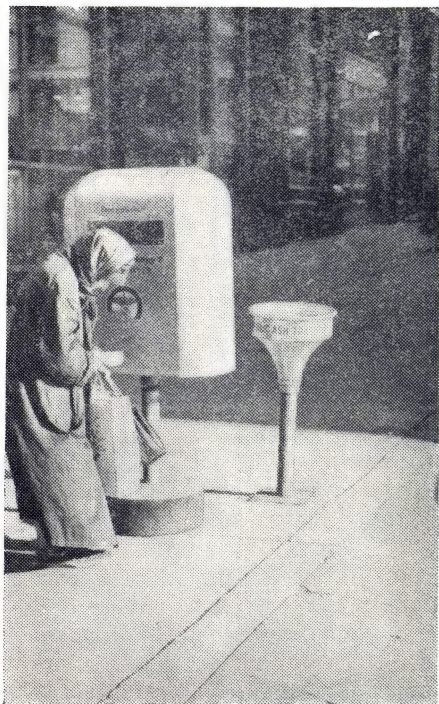
Наконец понимаю, что к нашему молчаливому диалогу со старушкой никто не присоединился. Но в моем сознании вновь возникли слова из доклада преуспеваю-

щего американского профессора Калифорнийского университета С. Липсета, выступавшего на конгрессе в духе идей Ростоу в защиту американского «процветающего общества».

Пустые слова не могут изменить вещей, обстоятельств.

Таких молчаливых, сосредоточенных в себе старых и молодых мужчин и женщин, хорошо и плохо одетых, мы в Америке встречали нередко. Они неразговорчивы и даже неприветливы. Им ни до кого нет дела.

После нашей поездки прошло уже несколько лет. Может быть, жизнь в Америке изменилась в

Нищая на улице Нью-Йорка
(Фото В. К. Калнберза)

лучшую сторону, ведь какое множество радужных планов за это время было провозглашено в Вашингтоне! Однако послушаем, что говорит один американец. «Стоимость медицинского обслуживания и лечения в больницах велика и продолжает возрастать... Потрясает тот факт, что в деле сохранения жизни новорожденных Америка занимает пятнадцатое место среди других стран... Растет число преступлений на улицах наших городов. Цены растут».

Но внушает ли доверие этот американец? Думаю, что да. Ведь это слова бывшего президента Джонсона, взятые из его выступления в конгрессе «О положении в стране» от 17 января 1968 года.

Проходит год. И снова — «О положении в стране». На сей раз президент Никсон. Он подтверждает, что «сегодня миллионы американцев вынуждены залезать в долги» и что 70 процентов народа живет в городских районах «с отравленным воздухом и водой, оглушаемые шумом и терроризируемые преступниками». Ничего по сути не предложив, Никсон в январе 1970 года лишь патетически воскликнул: «Мне видится Америка, в которой исчезнет голод, где каждой семье будет обеспечен минимальный доход!..»

Вот тебе и «процветающее общество» Америки!

Джонсон и его окружение дали испытать своему народу добрую чашу горя — война во Вьетнаме, расистские погромы в больших городах Америки. Никсон добавил интервенцию в Камбодже и в Лаосе. Один из моих друзей в США (я не называю его фамилии, чтобы не повредить ему) в конце прошлого года прислал мне полное отчаяния письмо. В нем я нашел такие строки: «Пессимизм насчет недалекого будущего в США охватил широкие круги интеллигентов здесь. Я даже делал планы... покинуть США и переселиться в другую страну, на другом континенте».

Трудные дни переживает Америка! И хотя гостям больше положено восторгаться достопримечательностями и всякого рода диковинками, но как хочется понять мир не только сердцем, но и разумом!

ЛАТЫШИ В АМЕРИКЕ

После завтрака я сразу же звоню Яну Озолу. Это была моя единственная возможность встретиться или хотя бы поговорить с человеком, чье имя вам обязательно встречалось, когда вы изучали историю революции 1905—1907 годов в Латвии.

Ян Озол! Его имя гремело в революционных боях против царского самодержавия. Это он был в числе тех, кто в 1900 году встретил Ленина во время его единственного приезда в революционную Ригу.

Около шестидесяти лет назад Ян Озол должен был эмигрировать из Латвии и оказался в США. Пользуясь его большой помощью, мне удалось написать несколько книг по истории Латвии. Никогда не порывая связи со своей родиной и относясь с огромной любовью к революционной истории, будучи уже глубоким стариком, Ян Озол прислал мне интереснейшие материалы, которые дали возможность конкретнее представить философские воззрения одного из первых латышских марксистов Яна Янсона-Брауна и особенно зачинателя марксистской философии в Латвии Фрициса Розиня. К сожалению, мне не удалось сохранить с Яном Озолем систематической переписки. Не удалось и предварительно списаться о встрече в Нью-Йорке.

Снимаю телефонную трубку. Набираю номер. Какие-то странные шифры нью-йоркских телефонов «Loggain 78572»! К тому же я вдруг чувствую, что у меня несколько дрожит рука, которой я поворачиваю диск. По-

нимаю: ведь я сейчас, может быть, услышу того, кто говорил с Лениным еще в 1900 году в Риге, когда Владимир Ильич еще был молодым и приехал в Ригу налаживать связи с латышскими революционерами...

Но что это? Мне отвечает женский металлический голос, и телефон быстро выключается. Оказывается, что с подключенной к телефону на квартире пленки мне сообщают: «Мистера Озола нет, выехал за город. Мистера Озола нет, выехал за город. Мистера...». Справочная мне толкует, что это означает довольно длительный выезд всего семейства.

Да, сентябрь в Нью-Йорке ужасен. Кажется, пахнет паленым камнем и, безусловно, раскаленными парами бензина, выхлопными газами. При первой возможности нью-йоркцы бегут из города.

Со дня той поездки прошло уже несколько лет, и недавно я узнал, что встреча с Яном Озолom теперь не сможет состояться. Он умер 30 июня 1968 года. Еще раньше умерла его супруга и верный друг Эльза Карповиц. У нее оказался рак, все семейные сбережения ушли на операцию, которая практически ничего не дала, но разорила семью Озола. Потом Ян оказался в Сан-Франциско, в доме престарелых.

Так житейское море, море американского капиталистического каждодневья затерло Яна Озола, привело его к безысходному тупику.

Но имя Ленина навсегда осталось для Яна Озола дорогим. После второй мировой войны Ян Озол написал краткие воспоминания о рижских встречах с Лениным.

В Америке живет немало революционных эмигрантов. Больше всего их находится в Бостоне. Среди них, вероятно, уже нет никого, кто видел большого революционера Латвии, который был в Америке эмигрантом на переломе прошлого и нашего веков — рабочего Давида Бунджу (1873—1901). Здесь Давид издавал первый

бесцензурный марксистский журнал латышей с нежным названием «Аусеклис», что по-русски означает «Утренняя звезда».

Но старики-латыши в Бостоне помнят еще самоотверженного бойца из «лесных братьев» Давида Бейку, видели Фрициса Розиня, редактировавшего там латышскую революционную газету «Рабочий». Вместе с Уильямом Фостером и другими Ф. Розинь участвовал в издании «The Internationalist» — газеты Социалистической партии Америки, газеты, к которой одобрительно отнесся В. И. Ленин. Они помнят близкого к Ильичу человека Яна Берзиня-Зиемелиса, а также А. Нейбута (1884—1919) и многих других латышских революционеров-марксистов, закладывавших фундамент великой дружбы революционеров разных континентов — Европы и Америки.

Разве можно об этом забыть, когда из Советской Латвии приезжаешь в США!

Старики-латыши рассказывали мне о революционной работе среди латышей в Америке. В годы войны здесь собирали деньги для Советской Армии. Латыши, что помолсже, хотя часто плохо изъясняются на родном языке, согласно кивают головами. На прощание мы получаем необыкновенные сувениры — революционные латышские издания США, книгу на латышском языке — «Приветствия Советской Латвии», изданную в Нью-Йорке в 1949 году.

Вероятно, надо самому пережить такие встречи, чтобы хорошо понять, почему иногда невольно у тебя выступают на глазах слезы...

Большинство латышей, живущих по тем или другим причинам в Соединенных Штатах, сохранило любовь к родной латышской земле, и эту любовь не могли заглушить в их сердцах даже опытные антисоветчики, годами изливающие грязь на нашу страну.

Буря второй мировой войны снова унесла из Латвии за рубеж немалое число семей. Многие из них осели в Америке. Люди без корня, без родины, они напоминают опавшие листья. Многие из них возвращаются домой, убеждаясь, что Советская Латвия не таит зла, даже если человек когда-то ошибся.

ТАЙНЫ КОЛУМБИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Предстоял ленч в Колумбийском университете. Мы — на зеленой территории университетского городка. Здесь всюду студенты, многие лежат на траве, вытянувшись во весь рост, другие читают, поджав под себя ноги, двое забрались даже на пьедестал статуи, которая образовала немного тени. Студенты как студенты, но мне они показались немного взрослее наших, советских.

В разговоре со студентами Русского института университета, довольно хорошо владевшими русским языком, выяснилось, что для многих из них учиться здесь — значит жить, преодолевая большие препятствия и трудности. Плата за учебу в Колумбийском университете довольно высокая — 2,5 тысячи долларов в год. Только посещение библиотеки стоит ежегодно 500 долларов. Многие с трудом собирают такую сумму. Приходится прерывать учебу, копить деньги и снова возвращаться сюда. Чтобы окончить университет, многим требуется 8—10, а то и 12 лет. Поэтому преобладающая часть студентов, действительно, великовозрастная.

Платное слушание лекций, плата за прием экзаменов, плата за библиотеку... Как это далеко от условий, привычных для наших, советских студентов! Как завидуют нашей молодежи их американские сверстники, не

знающие бесплатного обучения в высших школах! Им оно достается дорогой ценой!

Нам понравились встреченные нами американские студенты — они общительны, большие любители шуток, откровенны в разговоре. На вопрос, к чему они стремятся в ближайшие годы, все ответили: окончить университет. Многие добавили: жениться на хорошей девушке, приобрести машину, коттедж, получить хорошую службу, поехать в Россию. Что же, вполне человеческие желания, хотя у нас осталось впечатление, что эти стремления несколько узки и однобоки. Однако не будем спешить с суждениями: перед нами были молодые люди, которые уже в ближайшие годы могут внести свое в жизнь родной страны...

Но нам нужно было расставаться с толпой словоохотливых студентов. Нас ждали на ленче.

В месте, где назначен прием, — вежливые хозяева. Встретили мы и некоторых знакомых по конгрессу. Но были и новые лица.

— I am glad to meet you! («Рад встретиться с вами!»)

Это говорит Александр Далин. О да, ведь это же тот печально известный автор, который пишет «сенсационные» книги по так называемому «советскому шпионажу»! Трудно сказать, насколько он рад нашему приходу, но ведь он руководитель Русского института Колумбийского университета, он принимает нас улыбаясь.

Под стать ему здесь господа Спивак, Кочубей и некоторые другие с украинскими и русскими фамилиями. Кто уехал из России мальчиком, а у кого лишь родители выходцы из России. Ничто этих людей не связывает уже с нашей родиной, кроме чисто профессионального интереса, к тому еще неплохо оплачиваемого.

Но лучше я предоставляю слово одному авторитетному

американскому автору — Перло. Ссылаясь на книгу Мориса, Перло пишет: «В своей деятельности Рокфеллер особое внимание уделяет Русскому институту Колумбийского университета, которому предоставлено более полумиллиона долларов на подготовку специалистов, и проделаны исследования о России, о русском народе. Из этого института вышли многие эксперты и советники по России в госдепартаменте».

Это только надо себе представить — Рокфеллер выделяет Колумбийскому университету для нужд Русского института полмиллиона долларов! Как же нужно угодить Рокфеллеру и ему подобным, чтобы получить такой куш! А чтобы деньги и впредь предназначались на «дело», президентом Колумбийского университета сделали Грейсона Кёрка, бывшего председателя компании «Стандарт ойл компани оф Нью-Йорк», компании из «империи» Рокфеллера.

И Русский институт старается показать себя перед этими истинно финансовыми гориллами с наилучшей стороны!

Институт играет большую роль в деятельности руководителей внешней политики американского правительства. Здесь много различного рода «специалистов» по России, замаскированных советников Пентагона. Трудно сказать, чем в деталях занимается Русский институт, но уже известно, что делается в аналогичных «исследовательских» центрах, например, при Гарвардском университете, где функционирует небезызвестный «Исследовательский центр по вопросам русской политики».

Этот «центр» только за последние 10 лет опубликовал 34 книги и 350 крупных статей о коммунизме, об экономике, политике, истории и культуре социалистических стран. Хотя все это и преподносится под

видом «объективных научных исследований», но дальше искусной фальсификации политики Советского правительства, Коммунистической партии, искажения истории и современной жизни советского народа дело не идет. Но это еще не все. Даже в отчете «центра» не скрывается, что «двадцать его сотрудников провели почти целый год в Мюнхене, допрашивая бывших советских граждан в целях получения подробных сведений о самых различных сторонах жизни в Советском Союзе».

В итоге этих допросов (здесь без кавычек!) «исследователи» собрали десятки биографий бывших советских граждан, много специальных тематических интервью и ответы на разные анкеты. Высшие правительственные инстанции США получили 50 крупных специальных докладов.

Вот так выглядят в США «объективные исследования по России» и таковы почти полицейские функции, которые выполняются всякого рода «специалистами» — социологами из этих институтов!

Русский институт Колумбийского университета представляет собой важную часть большого комплекса, созданного для «исследования России» в этом университете. На зеленые лужайки большой территории Колумбийского университета смотрят еще окна и так называемого «Института по проблемам коммунизма», возглавляемого Збигневом Бжезинским, а под скромным названием «Программа Восточной Европы» прячется Институт Центральной и Восточной Европы.

Мы фактически пребываем в крупнейшем штабе, который готовит идеологические диверсии против Советского Союза, социалистических стран вообще, против борцов за свободу и руководит этими диверсиями.

Поэтому наш разговор не клеится: мы говорим в общем и целом обо всяких абстрактных вещах. Не касаемся лишь погоды, ибо это уже явно дурной тон.

Но мы не жалели об этой встрече, она дала нам возможность познакомиться еще с одной группой наших идеологических противников. Как-никак, а изучить их надо!

ЕЩЕ ОБ АМЕРИКАНСКОЙ ТЕХНИКЕ И ЦИННИЗМЕ

Вечером я спускаюсь в нью-йоркское метро. Стены заклеены тысячами метров кричащей рекламы, всюду бойкая торговля — сигаретами, кока-кола, печатной порнографией. Делают это преимущественно... автоматы. Полно чистильщиков обуви, неудержим поток спешащих к вагонам людей. Грязно. Пол и стены внизу заплесканы остатками жевательной резинки. Она прикипает как приваренный металл, — никакими силами не счистить. Впечатление неприятное. Тем более что мы знаем метро в Москве, где всегда блеск и чистота, хотя пассажиров не меньше, чем в Нью-Йорке. Это противопоставление напрашивается само собой.

Решил я завести «знакомство» и с гадательным аппаратом. Они в Америке — стихийное бедствие, полно их и в метро.

Достаю из кармана центы и бросаю в узкую щель машины. Щелчок, и вот я получаю свою карточку «Grandmothers prophecies», в переводе — «Бабушкины пророчества». Она мне предсказывает: путешествие вокруг мира, денег без ограничений, и последующие годы, полные счастья и яркого солнца. А если вы хотите узнать еще больше, говорится в конце пророчества, то бросьте еще

GRANDMOTHER'S PROPHECIES

A trip around the world is in store
for you

With it a great deal of happiness too.

You will have unlimited money

And life for you will be very sunny.

You are a very serious person, and have had little time to relax. But your future looks very bright. You are a fastidious person, and your surroundings have the power of making you very happy or miserable. Do not seek for new friends. Your old ones are very worth while. You have a stubborn nature, but sometime you yield to persuasion of those you love.

Drop another Coin in slot and I will tell more

Your Lucky Numbers—484—05, 06, 07, 08

Copyright 1944, Mike Munves Corp., New York

Так просто в США стать счастливым
(пророчества, полученные за 5 центов)

А завтрашний день Америки вовсе не здесь, — он рождается в гуле антивоенных демонстраций, в гневном про-

одну монету. Всего пять центов! Стоит ли тут задуматься?

На гадательные аппараты немалый спрос. Обывателю они нужны для самообольщения, авторам «процветающего общества» — чтобы все обещать в будущем. А пока миллионы людей подобно той старушке пьют в кафе «бесплатную» воду, обходятся самыми дешевыми продуктами, если они не живут в Бауэри, и на сон грядущий вытряхивают перед ненасытным гадательным аппаратом свои последние пять центов, напрасно надеясь узнать, что же их ждет завтра...

тесте трудящихся против расового неравенства, против власти монополий, в объединении левых сил.

Из США мы снова летели обратно на большом красивом реактивном самолете американского производства «боинг-707». Перелет в один конец — более семи часов, над океаном — 5,5 часа. Большой самолет сравнительно удобно устроен, хотя, на мой взгляд, сидений могло бы быть поменьше, — в лайнере их около 200. Четыре реактивных двигателя выжимают скорость 900—950 км в час.

Каждый раз после вылета представитель команды давал всевозможные разъяснения, суть которых сводилась к следующему: если что-то случится с самолетом и вы получите указание, то немедленно из-под своего сиденья вы должны извлечь пакет. В этом пакете «жилетка жизни». «Жилетку жизни» надо надеть, надуть, зажечь лампочку, укрепленную на «жилетке», приготовить батарею, которая дает искру против акул, и если окажетесь в водах океана, то с помощью бога продержитесь на воде до прибытия помощи.

Мало кто из нас обратил на это внимание. Мы не привыкли летать и ездить в транспорте, в котором пассажирам твердят, что они могут потерпеть крушение. Но когда впервые прилетели в Нью-Йорк, нам рассказали, что «боинги-707», принадлежащие французской компании «Эр Франс», ненадежны, каждый месяц эта компания теряет один-два «боинга». За две недели перед нашим полетом очередной самолет этого типа ушел со всеми пассажирами под воду. Не понадобились даже «жилетки жизни». А за несколько дней до этого один самолет сел на воды океана, выбросив в волны более 80 пассажиров, из которых 8 утонуло.

Из американских и английских газет мы узнали, что компания «Эр Франс» — нестоящая компания, и американцам, англичанам и вообще джентльменам не следовало бы летать на ее самолетах. (Газеты забывали

только сказать, что «боинги»-то строятся в США!) А тем более были удивлены американцы, что мы летим 13 числа, которое считается несчастливым. Кроме советских делегатов и еще нескольких пассажиров, в «боинге» никого не было.

Официальным американским лицам больше нравится, чтобы путешественники прибывали сюда, в Нью-Йорк, по морю и с южной стороны города, где далеко от берега встречает их довольно величественная 92-метровая статуя Свободы.

Бернард Шоу, который лишь один раз побывал в Америке, не мог удержаться, чтобы не сказать: «Я не хочу любоваться статуей Свободы... Я мастер иронии и юмора. Но даже моя склонность к иронии не заходит так далеко».

Один чиновник, вероятно, совершенно лишенный чувства юмора и задатков иронии, несмотря на все это, деловито нам сказал:

— С этой статуи и начинается настоящая Америка!

Если вы будете в Америке, то вам все уши прожужжат о великой свободе, якобы царящей здесь. Даже самые циничные деятели и те разглагольствуют о «демократическом» и «свободном» обществе на американском континенте.

Не верьте циникам!

СНОВА ДЖЕНТЛЬМЕНЫ...

САМОЛЕТ, «НАЧИНЕННЫЙ» ФИЛОСОФАМИ...

В Южной Америке, там, где когда-то жили племена ацтеков и майя, археологи нашли маску, выполненную неизвестным художником майя. Самое удивительное было то, что в чертах лица аборигена выявилось сходство с монгольским лицом. К тому же глаза маски были сделаны из янтаря.

Несколько загадок встало перед учеными: кто эти майя, какова их история? Неужели они пришли из Азии? Как они могли добраться до Южной Америки? Да и откуда у них янтарь, который добывается только на берегах Балтийского моря? Не меньше загадок оставило нам и древнее племя ацтеков.

Поэтому каждый наш современник, достигнув этой загадочной земли — Мексики, прикоснувшись к ее таинственной истории, не может не благоговеть перед увиденным здесь.

Мексика — это не только маловыясненная древняя история, но и рассказ о многовековом гнете испанского владычества, новая история народа, полная страданий и борьбы, борьбы еще далеко не законченной. Мексика сегодня — это 50 миллионов жителей, которые в среднем живут около 38 лет. Детская смертность в этой стране одна из самых высоких в мире: на тысячу новорожденных умирает 80—100 детей. А из выживших только примерно четверть садится за школьную парту.

Мексика — страна со славными традициями борьбы за прогресс, за революционные изменения в обществе. Это накладывает определенный отпечаток даже на поведение президентов страны, которые всегда объявляют себя революционерами. А революционные взрывы в Мексике зреют...

В стране чувствуется сильное давление со стороны северного гиганта — США, которые нередко идут на прямой шантаж. В то же время в самой Мексике довольно сильны реакционные элементы. Они организуют кровавые расправы над непокорным и голодным крестьянством, сажают за решетку лучших представителей рабочего класса, интеллигенции. Будучи в Мексике, мы хотели встретиться с великим талантом страны художником Давидом Альфаре Сикейросом. Но к нашему большому сожалению он все еще находился в тюремном заключении.

У реакционеров своеобразное отношение к философам. Когда писалась эта книга, в Мексике вместе с большой группой интеллигенции в тюремном боксе находился известный философ латинского континента де Гортари. Это в недавнем прошлом ректор университета Мичолкан в Морелии, а ныне профессор Мексиканского университета и глава Института философских исследований в Мехико, автор многих исследований, известных также и советскому читателю.

С сентября 1968 года де Гортари ждет решения своей судьбы. Ему предъявлены обвинения, по которым он должен получить, как писала газета «Дейли уолд» 18 октября 1969 года, не менее... 98 лет тюрьмы. Однако все «преступление» де Гортари состоит в том, что он вместе со своими коллегами поддержал демократические требования студентов...

Мексика часто выступает в ООН на стороне демократических государств, защищает свою независимость от

Мы летим в Мексику

поползновений американского империализма и его сателлитов в Южной Америке, продажных генералов и марионеточных правительств. У Мексики хорошие отношения с революционной Кубой. В свое время она предоставила кров около 40 тысячам испанцев, боровшимся за республику, и примерно такому же числу беженцев из франкистской Испании. Само их присутствие в стране свидетельствует о том, что фашистская фаланга — враг прогресса. И правительство Мексики должно с этим считаться, оно не признает правительство Франко и поддерживает дипломатические отношения с испанским республиканским правительством, находящимся в Мексике.

Мехико — столица Мексики — принимала гостей, прибывших на Всемирный философский конгресс. Сюда и летели философы.

Мы были свидетелями совершенно необычайного, даже в условиях современного воздухоплавания, полета. И дело не в протяженности маршрута, который хотя и простерся на 13 100 км, но был обычным, межконтинентальным. У меня сохранилась специальная карточка, изготовленная компанией «Сабена» и извещающая о том, что «Сабена» на «боинге-707» американского производства везет из Европы в Южную Америку почти 180 именитых философов! Не знаю, удавалось ли ранее до этого одновременно поднять в воздух такое число философствующих мужей!

Во время полета даже шутили, что если самолет разобьется, то философская мысль Европы может остановиться на десятилетия. И эта шутка, как нам однажды показалось в полете, чуть не превратилась в реальность.

После мастерской посадки тяжелого «боинга» в сплошной пелене дождя в Монреале самолет снова поднялся, взяв курс на юг — через США в Мексику.

Американские штаты встретили нас могучей грозой, которая стала бросать самолет так, что, казалось, трещали металлические швы корпуса. Раскатов грома никто не слышал из-за гула самолета, но молнии светили непрерывно. Первыми стали реагировать на это теологи-католики. Один за другим они поднялись с мест и стали стоя молиться. Молитва прекратилась лишь тогда, когда был дан приказ привязаться ремнями к сиденьям и ждать указаний.

Ситуация была не легкой, волнение летчиков и стюардов передалось и нам.

Но летчики сумели вырвать воздушный корабль из грозовой стихии благополучно. Для обслуживания этой самой длинной авиалинии хозяева «Сабены» выде-

ляют наиболее опытный летный состав. Вскоре все вошло в норму, и в два часа ночи по местному времени самолет уже выруливал к современному аэровокзалу в столице Мексики. Все как ни в чем не бывало ринулись к трапу — и верующие философы, и неверующие.

Полные волнительного ожидания советские делегаты конгресса сходили на землю Мехико, ту самую, на которой еще в XIV—XVI веках была столица загадочного народа — ацтеков.

В КАЛЕЙДОСКОПЕ МЕХИКО

В столице Мексики многое восхищает. Это пятимиллионный город, расположенный на высоте 2278 метров над уровнем моря, город фешенебельных зданий в центре и бедных строений на окраине. Здесь самое высокое здание Южной Америки — 43-этажный небоскреб Латина Америка, своего рода местный Эмпайр стейт билдинг. В Мехико один из старейших университетов Американского континента. В столице более 600 малых и больших отелей, 30 больших стадионов. Мехико — олимпийский центр 1968 года.

В столице много старых испанских капитально построенных домов. Они воздвигнуты из бурого красного камня, имеют решетчатые окна, тяжелые лестницы. Таков, например, кафедральный собор — собор Завоевателей, — построенный испанцами на месте священного храма ацтеков, разрушенного ордами цивилизованных разбойников. Но еще больше современных зданий из бетона, металла, стекла.

И все это слилось в причудливой и яркой гамме красок. Улицы Мехико буквально запружены автомашинами различных марок.

Центр Мехико

Говорят, что в мексиканской столице только несколько лет тому назад впервые были поставлены светофоры. На помощь шоферам кое-где приходят полицейские, а все остальное делают сами водители 250 тысяч машин, которые каждое утро выруливают на улицы и площади. Ныне машин наверняка еще больше, особенно в разгар туристского сезона.

С точки зрения наших понятий все шоферы здесь сплошь нарушители правил уличного движения. Они почти в любом месте останавливаются, сворачивают с любого ряда, едут с бешеной скоростью. А их повороты! Ни шоферу, ни пешеходам зевать нельзя, и многие из них подлинные виртуозы, которые, кажется, каким-то чудом преодолевают автомобильные потоки на тридцатикилометровом проспекте столицы Инсурхен-

тес и двадцатикилометровой улице Пасео-де-ла-Реформа.

Да, столицей Мексики можно восхищаться! После сестры и однообразия Нью-Йорка, где улицы даже не имеют имен, а лишь одни номера — (как мало для этого нужно фантазии!) — в Мехико улицы и площади звучат поэтически. Это — улицы Флоренции, Ливерпуля, Гумбольдта, Гарибальди... Есть даже улица ...Философов. Сомневаюсь, чтобы в другом городе мира была улица с таким названием!

Все, в чьей душе не потухла искорка любознательности, устремляются на площадь Соколо. Здесь в официальной резиденции президента — дворце из бурого камня — знаменитые росписи величайшего мексиканского живописца-монументалиста Диего Ривера. К сожалению, сюда не каждого пропускают, поэтому мы довольствуемся не менее знаменитыми росписями и произведениями мексиканских художников, с которыми можно познакомиться во Дворце изящных искусств (Паласио де Лас Беллас Artes), и фресками Сикейроса в крепости-музее Чапультепек.

Самые выдающиеся произведения, часто написанные на огромных внутренних стенах зданий, отражают жизнь Мексики до прихода испанских инквизиторов, но главным образом — героическую борьбу мексиканцев против испанских завоевателей, борьбу за национальную самостоятельность, социальные преобразования на благо нации и народа. Героем этих картин и росписей чаще всего является сам народ и выдающиеся его сыновья, такие, как Эмилиано Сапата, Панчо Вилья.

Мексиканцы любят свою героическую историю. В музеях всегда полно посетителей — стариков, юношей, детей, женщин. Многие из них приезжают сюда специально. 15 сентября — День национального освобождения Мексики — празднуется как подлинно народное

Памятник в честь независимости Мексики

торжество. Толпы молодежи заполняют площади у исторических памятников, всюду цветы, плакаты, произносятся речи.

Столицей Мексики, безусловно, можно восхищаться. Мы стоим перед памятником Куаутемок — последним правителем ацтеков. А вот и памятник из белого мрамора первому президенту Мексики — Хуаресу. Мне, правда, больше запомнился портрет президента Хуареса, находящийся в мексиканском посольстве в Москве. Мужественное лицо; стол, на котором лежит разорванная цепь — символ конца испанского рабства; чистая бумага — президент собирается писать...

С любовью сохраняют мексиканцы парк Чапультепек с крепостью того же наименования. Это символ борьбы против оккупантов, на сей раз американских, которые пытались в 1846 году захватить центр города.

На автобусах мы добираемся в университетский городок, где идут заседания нашего философского конгресса. Университет столицы — особая гордость мексиканцев, он носит имя Национального университета. Создан он в 1551 году.

Стадион университета вмещает 100 тысяч зрителей.

Находим время, чтобы ознакомиться со знаменитой библиотекой — зданием без единого окна, с наружными самобытными росписями, выполненными Сикейросом в 1952—1956 годах.

Умелая рука художника изобразила самые важные даты в жизни мексиканского народа:

1520 год — вторжение в Мексику грабителей из Испании;

1810 год — народное восстание, покончившее с испанскими завоевателями;

1857 год — принятие первой Конституции Мексики;

1910 год — начало борьбы за свержение диктаторского режима и победа буржуазно-демократической революции.

Есть еще и цифра «19...» — но дописать ее должна, по мнению художника, сама история...

А проблем у мексиканцев действительно много, и тот, кто не слеп и приехал сюда не с предвзятым мнением, не может не видеть их.

Делегатов нашего философского конгресса пригласил к себе на обед один из богатейших людей Мексики, наживший свое состояние на туризме. Это был роскошный обед, во время которого, кроме национальных блюд,

Памятник Х. Колумбу в Мехико

подавались изысканные аристократические кушанья. В программу обеда входил также прием гостей в романтической пещере у гор, окружающих столицу. Мы поинтересовались, какой смысл был так сорить деньгами (ведь было приглашено около 1500 гостей!). Нам ответили, что завтра же газеты распишут этого господина как мецената наук, философии. А это в конечном итоге обернется увеличивающейся прибылью для преуспевающего бизнесмена.

Самого хозяина на приеме мы так и не увидели — занятость делами помешала ему присутствовать, он прислал нам лишь приветствие через своего худенького, шустрого секретаря.

Таких занятых и преуспевающих людей в Мексике ныне немало. Но еще больше — их миллионы — бедняков, не имеющих часто не только права на вход в такую пещеру, но и крыши над головой, постоянного заработка. Случайно раскрыв газету «Нью-Йорк Таймс», я узнал, что 400 тысяч сельскохозяйственных рабочих из северных районов страны отправляются на временную работу в Калифорнию. А это означает, что эти сотни тысяч крестьян дома работы не нашли и согласились даже на временную в другой стране, в США, довольно дешево оплачивающей труд пришельцев.

Когда из официальных документов ООН узнаешь, что в Мексике мужчины живут в среднем 37 лет, а женщины — 39 лет, то нельзя не согласиться с тем, что много еще социальных проблем не решено в этой стране. И прав художник Сикейрос, оставив в своих росписях на университетском здании открытой дату, которая должна принести Мексике разрешение главнейших противоречий ее сложного развития.

ФИЛОСОФИЯ, СВОБОДА И ХЛЕБ

Познать интеллектуальную жизнь страны, разумеется, невозможно по одним туристским проспектам. Надо больше встречаться с людьми, говорить с ними, обмениваться мыслями, а иногда и спорить. Что касается нашей поездки в Мексику, то мы имели наилучшие для этого условия. Я уже упоминал, что мы приехали сюда на философский конгресс, большая часть участников которого состояла из делегатов и гостей из Южной Америки, много их было из самой Мексики. А неразговорчивостью наш брат философ, как известно, не страдает.

Наши хозяева были предельно внимательны. На торжественное открытие Всемирного философского конгресса в сопровождении почетного караула гвардейцев прибыл президент страны. Он обратился к делегатам с краткой речью, в которой отметил, что «лучшее понимание между людьми может быть достигнуто на основе мира между нациями». Президент страны был председателем Почетного Комитета конгресса, а его министры (финансов, просвещения и иностранных дел) входили в состав этого Комитета.

Большое впечатление произвело на нас знакомство с худощавым и смуглым человеком лет около сорока по имени Адольфо Санчес Васкес. Он профессор и руководитель кафедры эстетики Национального университета Мексики, автор интересных трудов по философии Маркса, переводчик с русского языка марксистско-ленинских работ.

Если мы и не были удивлены, что марксистско-ленинская литература пользуется в Мексике большим спросом, то нас просто поразило, какой большой объем переводов и изданий литературы выполнен Васкесом и его двумя коллегами. Это была работа целого издательства!

Запомнилась встреча с одним молодым человеком. Мы увидели его на званом обеде в роскошной пещере. Меня поразили приколотый к его груди памятный значок с надписью «ВЛКСМ». Это-то в Мексике! Каким образом!

А было все очень просто. Молодой человек с усами, оказывается, студент Университета имени П. Лумумбы. На каникулы приехал домой в Мехико. Мы дружно выпили из небольших рюмок за интернациональный союз философов.

Наш новый товарищ познакомил меня с четырьмя студентами Национального университета, которые взялись за организацию лекций советских философов. Они не говорили по-русски, не знали английского, очень доверчиво улыбались и неустанно следили за нашим знакомым, который превратился в переводчика.

По просьбе юношей мы долго рассказывали им о том, как нужен мир между людьми, разоблачали империализм, который всей своей политикой, непрерывными идеологическими диверсиями натравливает одних людей на других, извлекая из этой вражды свою выгоду. Слушали внимательно, многое для них было новым.

На следующий вечер ребята снова пришли ко мне в гостиницу с каким-то ящиком и несколько виновато сообщили, что мою лекцию организовать не удастся: их начальство установило квоту — для делегации каждой страны по два доклада, а мой получается уже сверх этой квоты, и потому, говорят, это нарушает равенство делегаций разных стран. Под такой ширмой местные «правдолюбы» накладывали ограничение на распространение правды.

— Мы извиняемся, конечно, — сказали мне молодые мексиканцы, — может быть, вы согласитесь прочитать лекцию только нам, ведь мы — тоже студенты, и мы, кстати, ее запишем: ребята наши очень интересуются.

Только теперь я понял, что было в ящике, с которым они пришли: магнитофон.

Так в небольшом номере гостиницы «Амбасадор» и состоялась лекция для моих четырех новых друзей. Мне надо было пояснить, почему необходимо мирное сосуществование между государствами с различным политическим и общественным строем и почему невозможно, недопустимо мирное сосуществование в идеологии. У ребят были большие сомнения на этот счет, им казалось, что сосуществование может быть тотальным.

Засиделись мы тогда допоздна.

Новые мексиканские друзья представили нам также одного молодого человека из Гватемалы — философа по образованию, революционера по призванию. Он жил здесь в эмиграции. Я видел его несколько раз на заседаниях. С каким вниманием он выслушивал тех своих коллег из Южной Америки, которые с ненавистью говорили об империализме — душители свободы!

Мы обменялись адресами и в первый же Новый год я получил от него поздравления. Он подписался только инициалами, нового своего адреса по понятным причинам не сообщил. Открытка на сей раз пришла из Венесуэлы. Больше он о себе до сих пор не напоминал.

Мигель (назовем его этим вымышленным именем), где ты теперь, куда долг революционера забросил тебя? Желаем тебе удачи в твоей тяжелой, но счастливой судьбе революционера и философа, борца за свободную Гватемалу!

Однажды в перерыве между заседаниями конгресса к нам подошел вместе с нашими друзьями молодой человек.

— Он из Гаванского университета! — сказали нам. Мы решили, что это студент, и поинтересовались, какие науки он штудирует.

— Я не студент, я — профессор Гаванского университета! — спокойно с гордостью возразил он.

Хотелось извиниться, но мы непринужденно рассмеялись. Так у нас появился еще один друг, на сей раз с острова Куба.

Нет ничего удивительного, что в Мексику на философский конгресс прибыло так много интересных людей, прогрессивных по своим убеждениям. Хотя были и другие...

Конгресс обсуждал два основных философских вопроса: «Проблема человека» и «Критика нашей эпохи».

Все технические, научные и даже чисто космические вопросы всегда касались и будут касаться человека. А тем более социальные вопросы. Фашизм, стремясь поработить всех людей неарийской расы и утвердить господство одной «высшей» расы, хотел необратимо деформировать человеческое общество. Мы строим коммунизм и тем самым раскрываем все лучшее, что есть в человеке, что потенциально таит в себе диалектика общества. И какие бы проблемы ни порождала история, люди — атрибут этих проблем. Без преувеличения можно сказать: в этих проблемах содержание борьбы человека, суть его стремлений, образ жизни, образ мышления. Обычно мы не замечаем этого обстоятельства, как не замечаем воздуха, которым дышим. Но отравленный воздух дает о себе знать, как и отравленные идеи.

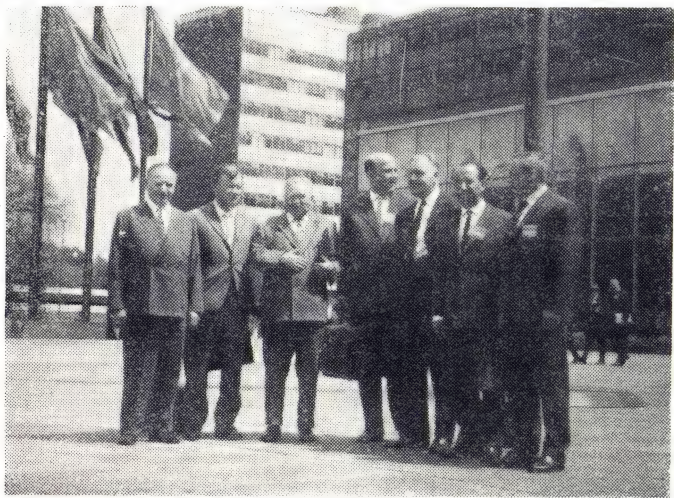
В ходе заседаний нашего конгресса выкристаллизовалось несколько аспектов проблемы человека. С развитием техники не станет ли человек рабом своих изобретений? Как можно быть свободным от общественных сил и других феноменов? Если сравнить философские конгрессы с конгрессами, например, посвященными техническим вопросам, то первые чаще всего выливаются в борьбу двух общественных полярных сил, борьбу, выраженную также в полемике различных философских

направлений, школ и школок. Надо иметь также в виду, что каждый человек рассуждает не только по простым вопросам, но и пускается в глобальный анализ, стремится к выводам. А искусственно подогретый интерес к отдельным вопросам используется заинтересованными силами — империализмом. Так перебрасывается мостик от философии к политике, и не всегда к лучшей политике. Последнее мы хорошо почувствовали здесь же, в Мексике, где обнаружили и друзья в кавычках.

Уже в первый день какой-то корреспондент, остановив члена советской делегации философа и доктора медицинских наук Н. И. Гращенкова, спросил его:

— Говорят, что вы приехали на конгресс заниматься пропагандой коммунизма?

— Мы приехали на конгресс обсуждать научные

Группа советских философов делегатов конгресса в Мексике

вопросы по повестке дня конгресса, — ответил Гращенков.

— А как же с коммунизмом? — не унимался корреспондент.

Гращенков, прекрасно владеющий иностранными языками, долго что-то втолковывал этому провокационно настроенному интеллигенту. Этого интервью, увы, в газетах мы не прочли.

Зато реакционная газета «El Universal» дала крупным планом другое интервью, приведя слова, якобы сказанные руководителем нашей делегации академиком П. Н. Федосеевым: «Свобода личности — это абсурд», — заявил русский Федосеев». Свалив в кучу два разных вопроса о свободе — философский и политический — и полностью извратив один и другой, газета приписала Федосееву действительно абсурдные слова. Но все это было не случайно.

Вопрос о свободе многим кажется обычно наиболее простым, само собою разумеющимся. Редко найдешь человека, который сказал бы, что он не понимает, что такое свобода. Для «здравого смысла» почти все просто и понятно. Один из героев романа «Земля зеленая» латышского писателя Андрея Упита рассуждал так: «Пусть кто-нибудь мне скажет... если земля круглая и вертится, то почему у моей лошади не кружится голова, а у меня не слетает шляпа? И если мой двоюродный шурин там, по другую сторону, в Америке, стоит вверх ногами, то почему же он не падает вниз?» Всякий «здравый смысл» всегда скользит по поверхности явлений и событий и легко заводит вас в ловушку, если вы не попытаетесь стать на философские рельсы, обратиться к более глубоким понятиям.

Но все же, может ли человек быть свободен?

Человек живет в реальном мире, и он, естественно, не может прыгнуть из него куда-то в другой мир, мир

абсолютной свободы. Он должен считаться с условиями своего бытия, считаться с теми законами, которые определяют развитие мира, человеческого общества. Думать об анархической свободе, значит, в лучшем случае, обманывать себя, становиться в позу Дон-Кихота, опутанного своими галлюцинациями, а в итоге неизбежно оказаться во власти обстоятельств, которых меньше всего вы ожидали, но которые постоянно вас подстерегают.

— Но тогда человек не может быть свободен, не так ли? — задает вопрос группа делегатов.

— Нет, может. Но не в анархистском смысле, а в реальном, то есть в философском — не забывать об объективно существующих законах общественного развития, учитывать их и действовать в соответствии с ними. Если я знаю, что мне надо питаться, то совершенно ясно, что надо и выращивать то, чем питается человек, а не изображать себя свободным даже от необходимости употреблять пищу...

Собеседники, окружившие нашего философа, переминаются с ноги на ногу и как бы соглашаются. Но он еще не закончил свою мысль.

— ...Точно так же и в обществе. Если я знаю, что капитализму в наше время пришел конец, а это так, господа, и если я хочу быть свободным, то мне вряд ли надо подпираť стену капитализма, она может обрушиться и задавить. Я буду свободен лишь тогда, когда стану на сторону новых сил, буду бороться за коммунизм, которому принадлежит будущее.

Слово «коммунизм» некоторых как бы обжигает. Американиец сразу же говорит, что это удар ниже пояса, то есть запрещенный прием, проще говоря, пропаганда. Латиноамериканцы, стоящие здесь же, молчат, но не одобряют агрессивного американца, ибо логика есть логика.

Дальше разговор переходит к пониманию свободы в политическом смысле. Капиталист нанимает рабочих и

платит им так, что даже получает прибыль. Рабочему при капитализме деваться некуда, ему надо идти к тому, кто может нанять его и уплатить за работу. Другого выхода у рабочего нет, иначе он окажется бездомным, на улице, каких миллионы в западном мире. Пока существует власть капитала, рабочий человек не может получить политической свободы, быть хозяином своей судьбы. Он работает, чтобы приносить другим прибыли, да еще какие...

Участие человека в голосовании при буржуазных порядках, когда идут выборы, и даже при изобилии партий, ничего не меняет, не создает подлинной свободы, а дает лишь ограниченную свободу выбора одного из двух или более зол. Над народом в западном мире довлеет политический и прочий гангстеризм... Но в мире есть другие страны — страны социализма, — где давно уже нет власти капитала. Здесь человек освобожден от гнета, ему не надо унижаться перед сильными мира сего, чтобы заработать на жизнь, семью, детей. Он получил возможность свободно работать, учиться и учить своих детей, расти культурно и даже принципиально влиять на политику своего государства, ибо он впервые стал и у государственного руля.

В такой стране политическая свобода дело реальное, и здесь не требуются суррогаты свободы. Рабочий человек и использует эту полученную им демократию в интересах жизни нового общества, которое уже наступило.

Американец протестует, называет все это фразами и «красной» пропагандой. Дело обстоит якобы совершенно иначе. Образовавшийся круг спорщиков по предложению американца идет к доске, которая повешена в аудитории. Американец рисует некую схему. Нижней точкой он обозначил Новый Орлеан, верхней — Вашингтон и провел большой ряд линий между ними.

— Джентльмену, — говорит он, — надо отправиться в нашу столицу из Нового Орлеана. Он может избрать любой путь, чтобы добраться до цели: может ехать через Сан-Франциско, может — даже через Лондон... Вы видите, какой выбор у человека, господи! И он, конечно, свободен в своем выборе, он сам определяет, каким будет его путь.

Но американца кто-то прерывает:

— А если у этого джентльмена, с позволения сказать, в кармане пусто, то как он поедет? Ведь даже у вас не каждый — Рокфеллер, который может махнуть и через Лондон!

У доски раздается дружный смех.

Конечно, не всегда наши противники приводили такую детскую аргументацию, которую можно сразить смехом. Чаще это было куда сложнее, тоньше, и особенно тогда, когда «специалистам» по «советскому материализму» и «по Кремлю» хотелось доказать, что-де свобода человека существует только в Соединенных Штатах, а в Советском Союзе ее вовсе нет. Уж как им хотелось представить это истиной!

Подобные политико-философские баталии можно было наблюдать часто, на различных секциях и в различных группах нашего конгресса. Поэтому, когда мы выбирались из стен Национального университета, где работал конгресс, и отправлялись в очередную экскурсию, многие из нас еще с большим упоением отдавались познанию страны, ее мышления, бытия. Ведь любая страна — это не только люди ныне живущего поколения, но и те предшественники, которые умолкли навечно, оставив свой вклад в культуре страны, ее памятниках, литературе, песнях и даже в самой природе. Нам лишь надо учиться умению видеть все, что несет народ через свою историю.

Едем в Теотуакан обозревать пирамиды Солнца и Луны. Наш шофер мчится, словно и не замечая скопища

машин, которые ему приходится виртуознейшим образом обгонять. Какие уж тут правила! И мы говорим шоферу:

— Будь это у нас, в Москве, вас давно бы остановили!

Шофер торжествующе улыбается, повернув голову к нам и, нажимая на тормозную педаль, так как идущая впереди машина вдруг остановилась, отвечает:

— Разумеется! Ведь у вас нет свободы, а я еду, как хочу, как видите!

То ли он читал «интервью» П. Н. Федосеева, то ли просто совпали эти факты, но сей доморощенный «философ» высказал именно ту тривиальную мысль о «свободе» в капиталистическом обществе, где в действительности один душит другого, которую так часто приходится слышать за рубежом. Выяснилось, что нашему бравому шоферу живется совсем не легко. У него пятеро детей. Жена, естественно, не работает, так как не только женщина, но и не каждый мужчина здесь может найти себе работу. Безработных много, но сколько именно — никто не знает, их никто не учитывает. Но нашему знакомому явно импонирует мысль, что пусть он и человек без удачи, но тоже может быть свободен, хотя бы иллюзорно.

Еще раз на этой далекой земле мы получили подтверждение того, как актуальны современные философские вопросы, ибо они касаются каждого человека, а человек нуждается не только в хлебе, но и в правдивой философии, чтобы найти верный путь в жизни.

В ДРЕВНИЕ ВЕКА БЕЗ МАШИНЫ ВРЕМЕНИ

За нынешней столицей Мексики, примерно в 40 километрах от нее, был найден древний город ацтеков Теотуакан. Цивилизация древних людей, от которых нас отделяет около 2,5 тысячи лет, многие века была скрыта

под толстым слоем земли, и лишь случай помог обнаружить древний город. Место было очищено, но до нас дошли только отдельные развалины города, которые теперь старательно изучаются археологами.

Усилия наших современников были вознаграждены чудом сохранившимися двумя пирамидами, являющимися ныне величайшими в мире. Самая высокая из них — 60-метровая пирамида Солнца.

Долина вокруг пирамид выжжена палящим мексиканским солнцем. Ни зеленой травинки, ни больших деревьев. Пыль да жара. Сотни туристов, вооруженных фото- и киноаппаратами топчут древние развалины и настойчиво лезут вверх по горячим ступеням пирамид. Эти древние сооружения сложены из небольших камней вулканического происхождения. Камни хорошо пригнаны друг к другу и устойчиво удерживают всю громаду сооружения.

Ощупываю эти камни, глажу их, и мне кажется, что я прикасаюсь к рукам тех, кто подносил сюда строительный материал. А ведь нас разделяют более двух тысяч лет! Те, что были в состоянии построить такие пирамиды, вполне могли посоперничать в культуре с людьми времен египетских фараонов, древней Индии, Греции.

Человеческая история — поистине удивительное явление!

Мы, люди эпохи космоса и электронно-вычислительных машин, создали истинные чудеса техники. Но памятники наших далеких предков останавливают нас в не меньшем удивлении. Имели ли эти пирамиды культовое или хозяйственное значение, или то и другое вместе, — неважно. Важно, что современный человек склоняет голову перед древними творцами. Они не знали многого — электронного микроскопа, логарифмической линейки, телефона, но они знали кое-что такое, чего не знаем мы.

Отсюда следует, что наше преимущество над ними относительно.

Мы стоим выше, потому что опираемся на плечи наших предков, которые навсегда исчезли на бесконечной дороге — истории. Сила прогресса велика, но как странно, что его всегда сопровождает и разрушительная мощь общественных сил. А впрочем, так всегда было...

Да, в Теотуакане легко настроиться на философский лад!

Обливаясь потом, мы добираемся до вершины, где уже ощущаем дуновение ветра и где несколько легче дышится. Вдали, над горизонтом, просматривается синева гор. Внизу, там где останавливаются туристские автобусы, — маленький импровизированный базарчик. Мы приобретаем несколько фигурок в стиле ацтеков и глубоко взволнованные покидаем пирамиды Солнца и Луны. Пока автомашина выбирается на магистраль, пирамиды качаются перед нашими глазами и исчезают, готовые нести бессмертие человеческих творений новым, еще не родившимся поколениям.

Всю дорогу молчим, погруженные в раздумья.

В тот же вечер наши друзья устроили нам еще один приятный сюрприз: просмотр мексиканского народного балета. Собственно говоря, это скорее даже не балет, а воспроизведение древних танцев ацтеков и майя, их ритуалов и обычаев. На этом в основном и была построена программа вечера. Учитывая, что все это было преподнесено лучшими исполнителями мексиканского народа и сопровождалось выразительной и специфической музыкой, которую словами передать невозможно, мы смотрели и слушали с живейшим вниманием. Ведь, в сущности, перед нами были живые картины эпохи создателей бессмертных пирамид.

У меня сохранилась довольно подробная программа этого вечера. Первый цикл танцев назывался «Боги». В него входила серия «Создание мира ацтеков», «Танец Солнца и Луны», «Жертвы богам» и, наконец, «Рай».

Очень впечатляющим был один из последующих циклов представления, когда каждый отдельный танец символизировал различные ступени человеческой жизни. Своеобразная музыка и движения, звуки рогов и барабана с отточенными ритмами исполнителей раскрывали перед зрителями утро человека — его рождение и детство; полдень — юность. Затем — вечер и ночь. Однако все заканчивалось бурным и энергичным танцем быков, выражавшим вечность жизни, звучал призыв: «Да здравствует жизнь!»

Наш зритель мало знаком с подобными танцами. Пусть они и не были сложны, но отличались большим философским осмыслением, которое помогает нам понять мышление, представления о мироздании, жизни и смерти, существовавшие в мире ацтеков и майя, в мире древних людей.

Второе отделение было посвящено широко распространенному и горячо любимому народом Мексики искусству марьячис, подлинной гордости талантливого народа.

МАРЬЯЧИС

Марьячис — исполнители народных песен и народной музыки в Мексике. Есть тысячи любителей этого вида искусства, но лишь наиболее знаменитые исполнители считаются подлинными профессионалами. Сотни песен марьячис записаны на долгоиграющие пластинки и распространены во всем мире.

Играют марьячис

Марьячис всегда одет в яркую народную одежду и широкополую шляпу, такую же, как у южноамериканских ковбоев. У марьячис свои музыкальные инструменты, свои песни. Ни одно важное общественное событие, как и ни одно семейное торжество, не обходится без их участия.

Однажды, когда делегатов конгресса угощали обедом на открытой зеленой лужайке в большой загородной вилле, для нас также дали концерт марьячис. Долго лилась их музыка, и что-то было в ней особенное, в ней жила душа народа, которая пела, смеялась, взрывалась энергией, тосковала... Особенно тонко чувствовали музыку сами мексиканцы, обедавшие с нами, и гости,

прибывшие на конгресс из других южноамериканских стран.

Наша страна расположена далеко от Мексики, но и я улавливал в их песнях и музыке что-то свое, родное, особенно, когда в певучий строй музыки врывались голоса исполнителей, желающих подчеркнуть шуточное, победное, любовное... Разве не то же мы наблюдаем в песнях нашей земли — в русских, украинских, гуцульских!

На лужайку вытащили помосты, и две тоненьких мексиканки, одна в белом платье, другая — в розовом, открыли каскад танцев под давно уже призывавшую их музыку...

Услышал я марьячис и на площади Гарибальди в столице, где они собираются толпами, ожидая своих заказчиков. А заказчики всегда находятся.

У кого денег побольше, тот идет на Тиволи, где кабачки почище, хотя и женщины менее скромны. Заученными движениями под истошные крики мужчин «Мучо роко!» («много одежды») девицы раздеваются перед теми, кто за это уплатил. От дурного поветрия современной буржуазной цивилизации — стриптиза — не убежала и Мексика.

На площади Гарибальди все проще. Пусть и нет там особого лоска, зато всюду песни и радость.

А рядом с твоим столом надрываются голоса и труба марьячис, а если карман тебе позволяет, то ты можешь пригласить к себе целый оркестр марьячис, и он растрожит твою душу окончательно. На этой площади может провести время даже человек, имеющий только несколько песо. На таких площадях и ночных базарах только утром наступает тишина.

Уже прошло несколько лет с тех пор, как я слушал музыку и песни марьячис на мексиканской земле. Ныне о них мне напоминают только привезенные оттуда долгоиграющие пластинки. Я часто слушаю марьячис и хочу

понять их, как понимают мексиканцы. Но пока мне ясно только одно: люди, создавшие эту музыку и полюбившие ее, сжившиеся с нею, не могут не иметь прекрасной судьбы и прекрасного будущего, как ни тяжело их настоящее!

ХОЧИМИЛКО. ТОЛУКА

Новые наши друзья стараются показать свою страну наилучшим образом. Сегодня у нас в программе плавающие сады Хочимилко. Это некое подобие Венеции — каналы, поездки на каноэ, изобилие цветов и зелени. Обычно в Хочимилко поездки организуются на воскресенье, когда на каналах большое стечение публики, туристов, и на лодках развернут настоящий рынок, который все время передвигается, изменяет свое местоположение, часто следуя за упорным туристом, не желающим что-либо покупать...

Когда мы приехали в Хочимилко, жизнь здесь уже была в разгаре. Лодки скользили по водной поверхности, скрываясь то в одном, то в другом рукаве канала. Каждую лодку двигали шестами один или два человека. На лодке стоя располагались еще другие — они на простертых руках показывали свои товары: ярких расцветок шали, платки и другие сувениры. Эти мелкие торговцы проявляли недюжинную энергию, охотясь за покупателями и расхваливая свой товар.

— Синьор, возьмите, ведь это совсем дешево, вы никогда не будете жалеть!

Лодка почти пристала к нашей борту о борт и не отстает от нас, пока мы не выкладываем свои песо. Торг обычно начинается с астрономических цифр и кончается несколькими песо, которые принимает дрожащей рукой счастливый ваш покровитель.

Не успела завершиться эта сделка, как у борта уже легкое каноэ с настоящим фотографом. Его треногий агрегат твердо упирается в днище лодки, готовый запечатлеть вашу поездку в Хочимилко. Фотографию вы получите через несколько минут, свежую и еще мокрую.

Лодок здесь великое множество, и все разные: от дощатых каких-то корыт, до широких и просторных, украшенных флагами и цветами, устланных яркими коврами. Над ними часто даже высится целая арка, а имена их звучат романтично и звонко: «Лупита», «Барселона»...

И, конечно, здесь мы опять встречаемся с марьячис. Обычно они плывут на отдельной лодке. В этот раз они следуют за «Лупитой», на носу которой сидит важный господин с красивой дамой. Пассажиры обозревают этот плавающий мир, а серенады старательных марьячис улаживают их слух.

На канале много цветов, сочной зелени, которой не так богата Мексика с ее палящим тропическим солнцем. Густая и яркая растительность как раз и создает впечатление, будто здесь только вода, солнце и сад.

Не потому ли мексиканцы и называли Хочимилко плавающими садами?

Для поездки в Толуку был выбран специальный день — пятница, единственный в неделю базарный день, когда, согласно ацтекскому календарю, сюда со всех окрестностей, как и в старину, собиралось местное население — индейцы. Этот обычай сохранился по сей день.

Однако времена действительных аборигенов давно прошли. Конечно, коренное население в Толуке в базарный день встретишь чаще, чем например, в Мехико, Акапулько, Веракрус. Но неумолимые законы жизни давно смешали коренное население с пришельцами. Лишь черные как смоль волосы и скуластые лица напоминают нам о далеких предшественниках, добравшихся сюда,

может быть, даже из недр необозримого тогда азиатского континента.

Толукский рынок сегодня наполнен произведениями местных индейских мастеров — яркими вязаными свитерами, хитроумно и красиво выполненными корзинками, огромным обилием глиняной посуды.

Мексиканцы вообще большие мастера по части изготовления глиняной посуды. Вдоль многих магистралей, на которых может оказаться турист, развернуты импровизированные базарчики. На любом таком рынке громоздятся обычно целые горы различной посуды. Нередко вы можете получить сосуд, изготовленный мастером здесь же, в вашем присутствии.

Самые искусные мастера, которыми так славится Мексика, работают в небольших городках Таско и Пацкуаро.

Толука расположена в долине, окруженной горами. Поэтому и здесь жара стояла сильная. Все было накалено. Рынок представлял собою яркое зрелище. Всюду были разложены привезенные для продажи изделия народных умельцев. Громоздились горы помидоров, перца, папайя, всякой зелени и чеснока. Да, именно чеснока. Чеснок потребляется населением в широких размерах как средство, предохраняющее организм от многих заболеваний. Такие меры необходимы ибо проблема санитарии для Мексики — одна из важнейших. В этом мы удостоверились, посетив Толуку, где над горами экзотических фруктов и не менее экзотической свежей рыбы, которая искрилась серебром на солнце, вились мириады мух.

Продолжаем осматривать базар. Вот носильщик пронес на плечах огромную корзину, следуя за чисто одетой хозяйкой; эту корзину покупок он доставит ей на дом. Мальчик сидит в глубоком ящике, видна только его голова; мать занята торговлей и не хочет, чтобы мальчик

путался под ногами. Пьяный старик прислушивается к нашему разговору — мы говорим по-английски — и вдруг сердито начинает на нас кричать:

— Гринго! Гринго!

Мы несколько шокированы, но потом улавливаем причину его гнева. Гринго — значит жаба. Так мексиканцы ругают американцев. Когда в годы первой мировой войны американские солдаты пытались силой оружия подчинить себе Мексику, они были одеты в зеленые робы, и народ прозвал их гринго. Так это прозвище сохранилось до сего дня.

Глубокую ненависть сохранили мексиканцы к тем американцам, которые когда-то жгли здесь дома, уничтожали жителей, топтали их родину...

Мексике удалось национализировать нефтедобывающую промышленность и создать государственную компанию «Пемекс», но она, как говорится, стала поперек горла всяким американским монополиям. В стране все еще орудут «Дженерал моторс», «Форд», «Эссо», «Панамерика» и другие империалистические концерны.

Но мексиканцы находят на них управу. Принят декрет о ликвидации иностранной собственности на электростанции. В государственный сектор шаг за шагом включается и машиностроение. Госсектор уже дает третью часть всего объема промышленного производства в стране.

ЦЕНА ЭКЗОТИКИ

На двух машинах марки «шевроле» мы пускаемся в путь на Акапулько, что стоит на берегу Тихого океана. Это романтический городок, знаменитый горячими пляжами, ежегодными фестивалями кинофильмов, уже полу-

чивших основные призы на международных просмотрах, и бесстрашными прыгунами со скалы Ла Кебрада, которая высится над океанским фиордом.

Но чтобы добраться до Акапулько, надо покрыть расстояние в несколько сот миль. Однако это не трудно: мексиканцы построили прекрасную автостраду, проносящуюся сквозь каменные хребты. Автострады в Мексике не роскошь. Каждый месяц с севера приезжает сюда около 150 тысяч одних только американцев, желающих отдохнуть в устойчивом субтропическом климате, воспользоваться низкими ценами на продукты, насладиться экзотикой. А без хороших дорог нельзя и думать о туризме, особенно автомобильном.

Мощный мотор уносит по дороге вниз, Мехико остается где-то под облаками, быстро чувствуем, как усиливается жара, ведь столица — на высоте более двух километров. Внизу часто виднеются голые скалы, но нередко и целые долины буйной зелени, огромных кактусов. Многие напоминают здесь районы Крыма, Кавказа. Но местность все же кажется безлюдной. Только изредка попадаетесь нечто вроде деревень, а чаще — какие-то одинокие строения, хибарки. В пыли копошатся дети, взрослые не спеша собирают своих осликов; если машины останавливаются — бегут мальчишки или девочки, непременно стараясь продать вам какую-нибудь глиняную статуэтку, фигурку в стиле инков, пепельницу, яркую шаль... Картина та же, что и в Толука, на плавающих садах Хочимилко.

Вечером мы уже в Таско. Это небольшой городок, строения которого как бы рассыпаны на склоне горы. Фасад одного дома часто выходит на крышу нижестоящего, а в ресторан приходится пробираться по узкой каменной галерее. Но есть и небольшие площади, например, перед собором, выстроенным в старину испанцами.

Таско знаменит своими серебряными рудниками, ныне слабо разрабатываемыми. Знаменит также искусными мастерами, имена которых известны во всей стране.

В ресторане подают прекрасный луковый суп, острые мясные блюда, такие же соусы и зелень. Здесь же, в ресторане, слушаем испанские песни, смотрим народные танцы. Веет деревенским покоем, свежий воздух бесподобен.

Чем ближе к океану, тем заметнее меняется растительность. На пути все чаще попадаются пальмы; мальчишки торгуют кокосовыми орехами, кучи которых возвышаются здесь же у дороги. После полудня наши машины взлетают по автостраде на возвышенность, и перед нами раскрывается вся красота залитого солнцем Акапулько.

Город почти не виден. Зелень, кажется, застелила все пространство вплоть до залива. На ее фоне выделяется только несколько желтых пятен неправильной формы — это обглоданные солнцем и ветром скалы, выдвинувшиеся из воды. Высота иных скал достигает нескольких десятков метров. В лицо дует ветер. Кажется, вот-вот на губах проступит соль, так ею насыщен воздух.

В бухте Акапулько для купающихся обеспечена полная безопасность. Я говорю безопасность, потому что ненасытные акулы подходят к берегу, особенно вслед за океанскими кораблями. Но здесь бухта перегорожена стальной сетью. Много купающихся. Ведь вода-то прогрета до 32 градусов! На волнах покачиваются лодки с полосатыми парусами. За моторками проносятся любители водных лыж, их смуглые тела играют на солнце.

На берегу подвижный и крикливый рынок сувениров. Только несколько продавцов — взрослые, остальные —

В Акапулько

дети. Я знакомлюсь, кажется, с самой маленькой — Николасой. Ей не больше шести лет, но она уже умело носит поднос на голове, на котором возвышается вся утварь, предлагаемая маленькой торговкой. Смуглая, черноволосая, пухленькая, она предлагает свои товары. Я хочу ее заснять на киноленту, но Николаса решительно уклоняется, предпочитая деловые отношения. Этот ребенок взрослее, чем кажется. Выбираем красивые, еще голубые от воды кораллы, выросшие в причудливую форму в океанской воде.

— Синьор! — Николаса протягивает руку, что-то говоря по-испански.

Столковаться мы не можем, и к нам подходит мальчик повзрослее. Это Саул, как я узнал позже. Он назы-

вает цену. Сделка состоялась. Николаса доверчиво улыбается. А после того, как я даю ей самый красочный значок, она соглашается и позировать перед киноаппаратом.

Когда Николаса присела отдохнуть в тени, кинолента запечатлела на ее личике серьезное, задумчивое выражение с заметной грустью, «взрослостью». Кораллы, купленные у Николасы, и сегодня стоят на моем письменном столе, напоминая о действительной жизни миллионов детей этой прекрасной страны, борющейся за лучшую судьбу.

Теперь нам предлагают поехать за город и посмотреть открытый океан. По горной дороге, иногда у самого берега, а временами удаляясь от него, мы быстро добираемся к цели. И вот он перед нами — океан.

Огромной ширины пляж, но он абсолютно безлюден. Почему? Получаем исчерпывающее разъяснение — здесь нет предохранительной стальной сети, поэтому, купаясь, можно стать жертвой акулы, хотя все же они не так часто подходят к берегу. Но риск всегда остается.

Выходим на песок. В нескольких местах предупреждающие надписи на английском и испанском: «Будьте осторожны, горячий песок!» И действительно — жарко, песок перегрет. Воздух совершенно неподвижен, кажется, будто он вылит на землю, чувствуется даже его необычная тяжесть. Ветра нет. Но океан неспокоен. Волна за волной набрасывается на берег, неся толщу воды в несколько метров. На дальнем пляже — лошади, которые сбились у воды, стараясь найти тень друг у друга в гриве, под крупом. Лошадей за небольшую плату может получить любой турист, желающий проехать верхом по длинной песчаной полосе. Хозяева тут же появляются из кустов.

Выходит к нам уже немолодой человек в трусах, заго-

ревший до черноты. Увидев, что мы снимаем кино- и фотоаппаратами, он предлагает за небольшую цену заплывать в беспокойный и небезопасный океан. Цена ничтожная — один доллар, а кадр будет интересный. Но мы отказываемся. Поясняем, что приехали из Советской Страны, а у нас не принято рисковать жизнью другого ради личного удовольствия. Пловец впервые видит советских людей и несколько удивлен нашей несговорчивостью. С американцами, говорит он, проще...

Но в знак знакомства мы фотографируемся, одариваем человека опасной профессии сувенирами, и он на прощание все же решает сделать в нашу честь заплыв. Ведь он уже привык к опасности, делает это ежедневно, это его работа.

Пловец уходит в воду. Я вижу у него за поясом нож, он готов, если будет необходимо, побороться за свою жизнь. Мужчина легко нырнул в первую волну, затем во вторую и в третью и, наконец, его голова уже далеко от берега в бушующем водовороте грозных океанских волн. А ведь где-то в это время прорезал волны и грозный белый хищник!

Пловец вышел на берег обессиленный. Вода стекала с него, один ручеек бежал по ношу.

Прыгунов, бросающихся в океанскую пучину с высокой, почти 50-метровой, скалы Ла Кебрада, мы не увидели. В эти дни не было показа этого смелого и рискованного трюка. Вся трудность прыжка состоит в том, чтобы со скалы угодить в приливную волну, точно секунда в секунду, иначе — смерть или, в лучшем случае, тяжелое увечье. Для большего эффекта прыжок выполняется вечером, когда уже темно.

Вот как передал рассказ одного такого смельчака врач-биолог Ф. Ф. Талызин, тоже побывавший в Акапулько.

Бывший прыгун ему говорил: «Строго по часам я

Прыгуны со скалы Ла Кебрада

начинал подготовку к полету. Взялся к площадке скалы Ла Кебрада, расположенной над фиордом. Яркий луч прожектора, не отставая, следил за мной. Признаюсь, теперь хотя я и поправык к ночным прыжкам, но тогда всякий раз мне было страшно. Однако я ничем не выдавал своих ощущений...

Сомкнув ноги и подняв высоко два зажженных факела, я становился на край площадки. На веранде, где расположились зрители, погашены все лампы. Нетерпеливо шарит луч прожектора, готовый ринуться вместе со мною вниз. Пора! Я лечу, раскинув факелы в стороны, чувствуя напряжение в каждой мышце. Зрителям видны две огненные линии и белая черточка летящего, словно ласточка, человека. Сколько раз рассекал я холодную соленую волну фиорда и, проскользнув в ее недрах, благополучно всплывал. С балкона слышались аплодисменты, гремела музыка. Но однажды все произошло иначе. Я опоздал всего на полсекунды, как просчитался и опоздал некогда отец. Проклятая волна ушла, не дожидая меня... Я упал в обмелевший фиорд возле самой скалы. Меня выловили, когда я был еще без сознания...»

НА КОРРИДЕ

Но вот наконец мы идем в Мехико на корриду. Я не заметил толп людей, движущихся на бой быков, как это обычно описывается в южноамериканских романах. Глубокая раковина, окружавшая арену, была заполнена примерно наполовину. Предполагалось выступление средних тореадоров и матадоров и таких же молодых бычков черной масти, специально выращиваемых в Патагонии.

Но те, что пришли сегодня — мужчины, женщины, юноши, — будьте уверены, они не останутся безучаст-

ными. Идет передача и по телевидению, чтобы убажить болельщиков, задержавшихся дома.

Коррида в Мексике, как и в других южноамериканских странах, — национальное зрелище. Вероятно, только футбол может тягаться с корридой. Все мальчишки хотят быть либо такими, как знаменитый Пеле, либо неуязвимыми тореадорами. Толпами собираются они у того входа, куда прибывают матадоры и тореадоры. Каждый мало-мальски солидный город в Южной Америке старается построить арену и заполучить известных тореадоров. Если ему это не удастся, город никогда не сможет выбраться из ряда второстепенных. Некоторые рестораны вывешивают у себя, наряду с портретом президента страны, фотографии знаменитых тореадоров, часто с их автографами, а иногда и с портретами их лучших друзей... Знатоки любят посидеть в таком уголке за стаканом вина или бутылкой холодного пива и поговорить о том, какие счастливые и совершенно неуязвимые были тореадоры раньше, пока им не изменило счастье.

Перед началом корриды на арене по кругу носят плакат, на котором написано, что благодарные пациенты век не забудут своего доктора (написана фамилия), избавившего их от всех болезней. Это обычная реклама. Разумеется, рассчитанная на простаков. А тем временем посередине арены стоит неподвижно огромная бутылка, высотой в два-три этажа, напоминающая, что «кока-кола» всегда к вашим услугам.

Но зрители совершенно не реагируют на эти рекламные трюки. Вздуродораженные, полные нетерпения, они ждут того, ради чего они уплатили деньги; средняя цена билета до двух долларов.

Наконец уносят рекламный плакат, и десяток рабочих выволакивают бутафорную бутылку «кока-кола». А вот

уже раздаются и фанфары, извещающие о начале корриды...

Рассказывают, что распорядок корриды точно фиксирован, подобно укоренившемуся культу. Музыка, время, движения тореадоров, матадоров и их помощников на параде заранее определены. Зрелище выглядело ярко, внушительно.

Но вот окончен и парад, предвещающий состязание ловкости, силы и бесстрашия. Арена опустела. Остался лишь один человек, тонкий, подтянутый, в расшитом костюме, в руках у него — красный кусок материи. Взор его направлен в ту сторону, откуда ожидается разъяренный бык.

Бык врывается на арену, кидаясь тут же на ожидающего его смельчака. На загривке животного развеваются цветные ленты. Это не украшения: они венчают раскаленный гвоздь, который вогнали быку в загривок в последний миг перед началом боя. Это делает быка еще яростнее.

Животное действует напористо, любой ценой стремясь поднять тореадора на рога. А он, словно играя (так кажется со стороны), уклоняется от смертельного удара. Тореадор стоит почти неподвижно на месте, лишь чуть отставив красную ткань, на которую снова устремляется обезумевший бык. Но несколько обессилев от бесчисленных попыток, животное на мгновение останавливается.

В бой вступают пикадоры. Их действия рассчитаны по долям секунд. Пикадор стоит с двумя пиками в высоко поднятых руках. Задача его — вогнать эти пики в голову мчащегося на него быка и молниеносно успеть отскочить в сторону от разъяренного животного. Просчет, как правило, для пикадора смертелен.

Вдруг меняется музыка. Это означает, что поединок близится к концу. Тореадор наносит мечом решающий

удар. Бык падает. Песок на арене становится мокрым и бурым от крови. Бык еще может подняться. Но это его не спасет: тореадор стоит над ним, готовый к новому удару, и этот удар он наносит, если необходимо.

Бой быков, который скорее похож на убий быков, сопровождается ревом толпы, одобряющей действия и ловкость тореадора или осуждающей его промах, ошибку. Эмоциям зрителей при этом нет предела. Они очень требовательны: им нужен настоящий бой, нужен вид крови.

Когда бык уже мертв, на арене появляются лошади, которые под бравурную музыку уволакивают тушу куда-то за пределы арены.

Начинается новый тур. Следующий смельчак неподвижно стоит посредине арены, бдительно поджидая обреченную, но еще опасную жертву.

Показ силы, ловкости и жестокости человека продолжается. Коррида в разгаре. Ревут мужчины, визжат женщины. И в этой гамме чувств, сохраняя полное спокойствие, во всяком случае внешне, тореадор действует четко, безошибочно. Ему иначе нельзя, ибо в противном случае он окажется на рогах у взбешенного быка. Это случается редко, но бывает...

Никто не предполагал, что так случится именно в этот раз. Только вдруг мы увидели, что тореадор уже на земле и бык уперся в его тело рогами, стараясь поддеть его. Но тореадору повезло: быка в одно мгновение успели отвлечь помощники тореадора, и оплошавший тореадор поднялся снова на ноги и принял боевую позу.

Но вы бы слышали, какой взрыв негодования раздался в толпе зрителей! На арену полетели гнилые помидоры и бананы, послышались громкие насмешки. Зритель готов боготворить ловкого тореадора, поклоняться ему, как идолу. Но если вместо тореадора ему подсо-

Коррида. Перед последним усилием быка...

ывають разиню, то он готов мстить этому неудачнику, готов возненавидеть его, как личного врага.

Оплошавший торeadор не найдет защиты ни у этих расpalенных мужчин и женщин, ни у хозяина арены, который может надолго вычеркнуть из афиши имя такого торeadора, либо вовсе откажет ему...

Такова коррида, таковы ее почитатели!

Бой быков для европейцев (за исключением, может быть, Испании и юга Франции, где это зрелище тоже в моде) часто — трудно понимаемое искусство. Сколько крови, жестокости, сколько испытаний для человеческих нервов! Многие европейцы даже считают невозможным посещение корриды. Но вряд ли жители нашего континента достаточно последовательны.

Подумайте, — сколько уничтожают у нас охотники оленей, лосей, диких кабанов, медведей, не говоря уже о лисицах и зайцах. И часто это делается далеко не ради того, чтобы получить мясо на пропитание. Южноамериканцу, не без оснований, это может показаться вообще противоестественным. Убитого быка в Мексике обязательно съедают; в известном ресторане вы можете вечером получить отличные котлеты из того самого быка, который еще несколько часов перед этим отчаянно боролся за свою жизнь. Такая дегустация считается большим шиком, но, разумеется, ни один мексиканец не сводит корриду к этой котлете.

Бой быков требует много смелости, отваги. Может быть, в этом и есть скрытая красота и прелесть довольно жестокого зрелища?

ЕЩЕ НЕ ЭПИЛОГ...

Философия всегда в определенной степени рефлектирует жизнь народа, она впитывает как губка его страдания и героизм, надежды и фантазию. Нет философии, которая никак не была бы связана с жизнью, со стихийным мышлением народа.

Но какую конкретно философию ищет мексиканский человек: буржуа, пролетарий, крестьянин, интеллигент? Какую выстрадал философию трудящийся? Какой сегодня бурлит в душе народа сплав, готовый вылиться в формы, предначертанные историей?

Американцы на мексиканском конгрессе носились с идеей абсолютной свободы человека. Каждый-де волен в выборе своего пути.

В целом это импонировало южноамериканцам, мексиканцам, которые чувствуют, а иногда и понимают, что их философией может быть только философия свободы,

но — свободы от империализма, свободы от гнета, эксплуатации. Что касается последнего, то американцы только пожимали плечами; они не хотели вдаваться в подробности. В количественном отношении их было подавляющее большинство. На конгресс в Мехико тогда прибыло около 500 надменных американцев (около трети всех делегатов!). Но ведь не каждое количество переходит в качество.

Философ, разговаривающий на одном языке с мексиканцами и исповедующий с ними одну религию, — испанский католик-неотомист Адольфо Муньес Алонсо в своем докладе с выразительным названием «Человек без крова» тоже говорил о свободе. «Человек есть только в том случае, — указывал он, — если свобода есть его бытие». Но тут же Алонсо свернул на другую стезю, и вопрос о свободе был подменен другим вопросом: «Почему и отчего мы покинуты богом?» При этом Алонсо предупредил: «Если философия не придает никакого значения этому вопросу, то это значит, что она уже утратила всякий смысл».

Проще говоря, вместо ответа на один вопрос — о понимании свободы человека и путях ее достижения, — Алонсо нагромоздил новые вопросы, не давая никаких ответов и все более сбиваясь в трясину религиозного болота.

Нечто подобное сентенциям Алонсо на этом конгрессе говорил и другой католик — М. Ф. Шакка из Италии. Поэтому я полностью разделяю неодобрительный отзыв, который высказали о конгрессе два советских философа П. В. Копнин и В. Ф. Передерий. В книге «О чем говорят философы мира» они пишут: «Спрашивается, о какой свободе ведут речь Алонсо и Шакка, — не о той ли, какую испанцам дает фашистский режим Франко? Если о ней, то тогда Алонсо неточен: она не только оставляет человека без крова во власти стихии, но и очень

часто защищает его от ненастья тюремной крыши. Однако Муньес Алонсо и Шакка, рассуждая о свободе, не хотят спускаться на землю, их, как истинных католиков, заносит в небеса» (стр. 24).

А что же говорят сами мексиканские философы?

Буржуазные профессора, вроде одного из самых видных среди них Франсиско Ларойо, смогли лишь выразить удивление по поводу развития нашей страны и нашей философии. «Полуазиатская страна, — сказал Ларойо, — за тридцать лет превратилась во вторую индустриальную державу в мире и первую в Европе». Но перед философией нашей страны он пасует и даже занимает враждебную к ней позицию.

Ближе к сути дела, к философии, которую ищут люди от Веракрус до Акапулько, был мексиканец, сказавший в кулуарах конгресса: «Ключ к сердцу каждого латиноамериканца — это Куба, революционная Куба». Произнес это не профессиональный философ, а студент Национального университета, не назвав даже своего имени. Но последнее и неважно. Его имя, имя настоящего мексиканского философа, мы еще услышим. Оно еще появится.

Не пытаясь пророчествовать относительно будущего философии мексиканцев, мы сегодня можем лишь сказать, что впереди у них еще много борьбы, боевого выбора и смелого поиска. Недаром Л. Фейербах, говоря о философии будущего, предупреждал, что в хижинах мыслят иначе, чем во дворцах.

Не будут одинаково мыслить и рассуждать преуспевающий мексиканский делец, устраивающий пышные приемы, и семья, где растут мои новые знакомые, малыши Николаса и Саул, уже с малых лет заботящиеся о своем пропитании. Мир воспринимается по-разному и прыгуном, летящим со скалы Ла Кебрада, и обездоленными

батраками на севере страны, и первыми пропагандистами марксистских произведений...

Противоположные взгляды не примирить, философского коктейля не изготовить!

Народ сам выберет себе достойную философию и признает философами достойных мыслителей, осознавших цели народа и освещающих ему путь в будущее!.. Он уже это делает.

Посмотрите на карту американского континента. Какие огромные изменения произошли здесь за последние годы, хотя, казалось, ничто не предвещало бури!

Идеи марксизма-ленинизма и его философии вошли в жизнь, в сознание кубинских трудящихся, которые вдали от основного массива стран социалистической мировой системы и у стен самой агрессивной империалистической страны твердо повели Кубу по новому пути — к социализму.

Как ни неистовствовали, ни угрожали, ни пытались американские империалисты подавить непокорных силой, какую клевету ни изливали их духовные слуги, им не удалось ни сбить избравших смелые пути, ни заморозить так осложнившуюся для империализма ситуацию. Враги прогресса не успокоились и теперь. Но коммунисты Латинской Америки борются еще самоотверженнее, пробуждается народ, мысли масс стали четче, пульс ровнее, действия решительнее...

Будущее наступает...

ВЕЧНЫЕ СНЕГА КИЛИМАНДЖАРО

НА МЕРИДИАНЕ — ХАРТУМ

Хартум — столица Судана. Для древних греков эта страна была просто недосыгаема, так как она лежала за пятым нильским порогом. Но еще недавно и европейцы считали Судан далекой землей в Африке. В наши дни это и далеко, и близко. Из Москвы — по меридиану на юг через Каир вы за одну ночь попадаете самолетом в Хартум. И все-таки это — уже другой мир, где смещена хронология веков, где уживаются рядом мотыга и транзистор, где невиданно переплелись различные образы мышления: от примитивного до современного.

Для нас — делегации благородной миссии (сторонников дружбы с африканскими народами) — Судан только начало пути. Затем будут Уганда, Танганьика, Занзибар. И здесь мы встретимся с авгиевыми конюшнями буржуазной идеологии, с которыми мы сталкивались то там, то тут...

В Судане очень жарко. Сухой ветер хамелн, как называют его арабы, властвует в пустыне и ближайших от нее поселениях и городах.

Всюду рыжие пески, удушливый для европейца хамелн, палящее солнце...

Днем температура доходит до 40 градусов, ночью в гостинице можно отдохнуть только тогда, когда шумит «кондишэн» или мерно скрипит под потолком пропеллер, пытающийся разогнать как бы застывшую горячую массу воздуха.

Возвращаясь поздно в гостиницу, мы натываемся на служащих: они спят на полу.

Мы были в Судане еще задолго до того, как там в 1968 году пришло к власти революционное правительство. И нам удалось увидеть те истоки, почувствовать причины, которые вносили беспокойство в жизнь страны, всего суданского общества; тогдашние правители по-настоящему не стремились покончить с тем старым, что мешало суданцам жить свободно.

Гиды предупреждают нас, что фотографировать что-либо можно только с их согласия. Принцип отбора этих объектов каждый раз меняется и кончается тем, что нам не разрешают запечатлеть даже бутафорный ритуал смены караула у Дворца республики (нечто вроде микроскопического подобия ритуала смены караула в Лондоне, у Букингемского дворца).

На небольшом винтовом самолете мы летели из Хартума дальше на юг, в Кампалу, столицу Уганды. Нам хорошо были видны выжженные земли южного Судана с их редкой растительностью. И даже там, где Голубой Нил разливался по многочисленным рукавам, земля мало чем отличалась от пустыни. Лишь изредка видны были небольшие оазисы зелени. Но именно здесь, в этих районах, начались «беспорядки»: негритянские племена юга выступали против арабских народов северной части страны. Империалистические дирижеры знают свое исконное дело — «разделяй и властвуй»; разделять им кое-где еще удастся.

Самолет садится в Джубе. Это последний наш пункт в Судане. Мы выходим на летное поле, идем к вокзалу, вооружившись фото- и киноаппаратами, совершенно не подозревая, что нас просто пригласили для того, чтобы еще раз посмотреть наши документы при выезде из страны, а заодно запретить что-либо фотографировать и на этом клочке суданской земли.

Джубе находится в зоне военных действий, аэродром охраняется воинскими отрядами. Легкие пулеметы. Танкетки. Настороженность. Чиновники молодого государства предупредительны, но настойчивы.

Да, бывшие хозяева Судана — английские колонизаторы — не оставляют в покое эту страну. Бесчисленные раны, нанесенные ей империалистами, и пороки, взращенные на теле суданской экономики, дополнены теперь новой тактикой неокOLONиализма. Это — и разжигание межплеменных страстей, и поддержка реакционных настроений, и прочее.

В Судан ежедневно прибывают десятки реактивных самолетов со всех континентов мира, по улицам несутся современные автомобили. Но внутренняя жизнь молодого государства течет еще по-другому. В самой столице строительство, как правило, совершается без всяких механизмов — строящийся дом буквально облеплен загорелыми жилистыми рабочими, которые снуют вверх и вниз, по цепочке передают кирпич, цемент, глину.

В отдельных местах Хартума можно встретить и башни строительных кранов. Но здесь строительство ведет уже иностранная фирма, которая стремится быстро довести начатое дело до конца, чтобы уже завтра получать запланированные прибыли.

У места слияния Голубого и Белого Нила мы увидели древнюю водочерпалку, которая работает и поныне. Два огромных колеса, изготовленных из дерева, ритмично вычерпывают из реки воду для полива потрескавшейся земли, занятой посевами. Колеса почти не имеют металлических частей, за исключением гвоздей. Медленно ходят по кругу быки. Кажется, будто старый погонщик, одетый в ослепительно белую одежду, задремал. Монотонно скрипят колеса, круг следует за кругом. Так идут часы, дни, годы, колеса уже вертятся несколько веков, не убыстряя и не замедляя своего хода, как бы симво-

лизируя своим движением прошлую, да отчасти и нынешнюю историю страны.

Суданский народ отлично понимает, что годы господства англичан принесли Африке тяжелые страдания. Именно колонизаторы несут вину за то, что водяное колесо еще не находится в музее как дар древней истории. Суданцы довольно открыто высказывают свою неприязнь даже к рядовым англичанам, которым приходится расплачиваться за преступления английского империализма.

Во время осмотра в Хартуме музея древностей, этнографического дворца халифа, превращенного в музей, гиды старательно подчеркивали империалистическую политику Великобритании, ущерб, принесенный империалистами суданскому народу. Показав нам редкостный экземпляр Корана, гид тут же сказал: «Это тот Коран, который был обнаружен в багаже генерала Гордона, известного душителя народа Судана».

С гордостью говорил гид о борьбе суданцев против английской колониальной армии.

Но надо отметить, что негодование к колониализму еще не означает, что и разум суданцев покончил со всеми остатками прошлого. В учреждениях Хартума мы не раз встречались с тем, что страна на карте все еще изображена как английская колония. Иной суданец закрывает на это глаза как на пустяк, не заслуживающий внимания, но в целом народ освободившейся страны далек от безразличия к подобным фактам.

Когда газеты сообщали о том, что на беспокойном юге Судана в один день было убито в боях 52 «мятежника»; рядовой суданец серьезно задумывался. Тем более что он знал кое-что о происках империалистических держав в его стране. Суданцы начинают понимать, что неокOLONиализм многолик и коварен.

ДЫХАНИЕ КИЛИМАНДЖАРО

Так состоялось наше первое знакомство с Африкой, и мы говорили: «Джамбо, Африка!», что на языке суахили означает: «Привет, Африка!» Пока мы перелетали из города в город на самолетах ЕАА («East African airways»), которые, как правило, управлялись самими африканцами, у нас было немало времени поразмыслить над свежими впечатлениями.

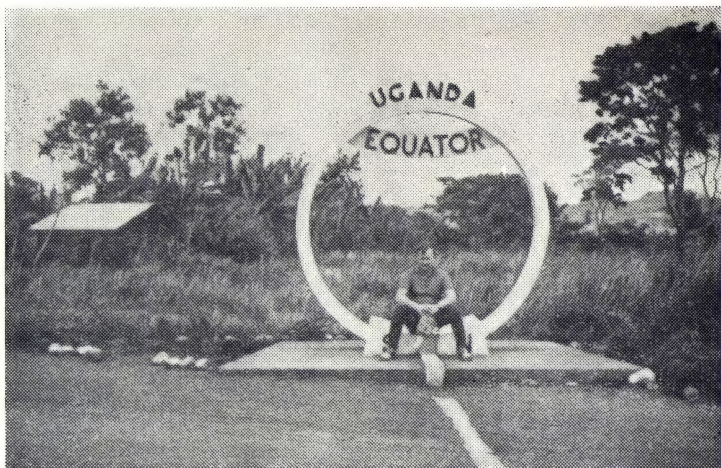
Народы Африки населяют удивительный во многих отношениях континент. Не случайно об этом материке говорят: земля загадок, таинственная Африка, страна чудес и т. п. Уже в Уганде и Танганьике мы убедились, что выражения эти возникли не случайно. Когда мы в Уганде спросили, сколько урожаев в год собирают с бананового поля, нас не совсем поняли, ибо бананы собирают по мере зрелости и не бывает так, чтобы их сразу брали со всей площади. Бананы растут круглый год.

Обычное понятие «африканская жара» очень относительно: не во всех странах, которые нам пришлось посетить, было ощущение африканской жары.

Еще не наступил сезон дождей, а в Уганде целыми днями небо заволакивалось тучами, и только изредка проглядывало солнце. В Кампале, расположенной на высоте 1300 метров над уровнем моря, по вечерам было отнюдь не жарко, здесь иногда бывают даже прохладные ночи. Трудно поверить, что все это можно ощутить буквально в нескольких десятках километров от тропиков!

В Танганьике же, как и в Судане, была опять-таки жара. Но, направляясь самолетом из Найроби в Дар-эс-Салам и только миновав тропическую параллель, мы увидели из иллюминаторов высочайшую гору Африки — Килиманджаро. Летчики, устроив облет горы, дали нам возможность полюбоваться ее вечно снежной вершиной,

На экваторе

которая сверкала на солнце, а на склонах смягчалась в тени синими тонами. Вечный снег у тропиков — разве это не удивительное сочетание природы!

Да, Килиманджаро — это истинное чудо африканской природы! Его чистый вечный морозный покров, воспетый в песнях и сказаниях, обожествленный течением африканской истории, пробуждает в вас новые чувства, рождает то, о чем вы не могли прочитать ни в одной книге; вы начинаете постигать многое из неведомого этой разноязычной и разноплеменной земли.

Постигаете вы и душу африканца, именно душу, которую не мог задавить бесчеловечный гнет колонизаторов. А для них африканец никогда не был человеком, и они не считают его таким сегодня.

В душе африканца остались наслоения высокой куль-

туры, которая идет от развитых центров древней цивилизации этого континента — Бенин, государства народа ашанти, страны маниконго. Когда я говорю о душе африканца, то имею в виду и первых врачей, учителей, первых интеллигентов из народа, и бронзового опаленного солнцем и ветрами масаи (и сегодня еще идущего на льва с пикой), и революционера, желающего перестроить свою родину в духе наивного иногда «африканского социализма».

И, конечно, коммуниста. Но их в Африке еще не много, и путь их тернист и труден...

Африка не забыла, что именно люди с пушками и крестами, прибыв из Англии, Португалии, Испании, нанесли непоправимый ущерб ее народам, разрушили, а часто просто сровняли их города с землей. Колонизаторы веками терзали народ, организовали и провели в невиданно крупных масштабах работорговлю. Считают, что за период работорговли Африка потеряла примерно 100—150 миллионов человек! Многие племена совершенно исчезли, целые области запустели.

И тем не менее африканцы в своей массе доброжелательно относятся к белым, демонстрируя тем самым благородство души.

Это благородство и уверенность африканец сохраняет и тогда, когда ему приходится братья за оружие, чтобы освободить страну, свой народ от нынешних колонизаторов.

В аэропорту Дар-эс-Салама мы встретились с молодым человеком, который свободно владел английским, французским, португальским и рядом африканских языков. Просто одетый, он ничем не выделялся среди сновавших по аэропорту местных пассажиров. Лишь открытое лицо с высоким лбом и небольшой бородкой так и искрилось доброжелательностью, светилось доверием к собеседнику.

Это был один из видных руководителей борьбы за освобождение Мозамбика от колониального португальского владычества, — назовем его С. Условия борьбы заставили его прибыть в Танзанию. Но наш разговор с С. шел вокруг литературных событий в Москве, Советском Союзе, и собеседник показал завидную осведомленность. Перед нами узкий специалист филологии и литературы. И на самом деле, С. не только один из организаторов народной борьбы в Мозамбике, но и известный поэт своего народа. Таков патриот-африканец сегодня.

А ЧТО ОНИ ЗНАЮТ О НАС?

Кому из нас неизвестен вывод о том, что социалистическая мировая система и ее ритмично бьющееся сердце — Советский Союз — оказывают все более решающее влияние на развитие мировых событий. Но только покидая свой дом и глядя на нашу родину со стороны, начинаешь это осязать по-настоящему. Так было с нами и в Африке, когда мы посещали государственные учреждения, беседовали с рядовыми африканцами на улице, в недавно открывшихся школах, в крохотном кафе...

Советская страна с момента своего рождения стала очень существенным фактором мировой истории. Неправы те, кто думают, что до второй мировой войны в Африке, закованной в империалистические колониальные цепи, ничего не знали о нашей стране. Ведь нашли же тогда в Бельгийском Конго вырезанную из меди звезду, которую тайно хранили шахтеры. (Об этом мне рассказали однажды сами бельгийцы.)

Да, империалисты делали все, чтобы правдивая информация о стране социализма не доходила до африканцев.

Еще и сейчас имеются африканские земли, где не побывал советский человек. Во время нашего посещения острова Занзибар оказалось, что мы были в числе первых советских граждан, которые, посетив этот остров, побывали за пределами его столицы.

Однако правда о нашей стране уже давно шагает по миру.

Мы хорошо знаем Поля Робсона и меньше — его супругу Эсланду Робсон. Она тоже известная общественная деятельница. Эсланда Робсон в 1936 году предприняла путешествие по странам Африки, начав его с юга, в Кейптауне, и закончив на берегу Средиземного моря, в Египте. Свои впечатления она изложила в книге «*African journey*» («Путешествие по Африке») на английском языке, изданной в Нью-Йорке в 1945 году (русский перевод вышел в 1957 г.).

В Уганде, недалеко от Рвенцоли (Рувензори), Э. Робсон встретила тогда с местными жителями, которые стали расспрашивать ее о жизни так называемых «отсталых» народов в Советской России. Но предоставим слово самому автору.

«Мои собеседники восприняли с большим энтузиазмом то, что я рассказала им об успешном преобразовании жизни кочевых народов, таких, например, как якуты, в современном высокоиндустриальном советском обществе.

— А сколько времени потребовалось на это преобразование? — спросили они озабоченно.

— От десяти до двадцати лет, — ответила я.

В толпе послышался продолжительный вздох. Кто-то сказал:

— А нас уверяют, будто нам потребуется для этого тысяча лет! Но ведь термин «отсталые» не подходит к нам ни в каком отношении. И что только они подразумевают, называя нас «отсталыми»?

В угандийской деревне

Не успела я ответить или даже подумать над этим вопросом, как один из учителей сказал:

— Они подразумевают те народы, развитие которых сами же задерживали в прошлом и продолжают тормозить теперь.

Я сообщила им, что некоторые из наименее развитых народностей России не имели раньше своей письменности, но правительство послало их представителей в Ленинград, в Институт национальных меньшинств, где они сами создали письменность родного языка при содействии крупных русских ученых и педагогов. И вот теперь история и фольклор этих народностей записаны на их родном языке учеными, вышедшими из их среды.

Эта информация произвела на моих слушателей огромное впечатление, — заканчивает Э. Робсон. — Они

стали подробно расспрашивать меня о стране, которая так хорошо заботится о своих «детях». Я рассказала им все, что знала» (стр. 166—167, русск. перевод).

Можно себе представить, как широко распространился тогда рассказ Эсланды Робсон, ибо африканцы отличаются большим любознательностью.

Случилось так, что и нам уже более, чем через тридцать лет пришлось посетить то место Уганды, где прежде была Эсланда Робсон. И мы встретились с угандийцами, может быть, даже с теми, кто слышал рассказ о нашей стране в 1936 году, или их детьми. И снова вопросы, и снова желание знать правду о нашей стране, знать трудный и почетный путь нашей родины от лаптей до космических кораблей.

Встретившись с доцентом Е. Алексеевым, проректором Университета дружбы народов им. П. Лумумбы, в Форте Портал, простой угандиец настойчиво расспрашивал его о том, как решаются в нашей стране языковые, национальные вопросы, проблемы школы для всех наших наций и народностей.

— Сколько языков в СССР? Как обеспечивается их равенство? Можно ли стать в России ученым, не зная русского языка?

Африканские народы, завоевав независимость, хотят знать все, весь мировой опыт перестройки жизни, выслушивают информацию о нем, взвешивают все услышанное, оценивают, обдумывают...

...Мы в Кампале, в университете Макареере, в общежитии студентов. Здесь снова сыплются вопросы, словно из прорвавшейся плотины. За час до этого мы были у чиновников министерства образования и услышали, как один из них утверждал, что Университет им. П. Лумумбы якобы не дает полноценных знаний, и этимышления доходят до молодежи. Поэтому в общежитии нас снова спрашивают о лумумбовском университете.

— Мы хотим учиться в Москве, но недоброжелатели говорят нашим родителям: «Не посылайте своих детей в чужую землю. Кто-то будет учить их, а затем возвращать вам. Это же унижает ваш народ». Что вы думаете об этом?

И мой коллега доцент Евгений Алексеев терпеливо излагает правду об Университете дружбы народов в Москве.

Спрашивают также, каким образом Россия смогла сделать такие огромные успехи в развитии науки и в образовании и что бы мы могли посоветовать африканцам. И опять вопросы о том, как Россия разрешила национальный вопрос...

Студенты вглядываются в наши лица, живо реагируют на «трудные» вопросы и бурно, аплодисментами, встречают наши убедительные ответы. Два часа общения с такой аудиторией — и с удовлетворением видишь, что эти молодые люди не во всем согласны со своими наставниками.

Только в одном месте в Юго-восточной Африке нас встретили с недоверием. Уже возвращаясь домой, мы прибыли поздно вечером в Найроби и, проголодавшиеся, отправились в ресторан «Топаз». Когда мы все одиннадцать вошли в холл, метрдотель вежливо нас встретил, но вдруг, сосчитав нас, насторожился и исчез. Появились какие-то лица, которые стали подозрительно рассматривать нас издалека...

И виной всему оказалась английская газета «The Sunday post», сообщившая о шайке грабителей из одиннадцати человек, потрошившей в те дни банки юго-восточной Африки. Обычно — это «специалисты» из Западной Европы.

Но, как правило, мы встречали здоровый интерес к нам, как к представителям великой страны, интерес к истории нашей страны, к политической жизни мира

вообще. И было очень досадно, когда я, уже возвратившись домой, ознакомился с той литературой, которую можно предложить, в частности, африканцам, живущим в восточной части материка. Всего лишь десяток названий на английском языке и единичные издания на языке суахили, луганду — языках местных народов.

Африка хочет знать больше о нашей трудной борьбе, о путях строительства новой жизни.

Молодой интеллигент житель Кампалы африканец Саиди сказал о нашей стране следующее:

— Русские у нас бывают еще редко, но то, что мы уже знаем о вашей стране, дает основание говорить: это страна умных, образованных людей, и что бы ни говорили нам недруги, у нас свои головы, и мы можем судить сами!

В честь нашей встречи Саиди спел песню о том, как прекрасна Уганда, слава которой будет жить в веках.

Молодая интеллигенция Африки тянется и к русскому языку.

Наш самолет держал путь из Кампалы, — точнее, аэропорта Энтебе, так как столица Уганды не имеет своего аэропорта, — на Найроби. На африканских воздушных линиях люди знакомятся быстро. В пассажирском салоне обычно стоит шум оживленного разговора; полет в африканском самолете никак не напоминает американские авиалинии, где собеседники, как правило, скупы на разговоры.

Молодой кениец, с которым мои товарищи начали знакомство, складно говорил по-русски, во всяком случае, слова он всегда находил, грешил лишь в ударениях. Мы сначала приняли его за африканского дипломата или журналиста, побывавшего в нашей стране. Но оказалось, что этот кениец самостоятельно изучил русский язык и

пока лишь мечтает о том часе, когда сможет посетить Советскую страну.

В Уганде нас информировали о том, что в местном университете принято решение об изучении русского языка наряду с английским, немецким и французским.

Тяга африканцев к русскому языку огромна, и руководствуются они при этом прежде всего практическими соображениями. Без всестороннего знания современной России, ее достижений в развитии хозяйства, культуры, науки и техники невозможно подняться до уровня современной цивилизации.

ПОИСКИ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ...

Молодые африканские страны переживают период большого исторического подъема, — время, когда в ходе внутренней и внешней борьбы укладываются рельсы, по которым страны должны двинуться вперед. Будущее Африки формируется сегодня, и многое зависит от того, в какую сторону пойдет движение. Вероятно, не будет ошибкой сказать, что большая масса африканцев с недоверием относится к пути, предлагаемому капиталистическими странами Запада: слишком горькой была прошлая история Африки.

Вспоминаю социологический конгресс в Вашингтоне в 1962 году, о котором уже говорилось, и обсуждение на этом конгрессе неокOLONиалистских идей американского деятеля Уильяма Ростоу.

Его книга «Стадии экономического роста», претендующая на обобщение мировой истории, фактически предлагает развивающимся молодым странам американский путь развития. Это затаенные мысли подорванного мирового колосса — кровавого американского империализма, стремящегося встать на место старых колонизаторов. Идеи Ростоу даже на том, буржуазном по своему

составу, конгрессе социологов не получили одобрения. Ярый антикоммунист француз Раймон Арон — и тот назвал тогда идеи Ростоу «слишком претенциозными».

Африканские делегаты на социологическом конгрессе, спокойно выслушав ораторов — адвокатов идей Ростоу, прямо заявили, что они, африканцы, не думают, чтобы теория Ростоу была применима всюду, в том числе и в Африке.

Народы Африки пристально присматриваются к социалистическому миру, пытаясь часто по-своему «переварить» огромный опыт развития социалистических стран. Но социальные условия Африки очень сложны. Дает о себе знать слишком различный уровень развития провинций даже в одной и той же стране.

В центре Уганды, в бывшем королевстве Буганда, экономическая жизнь довольно развита и в некоторых деталях напоминает Европу, люди здесь ходят в европейской одежде. А в провинции Торо преобладают яркие национальные одежды. А если отъехать от столицы еще дальше, на две сотни миль, в Карамоджу, то здесь уже большинство племен ведет почти первобытный образ жизни, люди часто не имеют даже набедренной повязки.

Из Карамоджи, вероятно, и пришел рассказ, который нам изложили так. Миссионеры посоветовали одеть девушек хотя бы в скромное одеяние. Но местный вождь возразил:

— Разве это возможно! Тогда же ни одна из них не выйдет замуж...¹

---

¹ Это не анекдот. Подобный образ мыслей характерен для отсталых племен. В книге Ф. Бенитес «Путешествие к индейцам тараумара» (изд. «Прогресс», М., 1965 г.) так передается диалог индейцев Мексики тараумара: «— А ты почему не носишь штанов? Ты же не какой-нибудь бедняк!». — «Невесте это пришлось бы не по вкусу. Только когда мы ходим в таком виде, женщины знают, какие мы на самом деле. Носить штаны — большой обман» (стр. 30).

В Дар-эс-Саламе всюду расположились филиалы английских, западногерманских, американских и прочих банков и торговых фирм, а совсем недалеко от столицы живут кочевники масаи, типичные скотоводы, вооруженные, как правило, только щитом и копьем; недостаток оружия в борьбе с хищниками у масаи заменяет отчаянная смелость. К слову говоря, нам как редкость показали на пути из Дар-эс-Салама в Марогоро крошечную деревушку, в которой осели первые масаи.

В ряде районов Африки слабо еще развита классовая борьба, часто еще и сами классы не выкристаллизовались, а там, где существует рабочий класс, он часто малочисленный, малоопытный в борьбе. Чувствуется давление неокOLONиализма и его союзников-феодалов. В одних странах Африки действуют коммунистические партии, в других — очень влиятельны революционно-демократические, в третьих — еще очень значительно влияние прозападных сил, существенно влияние военных.

В своем дневнике я тогда записал: «В Уганде и Танзании бросается в глаза слабое классовое расслоение общества и почти полное отсутствие классового сознания. Заметное расслоение общества выглядит примерно так: 1) верхушка представителей коренного населения, занимающая видные государственные посты; 2) большое число англичан, работающих в системе государственного аппарата и имеющих возможность влиять на решение проблем, связанных с внутренней и внешней политикой государства; 3) прослойка средней и мелкой буржуазии, состоящая часто из граждан индийского происхождения; 4) основная масса коренного населения, занятая в сельском хозяйстве и на предприятиях в качестве рабочих. Много африканцев занято в системе обслуживания на самых низкооплачиваемых работах (официанты, носильщики, уборщики, сторожа и пр.)».

Все это и многое другое оказывает существенное влияние на развитие решающих событий в стране.

Нам посчастливилось увидеть в Уганде, как африканцы пытаются использовать мировой опыт строительства новой жизни.

Мы познакомились с председателем «Общества дружбы и культурных связей Уганды с Советским Союзом» Игнатио Мусази и его коллегами, членами парламента Шафиком Араином и зоологом Кирунда Киведжинджа. Мусази в Уганде принято называть «отцом угандийской независимости» в знак его больших заслуг в борьбе против английских колонизаторов.

Наша группа разделилась на две части. Одна выехала в кооператив Гомба, другая, в которой оказался я, отправилась в округ Накасеки, в милях 40—50 от столицы. Это родное место Мусази и округ, где он баллотировался во время последних выборов в парламент.

Наш небольшой автобус быстро катил по левой стороне шоссе (в восточной Африке англичане в свое время ввели левостороннее движение), минуя бесконечные заросли бананов. Мусази комментировал достопримечательности и рассказывал интересные эпизоды из жизни родного края. Но больше он молчал и думал... Тяжелые годы борьбы против колонизаторов, ссылка в отдаленный край страны и интриги сегодняшних врагов свободной Уганды оставили отпечаток на этом уже не молодом человеке (Мусази 60 лет), сделали его неторопливым, вдумчивым.

По дороге останавливались, Мусази встречался со своими знакомыми. Откуда-то из зарослей, где укрылось незатейливое строение без окон или с окнами без стекол, вышла женщина и, здороваясь, стала на колени. Так сделала и ее девочка. Мусази пытался ее поднять, но безуспешно. Такой ритуал при встрече с мужчиной со-

хранился далеко не по всей стране. Им как бы подчеркивается, что женщина стоит ниже мужчины.

Мусази — один из инициаторов организующихся в Уганде сельскохозяйственных кооперативов. На земле, полученной Мусази по наследству, он уже организовал, несмотря на сопротивление некоторых правительственных чиновников, кооператив по выращиванию бананов.

Мы встретились с группой молодых людей, взрыхлявших землю очень примитивными орудиями.

Рассказывая о своем детище, Мусази оживился, глаза его загорелись:

— Вот, перед вами уже те, кто пожелал работать коллективно. Да, наше сельское хозяйство до сих пор обходится без машин, и мы вынуждены применять орудия наших предков. Все это — результаты хозяйничанья англичан, которые за годы своего господства только и думали о прибылях. Но мы верим, что и у нас будут машины и что мы придем к коллективному труду так же, как это сделали вы в своей стране.

В его кооперативе работают молодые люди, пришедшие из разных областей Уганды, юноши разных племен, народностей. Такие коллективы, по справедливому мнению Мусази, будут способствовать союзу всех народов Уганды. Мусази с восхищением говорил о Великой Октябрьской социалистической революции, о любимом вожде Ленине, связывая его имя с коллективным трудом.

Наш любезный хозяин привел нас в школу, которая еще не имела стен, но ее венчал легкий навес для защиты от солнца и дождей. Школа уже работает: энтузиасты-учителя обучают 200 детей. Он познакомил нас со своими родственниками, которые играют немалую роль в его начинаниях, проще говоря, они — его опора. В Африке до сих пор племенные и семейные отношения имеют большое влияние на общественные процессы. И не

Кампала. После ритуала крещения ребенка...

надо удивляться тому, что иногда новое общественное начинание зарождается прежде всего в кругу родственников или соплеменников.

Родственный клан Мусази довольно противоречив — это сложный конгломерат. В нем — сам Мусази, преданный делу революционного демократизма и Ленину, как он его понимает, и видящий дальше своего родного Накасеки. Здесь и дядя Мусази, который многие годы был важным чиновником у кабаки (вождя племени), хорошо знает английский язык. Мусази замечает, что дядя презирал англичан, он служил только кабаке, теперь кабака отпустил дядю на пенсию. Остальных представителей родственного круга выдавали их руки — темные, заскорузлые. В большинстве это — неграмотные люди, они только недавно слышали слово «Москва».

Такова сегодняшняя Африка!

Как мы поняли, свои начинания Игнатио Мусази и его родственники, его соратники и товарищи связывают с социализмом. Для нас ясно, что это серьезный поиск, который в конечном итоге выведет лучших людей Африки к научному социализму, к подлинно свободному труду, а в будущем — и к счастливой жизни.

ЗА ЗАКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ УНИВЕРСИТЕТА

Мы у заместителя министра образования Уганды Нкуту. Он с пониманием относится к нашему плану посетить некоторые учебные заведения страны, главным образом столичный университет Макарере. Ведь в нашей делегации два преподавателя советских вузов — Евгений Алексеев из Москвы и я из Риги. Естественно наше желание встретиться со своими коллегами в Африке, тем более, что была договоренность об организации нашего выступления перед студентами.

Университет Макарере расположился на одном из зеленых холмов столицы. Более тысячи студентов-африканцев учится в его стенах. Обучение ведется в основном на английском языке.

Наше прибытие в университет вызвало настоящий переполох среди его чиновников, а наше намерение встретиться со студентами — даже настороженность, ибо мы ясно сказали, что прибыли из Москвы. Нам ответили, что о планах министерства университету ничего не известно, а встретиться со студентами вряд ли возможно, и трудно сказать, насколько сами студенты будут заинтересованы в этих встречах.

Короче говоря, двери университета перед нами были захлопнуты. По одну сторону оказались мы, по другую — англичане. Это не ошибка — именно англичане.

Дело в том, что молодые африканские государства крайне страдают от недостатка подготовленных специалистов, в том числе и таких, которые могли бы руководить образованием молодежи. По сведениям канадского журнала «Engineering Journal» (1969 г., № 9) 35 независимых стран Центральной Африки с населением около 230 миллионов человек имеют только 11 высших учебных заведений, а на 10 тыс. населения приходится только 1 инженер, в то время как в странах Западной Европы и США — 35—40 инженеров.

Этим пользуются всякие «корпусы мира», вроде известного американского «корпуса», различные общества и организации, поддерживаемые фондами Фордов и Рокфеллеров. Поэтому в университете Макарере из 120 преподавателей — 107 англичан, которые и придают соответствующий дух университету.

Гуляя по зеленым дорожкам Макарере в ожидании «решения» нашего вопроса, мы познакомились с молодым джентльменом. Он поинтересовался нашим впечатлением об университете, но, так как дверь перед нами еще была закрыта, то трудно было что-либо сказать. Тогда джентльмен высказал свое мнение:

— Я преподаю здесь только шесть месяцев, но мне кажется, что университет очень англинизирован...

Трудно было пускаться в разговоры с новым знакомым, поэтому мы ответили, что ему виднее...

Закрытые двери университета не оказались все же непреодолимым препятствием. Через четыре часа мы прибыли в студенческое общежитие и начали нашу беседу с совместного ужина со студентами и частью преподавателей, которые пришли на эту встречу.

Африканские студенты университета — молодежь в малиново-черных мантиях (скопированных у англичан), которые, как мне показалось, мало гармонируют с живыми, энергичными, порой несколько даже шумными мо-

лодыми африканцами. Два часа задавали студенты вопросы, а мы отвечали на них.

— Когда ваши студенты имеют право вернуться в свое общежитие, не позже какого часа?

— Говорят, что у вас в одном общежитии живут девочки и мальчики? (Это уже был вопрос со скрытым намеком и с ханжеской подоплекой. Даем ответ).

Под одобрительные кивки некоторых преподавателей получаем еще один вопрос:

— Каким образом информируются ваши студенты о культуре Запада, США, если в Советском Союзе не продаются самые распространенные западные газеты?

Приходится разъяснять, что западные газеты меньше всего дают информации о культуре своих стран. Это газеты бизнеса, рекламы, политических инсинуаций. Если Шекспир издается в СССР чаще и большими тиражами, чем на своей родине, а наши библиотеки полны научных фолиантов, журналов почти на всех языках мира, а джазовые новинки западной музыки широко исполняются в нашей стране, то можно ли сомневаться в информированности нашей молодежи о культуре Запада? Студенты соглашались. На лицах преподавателей — маска.

Мы, со своей стороны, просим рассказать, как информирована западная молодежь о культурных событиях в нашей стране. Студенты молчат, растерянно переглядываются. Как мало им известно о нас! Поправить дело пытаются преподаватели, но дальше ходячих на Западе мнений о «недостаточной культурности» наших народов дело не идет.

Мы ставим еще несколько вопросов, и преподаватели чувствуют себя неловко.

Чтобы как-то сгладить ситуацию, сложившуюся не в пользу присутствующих англичан-преподавателей, последние в итоге предлагают партию в настольный теннис. Выставляют молодого тонкого англичанина. С

нашей стороны за ракетку берется Евгений Алексеев.

Я вначале не был уверен в исходе этого поединка. Но и здесь победа осталась за нами. Расстались мы, радуется, дружески... Не зря же англичане гордятся своим джентльменством.

Но временами свой джентльменский лоск они все же теряют, и в этом мы убедились в университетском колледже Дар-эс-Салама, куда нас пригласили на занятия по истории.

Когда мы пришли в университет, здесь в одной из групп — на третьем курсе социологов — начиналось занятие на тему об истории трех революций в России. Нужно сказать, не часто случается советскому преподавателю оказаться на таком занятии за пределами социалистического мира!

Молодой и внимательный ассистент вызвался показать нам сначала выставку, устроенную специально к этому занятию. В отдельной аудитории на стенах были развешены портреты Николая II и его семейства, Троцкого, Распутина. Мы были просто поражены, когда в конце этой галереи неожиданно обнаружили портрет... Ленина. И, представьте себе, нам пытались пояснить, что рядом с Лениным — герои и творцы русских революций (?). Такую выставку можно было бы считать курьезом, если бы не обширный план, который был подготовлен к занятию по этой теме.

Нужно отдать справедливость составителям этого плана в одном: они сделали все возможное, чтобы доказать недоказуемое.

В плане семинарского занятия и в пояснениях к нему настойчиво проводилась мысль, что большевики узурпировали власть в 1917 году и что революция в нашей стране прошла не по Марксу и прочее, и прочее в том же духе. В связи с тем, что по просьбе слушателей на

семинар за несколько дней до этого был приглашен работник советского посольства, который показал фильм о Ленине, руководители колледжа в срочном порядке пригласили, со своей стороны, некую госпожу Ирену Браун, «специалиста» по «проблеме Троцкого», а из Швеции был выписан на несколько лекций профессор Свенсен, «специалист» по истории советской экономической политики первых лет Советской власти.

На вопрос, почему не пригласили какого-либо крупного специалиста из нашей страны по истории Октябрьской революции, никто ничего толком сказать не мог. Зато все упирали на объективность списка литературы и других рекомендаций студентам. В списке действительно мы нашли труды Маркса и Ленина, только выяснилось, что ни в университетском колледже, ни в городе их нет. Рекомендованы были «Очерки истории СССР» (советское издание), но эта рекомендация сопровождалась таким «невинным» замечанием, что-де «этот труд является очень обобщенным, почти наивным». А если еще добавить, что эта книга в библиотеке имеется в одном-единственном экземпляре, то англичанам практически нечего было опасаться «советских взглядов». С произведениями Ленина составители семинара обошлись еще проще. Они написали: «Ленина нельзя причислять к советским историографам. Он представляет свои взгляды!» Вот так!

Африканских студентов пытаются убедить, что современная буржуазная историография является-де единственным защитником истинного взгляда на историю русской революции, и даже защитником... Ленина, которого якобы «извратили» большевики. Какой эквилибристикой приходится заниматься этим слугам ядовитого буржуазного пера!

При таком подходе нет ничего удивительного, что слушателям настойчиво рекомендуются сочинения всякого

рода эмигрантов (вроде Бердяева, Флоринского), анти-советчиков и «специалистов по Кремлю» (Раймона Арона и пр.), «новинки» американской антисоветской литературы (вроде Фишера о Ленине) и, конечно, Росту, который никакого отношения к теме вообще не имеет. Как позже проговорился один из преподавателей университетского колледжа, для Росту действительно в этой теме места нет, но ведь его рекомендовали... сверху. Что означало «сверху», преподаватель не уточнял. На социологическом конгрессе в Вашингтоне, как уже говорилось, американцы не сумели навязать идеи Росту африканцам, как и всему конгрессу. Поэтому теперь это стараются сделать англичане, но уже контрабандой.

Разумеется, все эти книги имеются в библиотеке, причем в достаточном количестве экземпляров.

Так выглядит «объективность» на английский манер! Для изложения «советской концепции» Октябрьской социалистической революции мне было предоставлено пятнадцать минут. Мне показали путь на трибуну. Но я подошел к первым рядам студентов, которые уже приготовились слушать.

Я категорически возразил против попыток назвать нашу точку зрения одной из «концепций», имеющих хождение на рынке идей. Кому как не нам, ученым страны, народ которой начал и завершил величайшую революцию, дать научное объяснение исторических событий! Мы способны были сделать эту революцию, мы способны и объяснить по-научному ее ход, смысл, исторический результат.

Но ведь в моем распоряжении было только пятнадцать минут! Хитрый англичанин (преподаватель Джемс Лонсдейл), забравшись на стол, стоящий у стены, и поджав ноги под себя, держит часы в руках. Конечно, можно было получить и больше времени, но убедитель-

ность никогда не пропорциональна количеству времени на изложение взгляда.

Сколько я в своей жизни сдал всяких экзаменов, каких только ни читал лекций, каких только не было волнений. Но, кажется, самое трудное испытание ожидало меня здесь.

Время истекает. Я закругляю свою мысль и получаю искренние, как мне кажется, аплодисменты. Только Лонсдейл несколько разочарован, он лениво покидает стол, на котором восседал.

Теперь меня просят подробнее рассказать о роли Ленина в Октябрьской революции, так как я зло и без оглядки высмеял пресловутую «выставку» к семинару. Спрашивают, не была ли все же революция в России преждевременной, ведь Маркс считал, что революция должна произойти в капиталистически развитой стране, а Россия-де не была таковой. Почему Троцкий стал врагом Советской России, ведь до этого он занимал высокий пост? (Чувствовалось, что кто-то явно подогревал настроения студентов.)

Назрел ли Октябрь — этот вопрос решается просто и убедительно. Критерием является практика, она убеждает нас, что мы имеем перед собою: зрелую революцию или незрелую. Незрелый плод семян не дает. Англичане, замечая я, любят говорить: «The proof of pudding is its eating», т. е. пудинг познается во время еды.

О Троцком пришлось рассказать подробнее. Ведь он никогда не был настоящим революционером и не смог понять революционной теории. Его «левые» лозунги импонировали мещанскому индивидуализму, отражали мелкобуржуазную «революционность». Даже примкнув к пролетарской революции, Троцкий ничему не научился. Выброшенный из революционного потока, он нашел общий язык с ярыми врагами революции, ленинской партии

и это его вполне устроило. Таков финал этого «Иудушки», как назвал его метко В. И. Ленин.

По содержанию вопросов обычно легко определить, в каком направлении думает человек. В этом мы еще раз убедились, выслушав наших молодых хозяев до конца.

— Насколько Ленин отступил (?) от Маркса? (Типичный вопрос антисоветчиков, желающих противопоставить Ленина Марксу.)

— Почему Ленин, в противовес Марксу, выдвинул идею союза рабочего класса с крестьянством?

Откуда знать этой юной с большой копной черных волос африканке, задавшей вопрос, что эта идея именно и дана Марксом. Я цитирую по памяти слова Маркса: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны» и прошу ее прочесть об этом в письмах Маркса и иметь в виду, что Ленин развивал марксизм не в «противовес» Марксу, а на основе его учения.

Наконец, еще один вопрос:

— Вы сказали, что после Октябрьской революции вся земля стала собственностью государства. Значит, отняли землю у народа? А сколько народу за это заплатили?

Я начинаю припоминать, где мне этот вопрос уже задавали. Это было на приеме у мэра Кампалы господина Кавума, совмещающего свой пост с торговлей автомашинами. Тогда выяснилось, что ни коллеги господина Кавума, ни он сам не знают того факта, что земля была отнята у российских помещиков, которые искусственно создавали голод, морили голодом миллионы крестьянских семей. С этим революция покончила, передав всю землю в руки народа, т. е. именно тем, кто эту землю всегда обрабатывал.

Нахожу еще одну запись в своем дневнике: «Англичане действуют здесь, в Африке, тонко, фарисейски. Они выкачивают из этого континента через свои монополии колоссальные прибыли и небольшую долю этих прибылей вкладывают в строительство тех или иных культурных центров, находящихся у всех на виду (колледжи, госпитали и т. п.). Англичане имеют также значительную массу своих учителей, врачей, священников, работающих в народе, среди молодежи, где им порой удается войти в доверие к населению. В итоге далеко не каждый африканец понимает отношение к неоколониалистам как отношение к угнетателям».

ВЕРЮ ТРЕТЬЕМУ КУРСУ СОЦИОЛОГОВ!

В один из дней мы сортируем приобретенные сувениры, копаемся в наших записях, чтобы найти нужные слова на языке суахили. Вот они: «куа херини» и «асанте сана», они означают: «до свидания» и «спасибо». Это то, что мы скажем сегодня своим гостеприимным хозяевам, покидая их родную землю. Наш путь теперь лежит из Дар-эс-Салама на Лондон через Бенгази. Из Лондона советским воздушным лайнером мы доберемся до Москвы.

В этот день мы еще раз переживаем все виденное и как бы впитываем в себя последние впечатления. Кто знает, когда опять судьба забросит нас в Африку!

Опаленная солнцем и ветром хамели протянулась почти к центру Африки земля Судана, живущая тревогами своих дней и мыслями всего континента...

Мы уже не пролетим мимо величественного Килиманджаро, гордо поднявшегося из мира саванны до таких слоев атмосферы, где, казалось, сама синева неба превратилась в яркой белизны снег...

Уганда. Дорожный указатель «Уступайте слонам дорогу»

Дороги Уганды. Мы по ним добирались до самых интересных уголков страны. Эти дороги-пути могут рассказать о многом, о древнем. Дорога проходит по краю двух больших кратеров потухших вулканов. Их диаметр три-четыре мили, глубина около мили. Большое озеро на дне кратера, по берегу движется стадо слонов. В этом районе подобных кратеров 38, их возраст 25 тысяч лет. Мы выходим из машины, но сопровождающие нас друзья на страже: они возражают, чтобы мы отходили далеко: трава высокая, и она может укрывать льва, этого опасного африканского хищника.

В национальном парке Елизабет — другая опасность: слоны и нильские крокодилы. На всех дорогах шоферам напоминают: «Уступайте слонам дорогу». Африканцы говорят, что любопытство лучше всего проявлять днем и

не делать этого вечером, особенно на берегу Нила. Сказано это не для красного словца. Вечером перед закатом солнца группа слонов вдруг пришла к ресторанной кухне туристского городка полакомиться остатками пищи. Затем слоны удалились, пройдя через весь поселок и демонстрируя полное пренебрежение к окружающему. Говорят, что один иностранец, не посчитавшийся с предупреждением, как-то вечером прогулялся по тропинке к Нилу. Это была его последняя прогулка. Крокодил может пустить и слезу, но жертву свою никогда не отпускает...

Несколько дней мы провели в отеле «Нью Рувензори». Это коттедж в английском стиле с большим камином в главном здании. Из «Нью Рувензори» можно увидеть Лунные горы. Об их красоте говорится во всех проспектах для туристов. Но мы ничего не увидели: тучи и мгла закрыли горы. Некоторые англичане сидят в отеле неделями, чтобы в какой-то момент вечером увидеть горы, освещенные луной. Уверяют, что красота неповторимая. Но у нас, увы, не было столько времени, чтобы дожидаться хорошей погоды.

За час до завтрака пьем душистый угандийский чай с молоком, через час завтракаем и покидаем это действительно романтическое место.

Самолет наш отрывается от столичного аэродрома Танзании, и Дар-эс-Салам яркими красками стелется под нами. Океанская бирюза и солнце режут глаза, а мы стараемся узнать некоторые улицы, отдельные строения. Вот он, университетский колледж! Его белые здания на окраине столицы хорошо выделяются в зеленой пене огромных пальм. Чем сегодня занимается третий курс социологов? Какие «выставки» и новые семинарские планы готовят им господин Джеймс Лонсдейл и его коллеги? К тому же сколько дополнительной работы задали им мы своим посещением и выступлениями!

Танзания. Жаркий день

Но я верю в третий курс африканских ребят и девушек! Поэтому мысленно машу им на прощание.

Самолет набирает высоту. Справа приближается остров, почти окруженный коралловыми рифами. Это Занзибар, который вместе с островом Пемба вошел в федерацию Танзании. Нам посчастливилось несколько дней провести на Занзибаре.

Под властью султаната и англичан, а еще раньше в период арабского владычества Занзибар стяжал себе славу центра торговли черными рабами. Из внутренних областей Танганьики невольники пешком прибывали в Богаймо — порт на побережье материка. Не случайно Богаймо на суахили означает «место, где я оставил свое сердце». Последним пунктом, где невольники прощались

с Африкой, был Занзибар. Здесь на нынешнем пляже Мангапвапи рабы выгружались на белый песок; легенда говорит, что белый песок — результат бесчисленных слез рабов, навсегда потерявших свою родину.

Работоторговля ушла в прошлое, но народ Занзибара ничего не забыл. Как памятник сохранен бывший рынок рабов. Камни его двора отполированы ногами живого товара. Народ горячо возненавидел рабовладельцев-англичан и марионетку-султана, свергнутого народной революцией в 1963 году.

Жестокий гнет колонизаторов, неслыханные страдания народа оставили у занзибарцев жгучую ненависть к угнетению, породили сильную тягу к новым веяниям, революционным делам.

Занзибарцы гордятся своим руководителем, первым президентом Абейда Каруме, ставшим ныне первым вице-президентом Федерации Танзании. Это бывший рабочий, вдумчивый политик, блестящий оратор. Народ высоко его ценит.

В Уганде нам встречались люди, которые своим скептицизмом пытались бросить тень на светлую память Патриса Лумумбы. Но для всех здравомыслящих занзибарцев Лумумба — святое имя. Оно дано университетскому колледжу в столице острова. Государственная больница в городе носит славное имя великого Ленина. Патрис Лумумба и великий Ленин для многих островитян — символы их будущего.

* * *

Кажется, спустя месяц по прибытии домой я получил ругательное письмо, написанное преподавателем университетского колледжа из столицы Танзании. Хотя оно и начиналось с вежливого обращения «Dear professor»... но меня явно упрекали в неколлегиальности и даже в

применении запрещенных приемов... Имелось в виду наше посещение университетского колледжа.

Господа! Поберегите свои нервы! Ведь вас ожидают в Африке куда большие неприятности. Решающие дни еще впереди!

И хотя недавно, в частности, из Уганды пришли вести о военном перевороте и смене властей, но будущее по-настоящему покажет, что означает этот зигзаг событий. История никогда не была и не будет спокойным проспектом или автострадой, соединяющей два пункта кратчайшим, наиболее легким путем. Но веления истории, ее приговор, старому, как говорят, обжалованию не подлежит, они не обратимы...

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ НЕРВНИЧАЮТ

ДОКТОР ФУЛЛЕР И КОРЧУЛЬСКИЕ ЗАГОВОРЩИКИ

Доктор Фуллер — лицо вполне реальное, как и все персонажи этой книги. Он живет в Зальцбурге, является одним из лучших гидов Австрии, и если вы хотите его найти, то отправляйтесь прямо в музей Моцарта — Фуллер беззаветно влюблен в великого композитора. А если хотите еще лучше понять доктора Фуллера, то вспомните хотя бы в общих чертах историю его страны.

Рожденная на развалинах Австро-Венгрии в 1918 году Австрия увидела на своей земле Советы, затем было предательство правых социал-демократов, и страна пошла по «нормальному» пути развития буржуазного государства. Затем были профашистские правители, роковой аншлюс 1938 года, гитлеровский сапог, раздавивший независимость страны и, казалось... навсегда.

— Я не дипломат и не политический деятель, я простой австриец, который пережил все ужасы гитлеровской оккупации. «Удостоился» у фашистов смертного приговора в 1944 году, и только русские спасли меня... Мы, австрийцы, хорошо помним, как много крови пролил ваш народ, чтобы спасти от величайшей трагедии мою родину, мой Зальцбург, который я очень люблю, мой голубой Дунай, наши песни и музыку маэстро Штрауса. Австрийцы никогда не забудут вдов и матерей, оплакивающих и сегодня своих мужей и сыновей, чьи могилы на нашей земле. Мы будем хранить нашу дружбу, она дорога нам, как и родной наш очаг!

Наступил вечер, панорама горы Гайсберг скрывалась в темноте. Мы сидели в горах в крестьянском доме, за столом с походной снедью, вином и «столичной» водкой. Сверху был виден освещенный Зальцбург, и слова эти произнес доктор Фуллер. Он говорил по-русски.

Доктор Фуллер — ничем не приметный австриец. Уверяю вас, что вы никогда бы его не заметили в толпе прохожих. Но заговорите с ним о судьбах человеческих, о ценностях нашего времени, и он не только оживляется, но поистине вдохновляется. Доктор Фуллер любит все возвышенное, и поэтому он умеет ценить бескорыстные жертвы, тонкое искусство, настоящую дружбу... Устами его говорила благодарная Австрия, которая встречала нас, советских делегатов, приехавших на очередной Всемирный философский конгресс, созданный в Вене в сентябре 1968 года. Но если бы все было так гладко и чисто, как этого хотели австрийцы, не захваченные грязными потоками западной дезинформации!

Однако дальше мы не можем обойтись без того, чтобы не обратиться к острову Корчула, что лежит у берегов Югославии под щедрым солнцем Адриатики.

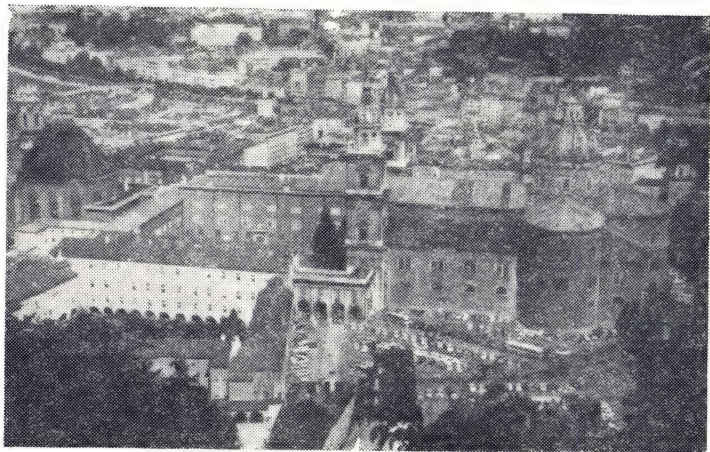
Говорят, на этом острове родился Марко Поло. Вокруг предполагаемого места его рождения идут ученые споры, а сотни туристов устремляются на Корчулу, словно надеются отыскать следы великого путешественника. Летом 1968 года сюда приехали участники так называемой «летней школы философов», которая собирается на краткий срок для обсуждения актуальных философских вопросов. Сама «школа» — дело обычное. Но на сей раз среди участников «школы», как позже сообщили некоторые западные газеты, были господа Э. Блох и Габермас, оба из ФРГ. Так как круг участников «летней школы» не был строго очерчен, то они, эти джентльмены, выдавали себя то за философов, то за обыкновенных туристов.

Однако они не обременяли себя ни философскими заботами, ни туристскими. Господа не искали следов Марко Поло, не любовались кафедральным собором Корчулы. У них просто были «более важные дела», которые надо было укрыть от говорливой и шумной центральной части Западной Европы, с ее вездесущими корреспондентами. Господа усиленно готовились к венскому конгрессу философов. Но так как у джентльменов не было ни чувства юмора, что часто означает понимание реальности, ни логичного философского мышления, хотя бы в обыденной форме, то их не влекла ни философия, ни ее проблемы. Да они и не стремились к этому. Они размышляли в довольно узких рамках, подобающих «специализации» этих джентльменов — как использовать трибуну конгресса для очередных антисоциалистических акций. И уж очень им хотелось досадить советской делегации, которая в это время уже готовилась к выезду на конгресс.

Этих господ на Корчуле и застало 21 августа 1968 года, когда советские солдаты и их боевые товарищи из других стран пришли на помощь одному из народов Европы — чехословацкому народу. В первый момент Блоху и Габермасу показалось, что все их планы рухнули, тем более что план учитывал так называемую «весну в Чехословакии», где открывалось целое эльдорадо для сил контрреволюции, с ее двигательными пружинами на Западе.

Однако корчульские заговорщики не были новичками в своем деле. Они довольно быстро сообразили, что планы надо переделать и настроились даже на то, чтобы получше использовать новую ситуацию. Можно сказать, что Корчулу они покинули несколько даже воодушевленными, планируя превратить конгресс в «форум несоветского коммунизма», как об этом позже проговорила одна западная газета.

В эти же дни на Корчуле удалось побывать и мне.

Уголок одного из красивейших городов Австрии — Зальцбурга

Кто бы мог подумать, что в толпах туристов прячутся джентльмены, с которыми у нас будут битвы и на этом конгрессе!

ЕЩЕ ОДНО ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО

Этот господин почти ничем не походил на корчульских заговорщиков и, может быть, даже лично с ними не знаком. У него не было ничего и от грубой прямолинейности, которая так бросается в глаза, когда вы, например, разговариваете с американским профессором Бланшаром. Он был почти настоящий джентльмен; после нашего первого знакомства он два раза подряд на Новый год присылал мне поздравления, но рука не поднялась писать ему ответ...

Представляю читателю Густава Веттера, бывшего профессора истории русской церкви, а ныне...

Долго работавший в Австрии и опубликовавший книгу «В зеркале голубого Дуная» Леонид Степанов в начале 60-х годов писал: «Для того, чтобы с большим успехом действовать против австрийских коммунистов и всех симпатизирующих им, католическим теологам в послевоенное время пришлось усиленно изучать марксизм, стремясь найти в нем изъяны и трещины. Появились и «труды», имеющие целью подорвать авторитет марксистских идей. В 1952 году, например, католическое издательство Хердер-ферлаг выпустило в свет книгу о диалектическом материализме объемом в шестьсот страниц. Автор книги священник-иезуит Густав Веттер — «специалист по советским (а вернее, по антисоветским) вопросам», директор Коллегиум руссикум — заведения, часто упоминавшегося во время судебных процессов над иностранными агентами в странах народной демократии. Эта книга Веттера отличается от ей подобных подбором материалов, свидетельствующих о знакомстве автора со многими произведениями классиков марксизма-ленинизма и игнорировании самых обветшавших и глупых утверждений о Советском Союзе. Однако от того, что эта книга сделана искуснее, она не стала менее вредной. Главная идея книги Веттера заключается в том, что результаты современной науки якобы опровергают принципы диалектического материализма».

Книга Густава Веттера «Советский диалектический материализм» с тех пор в капиталистических государствах издавалась неоднократно. Иногда ее называют даже «солидным» трудом, хотя ее страницы заполнены передержками, тонкими измышлениями и бесконечными извращениями. На философском конгрессе в Мехикосити мои коллеги спросили Веттера, как он позволил

себе написать книгу с такими немислимыми извращениями диалектического материализма. Веттер вежливо отклонил эти обвинения и повторил, что, дескать, он писал вполне объективно, но в его работе, разумеется, могут быть погрешности, допущенные, конечно, отнюдь не преднамеренно...

Профессор Михаил Николаевич Руткевич из Свердловска посоветовал тогда этому иезуиту поехать в Советский Союз и познакомиться лучше с научной жизнью нашей страны. Веттер ответил, что он не любит подвижничества и что-де поездка в Советский Союз требует больших денег...

Руткевич возмутился:

— И это говорите вы, господин Веттер, составивший на своих миллионных изданиях солидное состояние! У вас нет денег? Побойтесь бога, вы же верующий!

Говоря о своей склонности к оседлому образу жизни, Веттер и тут покривил душой. Ведь из Европы в Мексику на конгресс путь был не легкий, но Веттер отправился в это путешествие не задумываясь. Больше того, оказалось, что Густав Веттер иногда не прочь выдать себя и за такого заправского туриста. Фактов, подтверждающих это, предостаточно.

В 1966 году мне довелось побывать в Болгарии, прекрасной стране с очаровательной природой и интересными людьми. Приятно было отдыхать среди друзей. Но тогда же там появился и Густав Веттер. Он не загорал на солнце, не любовался по вечерам морским прибоем. Нет, он носился по стране и, явившись в Софию, высказал желание устроить диалог с марксистами. Болгары не уклонялись от этого. 14 октября проф. А. Поликаров, Д. Павлов и Н. Трендафелов встретились с незванным гостем и «туристом».

Но диалога не получилось, ибо говорить пытался один Веттер. Он стремился навязать болгарам идею «многих

марксизмов», утверждая, что в каждой стране есть свой «собственный марксизм». Нечто вроде того, что химия может быть русская, австрийская, бразильская и т. п. Трудно себе представить, что этот высокоценимый на Западе «специалист» не понимал, что наука едина. А если это так, то веттеровскую миссию нельзя оценить более точным словом, чем провокация. Веттер пытался вывести, какие спорные вопросы обсуждают сейчас болгарские марксисты и нет ли у них каких-либо расхождений во взглядах с советскими марксистами.

Ничего не добившись, он отбыл в Италию, где давно уже свил себе гнездо при папском дворе.

А теперь мы его встретили в одном из залов Венского университета, в здании которого и работал многоликий философский конгресс 1968 года.

В Вене впервые увидел Веттера в партикулярном платье — он всегда носил черную сутану, — но теперь, вероятно, желание показать себя скромным тружеником науки одолело его еще больше. Мы узнали его не сразу. Во-первых, из-за штатского костюма, а во-вторых, потому, что Веттер отпустил бороду, сквозь которую уже пробивалась седина. Знать, не легко в наше время зарабатывать хлеб антикоммунисту! И как бы подтверждая это и желая показать, что он настроен дружелюбно, Веттер доверительно пожаловался нам, что трудно теперь работать в философии, а к тому же у него почти нет помощников...

Чем он теперь занимается? Это не секрет, изучает Маркса, нашел там интересные мысли...

Пожалуй, о Марксе Веттер нам в этот раз не солгал, но тезисы своего доклада он предварительно не подал, ведь так лучше, легче бороться со своими оппонентами. Но мы все-таки в тот же день узнали, что именно решил «эксплуатировать» у Маркса этот старый волк западноевропейского антикоммунизма. Однако об этом позже...

КТО ПОДАЕТ ИМ РУКУ?

Вряд ли кто из нас предполагал, что НТСовцы, то есть представители так называемого «Народно-Трудового Союза», организации злейших антисоветчиков и ренегатов, могут рядиться в одежду философов, ученых с ермолками на голове. Но такова уж сегодняшняя атмосфера и обстановка идеологической борьбы двух миров, что противник не брезгает ничем, даже и такой «маскировкой», лишь бы занять для себя выгодные позиции. На конгрессе НТСовцы развернули довольно большую выставку книг на русском языке, которые издаются печально известным «Посевом», сеящим уже третье десятилетие свои ядовитые семена. Господин Поремский, именуюя себя в этот раз даже доктором, предлагал доклады на «сугубо научные» темы, хотя они так же далеки от науки, как сам Поремский от обычной порядочности, даже той, что принята среди джентльменов на Западе.

Изменив на сей раз своей обычной манере, Поремский и его правая рука — Романов, устно не сделали ни одного антисоветского выпада. Они явно хотели представиться этакими объективными учеными, для которых в мире ничего не существует другого, кроме истины, желания ее выяснить. Поремский дружески заговаривал со всеми, и особенно пытался это сделать с членами нашей, советской, делегации, а когда к нему поворачивались спиной, он ничуть не смущался и старался найти нового собеседника. Тем более что он свободно владеет русским, немецким, французским, говорит и по-английски...

Читатель, возможно, усомнился: неужели это тот самый Поремский, который снаряжает своих посланцев в нашу страну, заставляя их обвязываться специальными поясами, куда запрятана антисоветская литература? Не-

ужели тот Поремский, агенты которого еще недавно шныряли по Москве, торгуя «заграничными» чулками, грампластинками и пытаясь бесплатно раздавать анти-советские листки?

Да, это он!

К слову сказать, вот что об этих НТСовцах писала, ничего не утаивая, наша печать: «В. Д. Поремский — один из идеологов и «фюреров» организации... Из семьи белоэмигрантов. Первая самостоятельная работа — шпик полиции в Париже. Одновременно — верный слуга главаря французских фашистов де ля Рока, а затем — агент гестапо. После оккупации Франции перебирается в Берлин, где служит в гестапо и по ведомству Геббельса. Занимает должность коменданта и преподавателя в немецких пропагандистских школах в Цитенгорсте и Вустрау. Его конек — расовая теория и «окончательное решение» еврейского вопроса по рецептам Эйхмана. После войны — служба в английской разведке и ЦРУ США».

Чтобы не создалось впечатление, что в НТС Поремский исключение, приведем еще характеристику Е. Р. Романова, он же Островский. Сей Романов (Островский) — «председатель так называемого „исполнительного бюро“ НТС. До второй мировой войны проживал в Днепропетровске. После прихода гитлеровцев добровольно пошел к ним на службу. Дослужился до поста редактора газетенки, которую оккупанты издавали в этом городе. Писал не только статьи, но и доносы. По его наветам были уничтожены десятки людей — русских украинцев, евреев. Перед освобождением Днепропетровска Советской Армией бежал в Берлин, где подвизался в грязном нацистском листке «Новое слово». Завербован американской разведкой во Франкфурте-на-Майне». («Литературная газета», 24 июля 1968 года).

Поремский и К⁰ на конгрессе были внимательны и

крайне осторожны: они не чувствовали себя прочно среди тысячной массы философов. Ведь это были их первые попытки вжиться в эту массу, стать «своими». Их выпады против марксизма, социалистической идеологии носили также осторожный характер. Поремский что-то невнятно говорил о том, что-де марксизм стал «анахронизмом», что он «входит в противоречие с современной прогностической установкой — статистической, вероятностной» (только подумать, какой ученый язык!), что «марксизм противоречит демократии». Какой демократии — об этом Поремский не стал вдаваться в подробности.

Разумеется, в своих печатных органах и на волнах подстрекательской радиостанции «Свободная Россия» поремские более откровенны и давно уже поставили все точки над «и», хотя полностью от камуфляжа и не отказались. Так, в одном из своих документов для публики они прямо заявили, что ставят перед собой политические задачи, но в политике-де усматривается ими «не привычная для западного мира «политическая игра», а нечто иное, значительно более глубокое».

Вот так! Даже отгородились от западной демократии! Но послушаем этих политиков дальше, чтобы увидеть обещанную «глубину» «С одной стороны, — это непримиримая борьба с коммунизмом, но борьба революционная». Более того, они — один из ударных отрядов антикоммунизма, и мнимая критика западной демократии не больше чем пустая фраза для легковых. Что же касается «революционной» борьбы против коммунизма, то это просто бессмысленная фраза, вроде того, чтобы бороться революционным путем против революции. Разумеется, и эта фраза имеет у поремских свою служебную роль — на этот демагогический крючок, может быть, попадутся некоторые «революционеры», например, типа последователей Маркузе.

Как низко должна была пасть буржуазная реакционная философия, чтобы заключить союз с такими людьми, как Поремский и К^о!

Заметим, что попытки некоторых делегатов социалистических стран убрать Поремского и его сообщников с конгресса, как и попытки убрать его одиозную выставку книг, к сожалению, не возымели успеха: руководство конгресса сослалось на «демократические принципы», господствующие на Западе и дающие, мол, право «каждому себя выразить».

В АУДИТОРИИ «МАКСИМУМ» — КАРЛ МАРКС

Некоторые интриги, направленные против конгресса, уже позади, некоторые еще впереди...

Однако международный конгресс начинает свою работу в Вене точно 2 сентября 1968 года. За пять лет, прошедших со дня предыдущего конгресса, честная философская мысль изголодалась по обмену мнениями, здоровым спорам, размышлениям вслух в широкой аудитории...

Заседания идут в Венском университете. Заполнены все залы и аудитории. Аудитория «Максимум» — самая большая — тоже. Вместительные аудитории, отделанные в современном стиле, и обычные студенческие аудитории, на столах которых вырезаны имена и инициалы тех, кто учился здесь еще в первой половине нашего века, заполнены жужжащей массой разноязычных философов.

На конгрессе около трех тысяч делегатов из 65 стран. Участвуют ученые европейских социалистических стран. Советская делегация представлена небольшой группой — 43 философа — во главе с академиком Петром Никола-

Редакция коммунистической газеты «Фольксштимме» (Вена)

евичем Федосеевым. Это марксисты. Но большинство конгресса — неопозитивисты, неотомисты, христианские спиритуалисты и прочие «исты», в том числе и антикоммунисты, упорно воюющие с общественными науками. Достаточно сказать, что в Вену прибыли сотни реакционно настроенных американских философов!

Этот «суперконгресс» оказался очень громоздким, и временами наладить предметную дискуссию было трудно. Хотя доклады нередко читались с пафосом, но, как заметил один наш коллега советский философ Л. Н. Митрохин, «часто безотносительно к тому, что говорилось предшествующими ораторами... полемика порой сводилась к ритуальным упрекам общего порядка, к демонстрации ораторской техники».

Однако одна линия на конгрессе выявилась довольно отчетливо и связана она была со специфической ситуацией на конгрессе и вокруг него. С одной стороны, реакционная печать Запада, в том числе и печать самой Австрии, нагнетала психоз, используя для этого события в Чехословакии, акции по разгрому планов контрреволюции в этой стране. Были стремления увлечь конгресс в болото политических дрызг, натравить конгресс на Советский Союз, советских делегатов. Ведь не случайно пронацистское издание ФРГ «Дойче националь-цейтунг» 6 сентября писала, что «Красная Армия стоит перед Венной», рассчитывая на европейского обывателя, способного быстро впасть в панику. С другой стороны, среди всех 14 аналогичных конгрессов это было необычное собрание философов мира. Состоялось оно в год, когда исполнилось 150 лет со дня рождения Карла Маркса. Уступая общественному мнению и отражая все более растущий интерес к марксизму в мире, конгресс согласился обсудить проблему «Маркс и современность». Если учесть, что это был буржуазный конгресс как по основному своему составу, так и по преобладающему мышлению, то мы, может быть, и присутствовали при одном из интереснейших событий современной истории человеческого мышления.

Отношение буржуазных философов к Марксу имеет свою поучительную диалектику. Скажем лишь несколько слов о последнем этапе этого развития. Если взять философские и социологические конгрессы последних лет, то легко можно увидеть существенную эволюцию.

На третьем социологическом конгрессе в Амстердаме в 1956 году конгрессмены упорно «не замечали» марксизма. Говорили лишь о буржуазной социологии, подразделяя ее на американскую и западноевропейскую. На четвертом конгрессе социологов в Милане — Стрезе в 1959 году на марксистскую социологию и философию уже

«обратили внимание», но как на нечто второстепенное. В начале 60-х годов состоялись два конгресса — пятый социологический в Вашингтоне в 1962 году и тринадцатый философский конгресс в Мехико-сити в 1963 году. Здесь уже было уделено довольно значительное, но своеобразное «внимание» марксизму: его пытались очередной раз «разгромить», изничтожить. Как это выглядело, мы уже говорили.

На берегу Женевского озера в 1966 году, когда в Эвиане собрался очередной конгресс социологов, западные ученые говорили делегациям социалистических стран: «Вас интересно слушать». Газета «Монд» в то время должна была признать, что «Советский Союз и народные демократии принимают все большее участие в международном интеллектуальном сотрудничестве», а отмечая профессионализм и высокую подготовку советских философов и социологов, та же газета подчеркнула, что советская делегация «состояла из экспертов» («Монд», 1966 г., 14 сентября).

Словом, «крот истории» делал свое дело, и реагирование на философию Маркса и ее носителей быстро изменилось.

Среди более прогрессивной части буржуазных философов возобладали мнения: можно не соглашаться с Марксом и марксистами, но игнорировать их невозможно, если не хочешь прослыть консерватором, невеждой... Марксисты и их учителя достойны уважения.

Реакционеры от философии, встревоженные таким ходом событий, еще больше навестили свои шпаги, подновили свои «аргументы», собрали вокруг себя не только наших идеологических противников типа доктора Веттера, Бохенского (мы о нем еще скажем), но и даже мастеров всяких грязных идеологических диверсий типа Поремского и К⁰. Заклятые враги наши еще более сплотились...

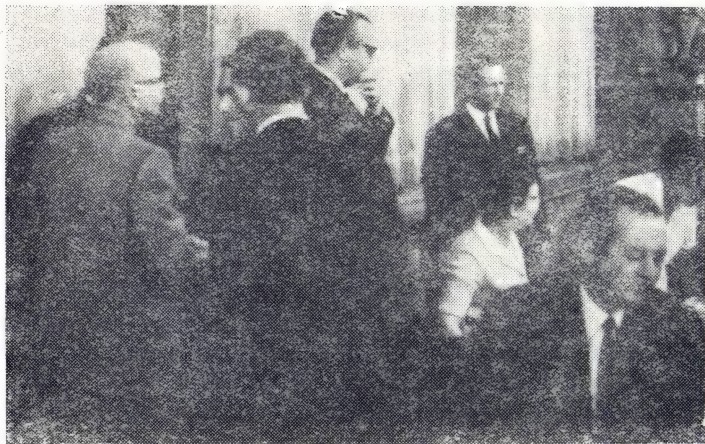
...Аудитория «Максимум» переполнена. Стоят в проходах. Полно на балконе. Сегодня здесь началось обсуждение на коллоквиуме № 1 — «Маркс и современная философия».

На трибуну поднимается крупный советский философ Теодор Ойзерман, излагающий свой доклад на французском языке. После него свои мысли излагает Корню из Франции, автор огромного труда о Карле Марксе, переведенного и на русский язык.

Так как в докладах, уже распространенных среди участников конгресса, «развивается» мысль, что Маркс якобы не был гуманистом, докладчики показывают полную беспочвенность подобных утверждений, ибо «Капитал» Маркса — главный труд его жизни — дает в своей основе новое, подлинное понимание гуманизма, связанное с решением самой гуманной задачи в истории — освобождением людей от капиталистического и всякого другого рабства. Однако верно и то, что победа марксистского гуманизма покончит со «свободой» капиталиста угнетать людей.

В прениях различные ораторы приводят всевозможные аргументы «за» и «против» Маркса. В перерыве какой-то американец подходит к нам и заводит разговор. «Мне Маркс не симпатичен, — говорит он. — Но как можно спорить против того, что Маркс гуманист. Даже наш Авраам Линкольн как-то сказал: «Когда пастух вырывает овцу из пасти волка, овца благодарит за это пастуха как своего освободителя, тогда как волк обвиняет его в нарушении его свободы». Мне кажется, что Маркс очень похож на этого пастуха, смело отбирающего жертву у «сильных мира сего».

Но разговор с незнакомым американцем продолжить не удастся. Мы нужны Марио Казалини из Италии, который разыскивает директора института философии

В перерывах между заседаниями (слева Дж. Соммервил, в центре П. В. Копнин)

из Москвы профессора Павла Копнина, чтобы договориться об издании трудов советских марксистов в Италии. На марксистские труды растет спрос.

После перерыва прения продолжают. Выступает Вера Пирожко. Фамилия эта участникам конгресса ничего не говорит, но так как Пирожко объявлена как представитель чехословацкой делегации, мы с интересом слушаем, ведь это первый философ, выступающий якобы от имени Праги.

Говорит она по-немецки, резко и неприкрыто обвиняет марксистов в волюнтаризме, в «недетерминированности» коммунизма, затем несет вздор западной пропаганды по «чехословацкому вопросу» и просто политические сплетни. В разношерстном зале «Максимум» раздаются даже хлопки. Недалеко от нас сидит академик

П. Н. Федосеев, я замечаю его седоватую голову, строгое лицо; ни тени растерянности, только чуть строже сузились его глаза.

Мы все, конечно, хотим знать, что это за пражский философ Пирожко. Только позже проясняется ее подданство. Представитель секретариата официально сообщает, что госпожа Пирожко прибыла из ФРГ и является гражданкой этой страны. Ничего общего с чехословацкой делегацией у нее нет.

Так провалилась эта «мелкая сошка» западных реакционеров! После разоблачения мадам Пирожко вспомнились господа Блох и Габермас. Не их ли режиссура стоит за «самодеятельным» номером так называемого философа Пирожко?

При выходе из здания Венского университета какие-то два субъекта всовывают в руки всем листовки, отпечатанные типографским способом. Это некие «социалистические» студенты зовут участников конгресса на демонстрацию... против «догматического марксизма». Я спрашиваю их:

— Кто вам изготовил эти листки?

Вместо ответа они долго смотрят мне вслед, полные злобы, тем более что они успели прочитать на моем знаке, прикрепленном к лацкану пиджака, что я из СССР. Вероятно, мой вопрос был несколько опрометчивым. Но мы больше не встретились. А планируемая демонстрация провалилась. Участники конгресса предпочитали дискутировать по философским вопросам.

МАРКСИЗМ НАЧИНАЕТСЯ... С БОРОДЫ?

С каждым днем мы приходим на заседания все более собранными. Маркс овладел не только коллоквиумом № 1. Послушать марксистов пришли и на так называе-

мые «свободные заседания», особенно когда выступали академик Ф. В. Константинов, профессор П. В. Копнин.

Аудитории полны, публика реагирует по-разному. Так что всегда надо быть готовым прийти на помощь, может возникнуть необходимость в знаниях каждого нашего делегата. Но докладчики сами справляются со своей задачей, и все кончается благополучно, без инцидентов. Чаще всего расстаемся при своих мнениях, что касается нас и наших слушателей. Но и сочувствующих нам немало.

На пленарном заседании по проблеме «Философия и идеология» страсти снова разгораются вокруг философии марксизма. Кажется, именно здесь из зала закричал один из конгрессменов, что он-де протестует против того, что все говорят о Марксе, словно в мире нет другой философии. Но его «протест» утонул в вознегодовавшей массе философов. Как изменилось время!

Были и попытки по-другому покончить с этой дискуссией. Калюджерро из Италии пытался доказать, что идеологии нет вообще, что это фикция. Кафедры философии всюду есть, поэтому есть и философия, кафедр идеологии нет, — так откуда же взяться самой идеологии. Но зал засмеял господина Калюджерро со всей его «аргументацией».

На трибуне — Густав Веттер, выступающий с докладом «О многоценностном значении идеологии марксизма». Трибуна высокая, и из-за нее видна только голова Веттера, но голос его слышен отчетливо. Сей ватиканский профессор показывает хорошее знание работ самого Маркса. Он на этот раз не гонится за «модой» эксплуатировать сочинения молодого Маркса, чтобы найти «противоречие» между «молодым» и «старым» Марксом в угоду

банальным «открытиям» неприкрытых антикоммунистов. Веттер прямо заявил, что уже в своих ранних работах Маркс сформулировал идеи, которые послужили основой для позднейших взглядов Маркса. Веттер показывает, как развивались взгляды раннего Маркса, и нельзя было уличить докладчика (во всяком случае, на слух) в каких-либо искажениях марксизма-ленинизма, а тем более в злостных. Временами я даже ловил себя на мысли, не поучает ли Веттер аудиторию истинному пониманию Маркса и его учения. Но ждать превращения Веттера в марксиста — все равно, что надеяться на превращение взрослого крокодила в домашнее животное.

Только к концу выступления стал ясен замысел папского профессора. Как идеология, так и научное знание являются итогом отражения общественной жизни и объективных законов. Почему же в таком случае мы оправдываем науку, мораль, искусство, но третируем религию! — восклицает Веттер. Ведь религия — то же отражение общественных условий, и не может быть такого отражения, говорит Густав Веттер, где все неверно, ибо тогда оно не отражение. В религии, по крайней мере, есть какая-то доля истины. А если это так, то ее надо реабилитировать и дать ей право на существование наряду с другими формами общественного сознания.

Вот подлинные слова этой хитрой лисы: «Современный марксизм имеет возможность, не отказываясь от собственных проблем, оставаясь верным самому себе и своим теоретическим основам, добиться позитивного отношения к религии» (машинописный экземпляр доклада).

Таким образом, ход рассуждения Веттера был составлен так, чтобы с помощью марксизма отстоять не просто религию, а подкрепить клерикальную философию,

на позициях которой твердо остается сам докладчик. Как сказал Веттер, реабилитация религии необходима также для того, чтобы можно было серьезно вести «диалог между христианами и марксистами».

Джон Соммервил из США, друг нашей страны и человек, хорошо понимающий в целом марксистскую философию, и Владимир Мшениевич из Москвы сразу же поняли, что утаил «специалист» по «советскому диалектическому материализму». Ведь Веттер не учитывает или скрывает, что факт отражения не означает одинаковое содержание форм общественного сознания. Научное знание адекватно отражает различные стороны бытия людей, религия же превратное, иллюзорное отражение социального бытия, и содержание одного и другого отражения формируется по различным законам. Отсюда в науке мы получаем адекватное отражение действительности, а в религии — искаженное представление.

Веттер также не посчитался и с тем, что идеология формируется в решающей степени под влиянием классовой борьбы. Поэтому идеология может быть научной и ненаучной. Отсюда следует, что религия никак не может быть приравнена к научной идеологии.

Это уже говорил доктор Хан из ГДР — оратор молодой, энергичный и недовольный. А недоволен он был не только самим Веттером, но и тем, как его, Хана, представил председательствующий профессор Шубер-зольтен из Австрии. Последний сказал, что доктор Хан прибыл «из Восточной Германии», на что Хан справедливо возразил, что он «представляет Германскую Демократическую Республику». После этой перепалки в зале почувствовалось оживление: одни надеялись на схватку по нефилософским вопросам, другие восхищались справедливой гордостью немецкого философа за свою социалистическую родину. Но кончилось все по-

другому. Профессор Шуберзольтен извинился, и конгресс снова поплыл по бурному философскому морю, волны которого то вздымались, то опускались, то били в борт, когда корабль делал неудачный поворот.

А пока это море бурлит, профессор Йозеф Бохенский предпочитает вылавливать рыбку, резвящуюся у берега. Бохенский не любит больших аудиторий, он больше предпочитает кулуары, ограниченное число слушателей и сократовский спокойный метод беседы «учителя» с «учеником», когда он может, не торопясь, излагать свои мысли.

Но кто же этот профессор Бохенский?

Сам он считает себя крупнейшим мыслителем современности, но это явное преувеличение. В книге Артура Хюшбера «Мыслители нашего времени», изданной в Мюнхене с 62 портретами современных западных философов, он даже не упоминается. Значит, не так уж значителен Бохенский даже по западным масштабам! Из «Философского словаря», изданного в Штутгарте в 1957 году, вы уже получаете о нем некоторые сведения. Это профессор современной философии во Фрейбурге в Швейцарии, занимается исследованием «советско-марксистской философии».

Но советские философы знают Йозефа Бохенского давно и довольно хорошо. Карьеру свою он начал как теолог, философ-неотомист, с 1934 года был профессором в Angelicum'e в Риме, тогда же он написал книгу «Изучение существования бога». В годы второй мировой войны Бохенский — капеллан в польских войсках. Перелом наступил в 1951 году, когда он издал враждебную марксизму книгу «Диамат». Его быстро заметили, как новую «звезду» на философском небе Запада. И он пошел в гору.

В общем, Бохенский из той же породы, что и Веттер.

Правда, у него нет и капли веттеровской респектабельности и от него больше отдает солдафонством. Но, право же, он не менее опасный джентльмен, сей «специалист по советскому диалектическому материализму».

Когда в Мексике на философском конгрессе Бохенский встретился с нашими философами, он воскликнул: «Хеллоу, коллеги... Вот наконец вы снова увидели агента империализма!»

Бохенский очень обиделся на одну нашу газету, которая так его окрестила в своей статье. Но восклицая это иронически, пожалуй, даже без видимой обиды, он даже не подозревает, насколько все же наш автор был прав.

За обедом мы оказались тогда за одним столом. Начали расспрашивать его о философском факультете, которым он руководит во Фрейбурге. «Учится там много перемещенных лиц. Учеба, — замечает он, — поставлена серьезно, преподают историю международного рабочего движения, историю КПСС, диалектический и исторический материализм...

Академик М. Б. Митин прерывает Бохенского:

— Так мы с вами настоящие коллеги, ведь у нас те же предметы!..

Бохенский нагло улыбается.

М. Б. Митин и профессор Михаил Руткевич предлагают ему вместе сотрудничать, конечно, с явной иронией. Но Бохенский принимает это предложение всерьез.

— Для начала, — говорят наши философы, — обменяемся статьями одинакового объема, вы помещаете их в своем журнале во Фрейбурге. Он, кажется, выходит тиражом экземпляров пятьсот? Мы помещаем вашу в «Вопросах философии», тираж этого московского журнала вам известен — почти тридцать тысяч. У вас пря-

мой выигрыш: вы получите в несколько раз больше читателей, чем мы. Идет?

У Бохенского загораются глаза.

— Ответ завтра! — бросает он.

После обеда мы расстаемся с этим «специалистом» по «диамату», и я спрашиваю Михаила Руткевича:

— А что если он на самом деле согласится! Ведь это нам явно невыгодно печатать в Москве стряпню этого заклятого антикоммуниста! Он не поверит, что мы пошутили.

Руткевич скребет затылок, Марк Борисович Митин смотрит куда-то в сторону.

Но все обернулось удачно. На следующий день господин Бохенский ответил, что это предложение его не устраивает...

А вот сейчас рядом с сенатским залом университета господин Бохенский в окружении студентов рассуждает на тему о философии «диамата» и о «гуманном социализме» в Чехословакии. Он величественно посасывает свою трубку и хочет казаться подлинным радикальным мыслителем. Он хорошо знает, что молодежь любит кристику, любит радикальное, смелое...

К счастью, к этому кружку подходит польский философ, знающий, на что способен Бохенский, и я уже слышу, как он поворачивает беседу на реальную дорогу...

Венские студенты неугомонно «эксплуатируют» конгресс, проявляя к нему большой интерес. Здесь они могут не только увидеть, но и поговорить с философами разных направлений и школ, даже поспорить с ними.

Несколько бородатых молодых людей, один из них в экстравагантных розовых штанах, окружают наших товарищей. Молодые венцы уверяют, что они тоже марксисты, но понимание Маркса у них, по меньшей мере, отрывочное, проще говоря — обывательское. Мы

стараемся разъяснить им это, насколько возможно в кулуарной толкучке, на ходу бросая реплику:

— А ведь Маркс начинается не с бороды!

Они смеются и отвечают, что другой возможности социализироваться с Марксом они пока не нашли...

Некоторые студенты расспрашивали нас и о философии Маркузе, о котором уже пора рассказать. Тем более, что как бы продолжением конгресса явился симпозиум в Зальцбурге, где «гвоздем» программы был предложен сам Маркузе, новый «пророк» буржуазной философии, довольно быстро завоевавший популярность среди части бунтующей молодежи. Шума вокруг Маркузе в буржуазной печати поднято даже больше, нежели вокруг Веттера, Бохенского и им подобных, но будет ли этот «пророк» более удачливым, чем многие его предшественники?

Мы знаем, что Маркузе не новичок в лагере антисоветизма и антимарксизма. За его плечами — «огонь и медные трубы», годы службы в американской разведке, затем в «Русском институте», который мы уже упоминали, и первый бестселлер Маркузе «Советский марксизм». Сейчас, когда китам империализма понадобилось во что бы то ни стало развенчать марксистское учение о руководящей роли рабочего класса в революционной борьбе, сочинения Маркузе оказались настоящим кладом.

Ведь не кто иной, как Маркузе, старается усиленно доказать, что-де «рабочий класс, включившийся (?) в капиталистическую систему, не может больше играть революционной роли, которую ему предназначил Маркс. Свергнуть власть капитала смогут, следовательно, лишь силы, находящиеся вне этой системы...» Каковы же эти силы? Ответ у «апостола» готов: это — «стихийный бунт молодежи», ибо они молоды, и они отвергают общество старших.

Советские философы на прогулке по Вене (В. С. Готт, М. М. Хайруллаев, А. С. Богомолов)

Итак, анархическая молодежь — теперь главная сила! Поэтому рабочий класс побоку, туда же и его революционную партию. Как после всего этого не понравится философия Маркузе китам империализма! Что же касается его фраз «революционная борьба» и прочее, то в устах Маркузе это чистейшее словоблудие. Тем более что сей опытный фальсификатор научных представлений об обществе предлагает свергать не капитализм, а «индустриальное общество» вообще, куда попадают и индустриально развитые социалистические страны...

Философия Маркузе, конечно, не сплошь мишура и бутафория. В ней есть факты, есть банальные истины,

научнообразные положения, красивые фразы. Иного обывателя она этим и может привлечь.

М. Горький как-то в беседе с В. И. Лениным сказал, что «философия, как женщина, может быть очень некрасивой, даже уродливой, но одета настолько ловко и убедительно, что ее можно принять за красавицу».

Как сложится судьба новой «красавицы», сказать трудно. Но одно ясно: и Маркузе взялся за непосильную задачу, и ему не опровергнуть Маркса и не увлечь революционную молодежь в безвыходные джунгли империалистической идеологии. Совершенно прав американский философ Поль Кроссер, который в своем выступлении на годовичном собрании американских философов в конце 1969 года сказал, что ложные концепции Маркузе приводят к ложному пути. Идеи Маркузе, приложенные к жизни, являются продуктом женитбы инфантильной революционности и младенческого анархизма. И эта болезнь пройдет, — убежден Поль Кроссер.

На зальцбургский симпозиум большинство собралось не для обсуждения оракульских изречений и измышлений Маркузе, а просто для того, чтобы взглянуть на эту «новую» философскую птицу...

НАЗОЙЛИВЫЕ ПОКЛОННИКИ ДВУХ ДАМ...

Венский конгресс заканчивается. Прозвучали последние выступления марксистских ораторов: Ф. В. Константинова, И. С. Нарского и — в заключение — П. Н. Федосеева. Мы впервые услышали его выступление на английском языке. До этого Петр Николаевич обычно выходил на трибуну с переводчиком. Но обстоятельства сегодняшней идеологической жизни жесткие. Приходится изучать языки не только молодым философам, но и стар-

шим по возрасту. Мы гордились новым успехом нашего академика...

Философы разъехались. Кто домой, кто посмотреть Венецию, кто по парижским и прочим достопримечательностям и «сладким» местам. Ведь у философов не только разные школы, но и разные вкусы, настроения, увлечения... Наша делегация отправилась осматривать Вену, ее музеи, дворцы, а затем мы уехали в Зальцбург, Линц.

Опустели коридоры Венского университета. Там, где была пресловутая «выставка» книг компании из «Посева» — кучи бумажного хлама, валяются даже «труды» сотрудников «Посева», никем не подобранные. Все сметено. Куда кинулась теперь эта братия — Поремский и прочие? В Вене пробыть в философы им не удалось, и они умчались на Запад к своим хозяевам. Какими провокациями заняты они ныне?

Разъехалась и снова заработала околофилософская шваль и мелюзга. В руках этих дельцов оказались наши опубликованные доклады, записи наших устных выступлений, наши адреса, извлеченные из справочных материалов конгресса.

Мы еще не приехали на родину, а вслед нам уже полетело письмо от Monsieur'a Eltchaninoff'a. Письмо приветливое, почти нежное, от него так и отдает заботой о нас, советских философах.

«Может быть, Вы имели возможность познакомиться с книгами нашего издательства на Венском международном философском съезде», — пишет сей Eltchaninoff. И шлет нам бланки заказов, каталоги книг и даже гарантирует, что мы ежегодно будем получать от его издательства бесплатно 5—6 книг.

Вот на таких началах предлагают они свою дружбу, вторгаясь своими назойливыми письмами в ваш дом, в ваш кабинет!

Но кто же все-таки этот заботливый джентльмен? Он

прямо представляет себя, и в русской транскрипции это выглядит так: «Ельчанинов Кирилл Александрович, с улицы Монтань в Париже».

Какие ветры истории забросили его на далекий Запад? Не очистительный ли ветер, который подул после того, как русские рабочие и матросы взяли Зимний дворец? Иногда Кирилл Александрович именуется себя профессором русской духовной академии на «русском подворье в Париже», это когда он выступает по Би-Би-Си и далеко не по духовным вопросам, дух-то — антисоветский!

Зачем вы, Кирилл Александрович, рассылаете свои письма, пользуясь демократическими порядками нашей страны? На что вы надеетесь? Мы не спрашиваем, с какой целью вы шлете свои джентльменские предложения и кто стоит за вашей спиной. Мы еще не лишились чувства реальности, и вы не купите нашего доверия за 5—6 бесплатных книг, которые вы не могли ни продать, ни просто кому-либо всучить на венском конгрессе при всех ваших стараниях.

Запомните, господин Eltchaninoff, у нас разные пути, и мы никогда не найдем общего, пока вы будете следовать своей сомнительной и неблагородной стезей, в конце которой вас ждет *ничто* или, в лучшем случае, полное разочарование. Если вы действительно профессор духовных дел, то уж и служите богу по своему разумению, во всяком случае, будет честно. Не лезьте в политику и в философию современной жизни!

Дорогой читатель! Вы думаете, сей джентльмен послушается наших советов? Вряд ли. В наше время церковники предпочитают быть поклонниками двух дам — и религии, и философии, даже не задумываясь, что в этом случае не трудно впасть в тяжкий грех.

И здесь я вспоминаю один день на запутанных дорогах Европы. Он многое дал мне понять. Речь идет о маленьком диспуте в старом безвестном костеле.

Соборы, церкви, костелы — это, как правило, история страны, народа. Ведь посетив их, вы нередко можете убедиться, что это были не только места моления, но часто и очаги грамотности, культуры, хранители чести, добрых деяний народа, очаги сопротивления иноземным нашествиям. Посетив их, вы можете многое понять и из сегодняшней жизни данного государства. Ведь история нередко умеет весьма удачно перебрасывать мостик из прошлого в настоящее. Так мы прибыли однажды в небольшое селение, и перед нами появился святой отец. Одетый в черно-белое одеяние, чуть ниже среднего роста, постриженный под ежика (святым отцам тоже не чужда мода!), расчетливо суетливый, он в общем был доброжелателен. Мне не понравились лишь глаза его, они сидели глубоко и, казалось, безустанно следили за выражением наших лиц, за тем, как мы реагировали на его слова.

Он с большой обстоятельностью рассказывал нам о вековых камнях, уложенных здесь, о полихромии, столь искусно выполненной на стенах, о деревянной резьбе, чудом сохранившейся сквозь тлен столетий. Мы ходили по плитам, вытесанным, как говорил святой отец, еще первыми пришельцами-бургундцами. Нужно думать, что святой отец хорошо знал то, о чем он говорил. Ведь он похвалялся, что заканчивает историю костела, и этот труд составит... две тысячи страниц.

Мы оказались в библиотеке, которой все время хвастал отец, пока мы бродили с ним в сырых и темных помещениях костела. Чтобы оценить эту библиотеку, я попросил показать мне инкунабулы, почти уверенный, что их не увижу. Но отец быстро порылся в горах книг и вытащил из пыли несколько первоизданий, редких книг европейской печати. Это было здорово! Какая библиотека не гордилась бы, имея такие древние памятники печати!

Но тут же меня охватила злость — в каком месте «хранятся» все эти ценности! Сколько здесь пыли, как все пересыхает! Я собираюсь с мыслями, как высказать все это отцу прямо, но не грубо, но отец уже тащит меня в другой угол, чтобы показать, что у них есть не только древние книги, но даже и самые современные. Это издания... Маркса, Энгельса, Ленина.

Для меня не было новостью, что церковники в наше время все чаще и чаще обращаются к великим представителям марксизма, точнее, должны обращаться к ним все чаще. Но впервые в жизни увидел я церковного служителя, листающего томик Ленина и называющего то одну, то другую работу Владимира Ильича в этом томе!

Позже я не раз думал, зачем отцу понадобилось хвастать классиками марксизма, зная, что перед ним (а он уже знал об этом) профессор философии советского университета. К тому же он, вероятно, догадывался, что перед ним еще и коммунист. Думаю, святой отец хотел доказать, что его братья и он сам — далеко не консерваторы и не невежды, что они знакомы со всем передовым для наших дней.

Впервые увидев святого отца, я уже в тот момент понял, что это не какой-то старец, ветхий телом и духом, он даже внешне был похож на мирского интеллигента. К тому же отцу было от роду только 38 лет, хотя у него за плечами шестилетняя учеба в академии на богословском факультете и двадцать лет общего служения божеским делам. Судя по всему, он не плохо знает психологию рядового прихожанина, имеет тесные связи со своей братией даже в других странах.

Кроме того, этот церковный интеллигент явно хотел со мной поговорить, и далеко не по церковным делам, будучи полностью убежденным в том, что церкви и религии все подвластно, хотя бы в моральном плане. Последнее отец явно дал понять мне, когда мы ходили под

тяжелыми сводами костела. Приведя нас в тесное, темное и сырое помещение, он сказал, что вот здесь, мол, исповедуются ксендзы, глухие и... государственные слушающие. Вот, мол, как: к церкви идут все!

— А что вы думаете о трудах Ленина, как вы к ним относитесь? Ведь вы их читали? — начинаю я разговор.

— Не ко всему, что сказал Ленин, у меня одинаковое отношение. О мире между людьми, о коммунизме как будущем обществе и о многом другом давно уже было сказано в священном писании, для нас это не ново...

— Но ведь коммунизм начался тогда, когда начали свертгать эксплуататоров, а я знаю, что церковь веками защищала эксплуататоров, да и сейчас это делает кое-где...

— Наша церковь этого не делает, — уклончиво и без фактов возражает мне святой отец.

Я вижу, что аргументы отца не блещут новизной. Религия всегда боролась и борется против марксизма, а вот когда это ей выгодно, она даже пытается присвоить себе то, что выстрадано ученой мыслью в борьбе со всяким мракобесием, то, что создано марксизмом.

Теперь, опережая меня, задает вопрос святой отец:

— Вы согласны, уважаемый профессор, что в восточных странах Европы построен социализм?

Я смотрю в глаза своего собеседника, глубоко посаженные на хитроватом лице, и думаю, что же этот субъект хочет мне предложить. Но так как ответ в данном случае может быть только однозначным, отвечаю:

— Да.

— А ведь в этих странах миллионы верующих людей, — продолжает он, — а значит, социализм построен с помощью религии, церкви, построен верующими. Значит, нельзя отказываться от церкви и религии, если вы хотите построить коммунизм. Она еще вам пригодится всюду. Не так ли?

-- Нет, не так. Социализм действительно построен теми, кто верит до сих пор в бога и все еще доверяет священным книгам. Действительно, неверующие и верующие вместе обрабатывают землю, растят хлеба, выходят в море на лов рыбы, строят заводы и корабли, школы и музеи. Они создают все то, что необходимо сегодня социалистическим государствам, чтобы быть цивилизованным государством. Но делают они все это не потому, что верующие, а потому, что они люди и им надо жить. Делают своими руками и даже часто не вспоминая бога. Бог требует к себе внимания, и тот, кто ему служит, не может одновременно делать два дела, и поэтому слуги божьи домов не строят...

К нам подходит другой собрат отца, молодой, нежный, с манерами девушки тридцатилетний служитель бога. Оба они показывают нам еще свое хозяйство — коров, коз. Братия убирает навоз, свозит сено, готовится к зиме — выгружает привезенный уголь. Внешне они живут как все люди. Но видимость эта очень обманчива. При ближайшем знакомстве с бытом церковников убеждаемся, что весь уклад их жизни противоречит всему человеческому.

Претендуя на роль духовных наставников народа, они фактически мешают людям нормально жить, вносят смятение в умы. По канонам католичества ксендз не вправе иметь семью, а значит, своих детей. Разве это не противостоит природе?

Что касается цели жизни, то оба дали обет: что бы ни случилось в мире, умереть здесь в костеле. Чему же могут научить людей эти претенденты на руководство духовной жизнью, если у них у самих столь ничтожная цель и если они сами лишили себя минимального человеческого счастья!

Святые отцы не выпускают нас без обеда, тем более что мы уже изрядно проголодались.

Впервые пришлось обедать в подобной обстановке. Как хорошо, что со мною нет какого-нибудь «ортодокса», того и гляди обвинил бы... в недостаточно твердых идеях позициях. Пробую свежий, ароматный суп, а после него — вареники с сыром и с ягодами. Надо отдать должное священникам: они умеют готовить. Пища у них здоровая. Мясо полагается только два раза в неделю.

Мы достали бутылку прекрасного «Рижского бальзама». Отцы проявляют живой интерес к напитку, но отведать его отказываются. Бутылку мы оставляем в трапезной, так и не узнав, какую судьбу предназначтал ей бог...

За кого бы себя ни выдавали богослужители, как бы они ни были предупредительны к вам и достойно оценивали вашу приверженность к социализму, в других ситуациях они не заставляют себя ждать и многие из них показывают свое истинное лицо. Кому неизвестно, что христианство, например, играет значительную роль в классовой борьбе двух мировых систем. Вглядитесь в зигзаг истории в Чехословакии в 1968 году!

Секретариат по делам церкви Чешской Социалистической Республики сообщил, что «определенная часть католической иерархии в Чехословакии, воспользовавшись ослаблением социалистической государственной власти, попыталась превратить церковь в антисоциалистическую политическую организацию, действуя в тесном контакте как с зарубежными реакционными церковными центрами, так и со «светскими» противниками социализма в ЧССР, выплывшими на поверхность в 1968 году. И поныне эмигрантские и другие зарубежные реакционные организации не оставляют надежд на то, чтобы церковь в ЧССР смогла выступить в качестве активной антисоциалистической силы» («Вопросы философии», 1970, № 2, стр. 144—145).

Вот почему я подумал, что Кирилл Александрович и его братья по сану не воспользуются нашим советом — поклоняться лишь одной даме...

ПОСЛЕ КОНГРЕССА

Мы прибыли с венского конгресса в Москву, но никто даже не думает об отдыхе. А как приятно было бы потянуться на южном солнышке где-нибудь в Гаграх или побродить под золотистой листвой осеннего Забайкалья... Успеется!

Дела, дела, дела. Философская повседневность.

— А ведь вы только вникните, друзья, в выступление видного французского экзистенциалиста Жана Ипполита! Он выступил на конгрессе в симпозиуме по Марксу, восхищался Марксом и высоко оценил «Капитал», назвав это произведение величайшим творением человеческого гения не только с точки зрения экономического анализа, но и с позиций рассмотрения проблемы человека, отчуждения человека при капитализме...

— Такое выступление нам очень пригодилось бы на мексиканском конгрессе.

— ...разумеется, оно играет свою роль и сейчас. Интерес Жана Ипполита к марксизму — еще одно доказательство растущего влияния марксизма и его философии в мире.

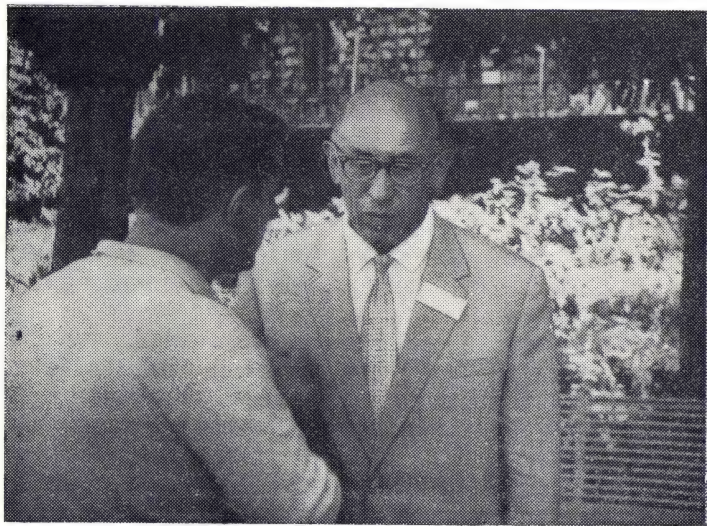
— Вместе с тем надо заметить, что Ипполит трактует марксизм своеобразно, он хочет «обновить» его, соединить марксизм с экзистенциализмом. Это надо иметь в виду.

— В мире буржуазной философии, действительно, можно заметить интересные процессы. Возьмите профессора Лондонского университета Карла Поппера, этого виднейшего представителя логического позитивизма, неопозитивизма. А ведь на конгрессе он откровенно критиковал некоторые основные положения той философии,

которой безоговорочно поклонялся ранее. Поппер сказал, что неопозитивизм — это уже прошлое. Ныне этот философ, по моему мнению, занимает позиции своеобразного неореализма и объективного идеализма...

— О Поппере вы говорили очень правильно, только это не значит, как мне кажется, что влияние неопозитивизма падает. Такое утверждение было бы несколько рискованным.

— Со своей стороны, товарищи, я тоже хотел бы сделать замечание. Против растущего влияния марксизма в мире наши враги нашли новый «аргумент». Они утверждают, что интерес к марксизму и влияние марксизма это не одно и то же. По их мнению, интерес растет, но влияние марксизма якобы падает (?). Вот видите, с

Советские философы. Разговор о трудной проблеме...

помощью какой словесной эквилибристики пытаются ныне опровергать факты! Конечно, интерес и влияние — не одно и то же. Но разве можно отрицать внутреннюю связь между ними? История поучительная. Интерес в обществе усиливается к тем учениям, которые развиваются и пользуются влиянием. Именно потому, что растет влияние того или иного учения, оно вызывает все больший интерес, привлекает к себе внимание. Таковы закономерности истории, такова логика развития.

...Сколько вечеров и дней мы размышляем над этим миром кажущегося хаоса философских идей, стремимся осмотреться в этом калейдоскопе философских систем и «новых» аргументов. Но нет здесь ни хаоса, ни иллюзий калейдоскопа. Всюду — своя история и своя логика. Понять ее — вот задача!

И потому растут горы окурков, трещит голова, и нет покоя ни мысли, ни сердцу.

— А помните, в Вене на конгрессе доклад «О необходимости различных вариантов в марксистской философии». Он был одиозный и вызвал ликование на скамьях наших противников. Карл Реннер, старый австромарксист, когда-то предлагал идею *возможности* многообразия марксизма, в том смысле, что-де каждая страна может иметь свой марксизм. Сегодняшние поклонники Реннера идут дальше: они уже пытаются доказать *необходимость* этой ситуации...

— Но ведь это абсурдно и с теоретической, и с практической точки зрения. Если ты становишься на такой путь, то, значит, ты отрицаешь общие исторические законы, общее в международном рабочем движении, марксизм становится уже не наукой, а областным «учением». Все, что есть в нем международного, а это самое ценное в марксизме, во имя такой «науки» отбрасывается...

— Становясь на этот путь, каждая страна может объявить о существовании своей «особой» химии, где вода

уже не будет H_2O , «своей» математики, отличной от общепринятой...

А вот уже кто-то из нас цитирует Лермонтова, желая нарисовать образ наших философских противников.

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской.

Много раз мы еще будем собираться, чтобы найти правильную нить размышлений, раскрыть истину, все шире и глубже постигнуть мир — природу и общество, и самого удивительного феномена в нем — человека, со всеми его поисками, сомнениями, дерзновенными мыслями и деяниями... Философы не могут построить синхрофазотрона для своих исследований, им его заменяет обычный мир, мир людей, река событий.

Только людям несведущим кажется, что у марксистов все просто: первичная материя и вторичное сознание, и только расставляй по этим полкам факты! А на самом деле, теория и метод марксизма требуют много труда. Отношения между людьми определяются главным — отношениями между вещами. Но при этом отношения между вещами не адекватны отношениям между людьми. И огромная трудность состоит в том, чтобы, рассматривая вещи и их отношения, увидеть за ними и понять поведение людей во всех его тонкостях и многообразии. И раскрыть при этом динамику событий во времени и пространстве.

Вероятно, на создание толстых фолиантов у большинства из нас времени снова не хватит. Но философия не обязательно должна быть «толстой», — она должна быть *правдивой*. А правда — это не только *логика*, но и *человеческие чувства*, страстное биение человеческого *сердца*... И надо все это слить в один сплав!

ЖАРКОЕ ЛЕТО СЕМИДЕСЯТОГО ГОДА

НАКАЗАННАЯ НАГЛОСТЬ

Удивительное племя современных философов! Я говорю о марксистских философах, которых знаю, как товарищей и друзей, как членов одной когорты единомышленников.

Кажется, еще со времен философа Сковороды (если не ранее), который с котомкой за плечами долгие годы отмерял от села до села версты пропыленных дорог, философы были замечены в подвижничестве. Во всяком случае, Иммануил Кант, никогда не оставлявший свой Кенигсберг, не служил марксистским философам в этом отношении примером. Разумеется, нынешние мыслители предпочитают межконтинентальные реактивные лайнеры или лимузины, как иронически заметил в своем «Соборе» украинский прозаик Олесь Гончар.

Попробуйте застать на месте, в Москве, главу советской социологической ассоциации профессора Геннадия Осипова! Он то в Ленинграде, то в Новосибирске, глядишь — а уже он в Кишиневе. Семья советских философов, социологов велика и значительна. И посоветоваться надо, и послушать...

Вечно занятый журналом «Философские науки», академическими изданиями, которые расходятся по всему миру, ненасытный в деятельности и неутомимый в поисках истины — таким знают видного советского философа Михаила Иовчука. И его время от времени зовут дороги, дороги волнующей борьбы...

Профессор Георги Брутян из Армении — специалист по «гипотезе Сепира—Уорфа». И чопорная профессура Лондонского университета внимает советскому философу, когда он излагает свой взгляд на тонкости гипотезы, придерживаясь и тонкостей чужеземного произношения. Скучны и мрачны туманы над Темзой, и как, наверное, ему снова хочется в свой пропитанный солнцем Ереван!..

Вы отправляетесь в Варшаву, надеетесь повидать там Яна Щепанского, а он в это время, оказывается, в Италии: у Яна большие обязанности — четыре года он был Президентом всемирной социологической ассоциации.

Адам Подгурецкий, крупный специалист в области социологии права, отправился в американские штаты в качестве «визитирующего профессора», как он указывает в оставленной записке, думая, что такое определение не требует комментариев.

Да, без лайнеров и лимузинов нынешним философам не обойтись. От одной работы к другой, от одних обязанностей к другим.

Полный событиями мир 1970 года. Кипит жизнь и в сфере идеологической. Жарким августом в Берлине собрался международный конгресс в честь знаменательной даты — 200-летия со дня рождения великого философа всех времен Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. С одним из основных докладов здесь выступает талантливый советский философ профессор Павел Копнин. Он тщательно читает немецкий текст своего доклада, анализируя сложную сеть логических построений великого немца.

Затем последовали научные диалоги, споры. Невесть откуда появляются и джентльмены от философии. Назойливые как мухи. И во всем этом философском кружеве так сближается время между стариком Гегелем

и нами, напоминая о многих еще не решенных человеческих задачах...

В августе того же года в Москве в Кремлевском дворце съездов в торжественной обстановке открывается самый представительный из когда-либо собиравшихся в мире конгресс историков. Иностранцы с любопытством осматривают великолепный дворец, видевший за свой недолгий век немало интересных событий...

В первый день работы съезда произносятся в основном торжественные речи. Зачитывается послание Алексея Николаевича Косыгина, а также приветствие У Тана. Деловые обсуждения и споры начнутся завтра на Ленинских горах — в Московском университете имени М. В. Ломоносова, у парадного входа которого полостью на ветру флаги пятидесяти стран.

Программа конгресса обширна. Ведь в мире нет науки более всеобъемлющей, чем история. Перечисление одних только проблем, обсуждаемых историками, составило бы увесистую книгу. Число подготовленных выступлений приближается к тысяче. (Делегатов — 3307).

А как же джентльмены? Они остались верны себе, хотя им и пришлось считаться с обстановкой, мало способствующей их деятельности на нашей земле. Тем более что историки социалистических стран (например, СССР, ГДР, Польши) были весьма активными, показали высокую профессиональную подготовленность. Американский историк Дж. Хекстер, задумав выступить вместо научного доклада с антисоветским, не решился его произнести, говорил о другом. Многие спрашивали: тот ли это Хекстер?

Но некоторые джентльмены нагтели...

Ричард Пайпс, эмигрировавший в свое время из царской России в США и выдающий себя то за историка, то за философа, выступил с надуманной схемой исто-

рии России XIX века, полностью исказив картину общественной жизни недалекой нашей истории. Извратил он историю настолько, что английский профессор Е. Ламперт из Оксфорда не выдержал и тут же разгромил Пайпса (притом на хорошем русском языке), показав полную неосведомленность американца и несостоятельность его кабинетных построений.

Но ведь наглецы обычно так легко не сдаются...

После интересного выступления М. Лацко из Венгрии по истории фашизма нашелся господин Ж. Конзениус из Ватикана, который ничего не мог возразить Лацко, но глубокомысленно, как все папские выученики, заметил, что якобы марксистский метод, которым оперировал М. Лацко, видите ли, несколько абстрактен... И предложил для рассмотрения фактов другой, более «объективный» метод...

Оказывается, этот «объективный» метод, как утверждал Ж. Конзениус, дает-де возможность освободиться от теории, согласно которой фашизм только зло... Подняв вверх руку, он патетически произнес, что не следует злоупотреблять словом «фашизм»...

Это была попытка подбросить мысль о реабилитации фашизма. Зал зашумел. Стих он немного лишь тогда, когда на трибуне появился новый оратор — американский профессор Е. Вебер. Преодолевая недовольство аудитории, он все же поддержал «объективный» метод Конзениуса, поддержал выводы из этого «метода», присовокупив свои собственные сожаления, что Гитлер допустил так много ошибок и потому потерпел поражение.

Возможно, не стоило бы и говорить об этих двух адвокатах фашизма, которые составляют достойную пару, но дело в том, что эти джентльмены далеко не новички в попытках нарисовать модернизированный, привлекательный портрет гитлеровского фашизма, а заодно и

подкрасить современные течения неофашизма. Это сегодня одна из линий западной антикоммунистической пропаганды, которая пытается найти опору и в научных кругах, надеясь на короткую память народов и позиции реакционно настроенной части ученых... Известно, например, что в 1970 году, когда мир отмечал 25-летие победы над фашизмом, на Западе как на дрожжах выросла литература, обеляющая фашизм. А журнал «Тайм», поместив семейные портреты Гитлера и Муссолини, писал, что Гитлер якобы сделал немало и «хорошего»...

Нечего и говорить, что усилия двух джентльменов преподнести фашизм в новой упаковке, да еще на земле народов, которые в борьбе против гитлеровской чумы понесли 20 миллионов человеческих жертв, не имели успеха. Советский академик В. М. Хвостов вышел на трибуну исполненный справедливого негодования и дал разоблачительный ответ этим джентльменам. Огромный актовый зал Московского университета, заполненный сотнями делегатов конгресса от Аргентины до Японии и от Советского Союза до Замбии, долго аплодировал В. М. Хвостову...

Президент секции профессор К. Е. Шорске из США полностью согласился с советским ученым и заявил, что фашизм, безусловно, реакционное явление и его никак нельзя оправдать.

Джентльмены наглейт, но им приходится все труднее...

К БОЛГАРСКИМ СОЦИОЛОГАМ

«Идеологический» август был жарким. Он еще не закончился, а социологи уже снова стали собираться в дорогу. Их путь лежал на юг, туда, где плещется ласковое Черное море, где воздух в это время насыщен аро-

матом садов. Но не для отдыха ехали ученые в Болгарию, а на очередной международный социологический конгресс. Болгары впервые собирали такой огромный форум (число его участников превысило 3,5 тысячи) и впервые давали отчет мировой общественности о своих достижениях в области социологических исследований.

— Полно! — может воскликнуть иной читатель. — Не преувеличение ли это? Ведь хорошо известно, что восемь лет назад Болгария даже не послала своей делегации на вашингтонский социологический конгресс.

Однако факт остается фактом, что уровень социологических исследований, проведенных в социалистической Болгарии за последние годы и представленных конгрессу, был довольно высоким и не уступал требованиям нашего времени.

Могут сказать, что это чудо. Но это такое же чудо, как и все остальные, которые повседневно рождает социалистический образ жизни, опирающийся в научных изысканиях на ценные традиции прошлого и возможности социалистического строя, с его подлинно научной философией — философией марксизма-ленинизма.

Тяжелые физические и духовные испытания, выпавшие в прошлом на долю болгарского народа (а особенно тяжелым было османское иго), не обескровили народ, не заглушили его голоса, не распылили мысль его. Беды обострили чувства болгар. Их мысли зрели, становились глубже, последовательнее.

Сквозь свирепый ветер звучало
Вечно рвущееся к борьбе
Непокорное наше начало.

(Болгарский поэт Христо Черняев).

Болгария может ныне гордиться своими философами и социологами. Здесь выросла целая плеяда талантов. Это видный социолог Живко Ошавков, ставший вице-

президентом международной социалистической ассоциации, острый и непримиримый в защите научных принципов Николай Ирибаджаков. Полон движения и энергии опытный идеологический боец Деян Павлов. Всем известен неутомимый, вездесущий, полный тонкого юмора и непреклонных убеждений Михаил Бычваров.

Михаил Бычваров родом из маленького болгарского городка Тарговище (с каким уважением произносится в этом городке его имя!) учился в Киеве, там же защитил диссертацию, там же встретил хорошенькую девушку Нели из Болгарии, которая тоже училась тогда на Украине. Женился на ней. Родилась у них дочь Света, ныне так напоминающая свою маму в молодости, когда Михаил впервые встретил Нели. Бычваровы — искренние друзья Советского Союза — привили своей дочери великую любовь к языку русского народа. Света — лучший знаток русского языка среди болгарских школьников, что выявилось на традиционном конкурсе в стране.

Нет, не рассказать мне о всех болгаро-философах и социологах, об их способностях и талантах, об их искренне дружеских чувствах! Более 500 болгарских социологов явилось на этот конгресс. Десятки научных докладов представили они на рассмотрение, и все эти доклады вызвали живейший интерес делегатов. Однако об одном ученом все же хочу поведать подробнее.

Имя его — Тодор Павлов, и рассказывать о нем очень трудно, ибо за долгие годы жизни — революционной борьбы, партийной деятельности, непрерывной научной работы — он как бы вобрал в себя такую массу духовных ценностей и событий, которых хватило бы на десяток человек и каждый при этом реально выглядел бы значительной личностью.

Тодор Павлов — член Болгарской Коммунистической партии с 1919 года. Первые свои философские работы он написал в тюрьме, куда его не раз заключали

фашиствующие правители старой Болгарии. А сегодня один лишь список его трудов составляет увесистый том. По его книгам, таким как «Теория отражения», «Основные вопросы эстетики», учились многие философы, в том числе и философы нашей страны. Тодор Павлов стал выдающимся теоретиком марксизма-ленинизма, он академик, член Академии наук СССР и академий других стран.

А в прошлом — тюрьма, подполье, гонения, преследования. Потом Тодор Павлов оказался в Советском Союзе, читал лекции в Институте истории, философии, литературы, а также в Институте красной профессуры и Институте философии при Коммунистической академии. Перед второй мировой войной он вернулся на родину. Когда в 1941 году немецко-фашистские войска вступили в Болгарию, Тодор Павлов, как и тысячи других коммунистов, был брошен в концлагерь. Только чудом, благодаря помощи верных друзей, он был спасен от смерти.

После разгрома гитлеровцев и победы Народного правительства Тодор Павлов по поручению партии становится одним из регентов малолетнего болгарского царя. «Нянька при царе», — иронически восклицает Т. Павлов, вспоминая об этой своей миссии. Но он хорошо понимал ситуацию того времени, когда умирающая монархия могла еще принести немало вреда возрождающейся Болгарии, и в чине «няньки» служил честно.

— Когда маршал Толбухин встретился с регентами, — рассказывает Т. Павлов, — он поставил перед нами вопрос: «Каково отношение регентского совета к Советскому Союзу?» Два регента молчали, колебались с ответом. Тогда я сказал: «Господин маршал (я не мог говорить «товарищ», ибо в Болгарии тогда существовала Межсоюзническая комиссия, и здесь были свои дипло-

матические нормы), если мы — болгары построим коммунизм в нашей стране и что-нибудь случится плохое с Советским Союзом, то из нашего коммунизма ничего не выйдет. А если коммунизм построят в Советском Союзе, но в Болгарии будут временные неудачи, то у нас все равно будет построен новый мир».

— Маршалу это очень понравилось, — вспоминает Т. Павлов и добавляет: — Это выражает самую сокровенную мысль нашего народа. Народ наш жил, живет и будет жить с этой мыслью.

Тодор Павлов — великий друг нашей страны, советского народа. На груди его два ордена Ленина.

Не перечить заслуг Тодора Павлова перед рабочим движением, марксистско-ленинской наукой. Сегодня Т. Павлов член Политбюро Коммунистической партии Болгарии, но он по-прежнему является директором Института философии Болгарской Академии наук, совмещая большую политическую деятельность с трудом научным. Тодор Павлов уже не молод. Однако он полон энергии, оптимизма, планов. Смеется он заразительно, я сказал бы, его смехом можно наслаждаться.

Мне приходят на память давно высказанные Т. Павловым мысли о смехе. Они приведены в одной из малоизвестных его работ, написанной, кстати говоря, в тюрьме. (Тюрьма, конечно, не очень подходящее место для смеха, но таков уже оптимизм этого закаленного болгарина).

В предисловии к изданной в Софии в 1962 году небольшой книжке «Смех» Тодор Павлов писал: «Ведь еще Фейербах говорил, что человек — единственное среди животных, которое способно смеяться. А, может быть, верно и обратное: человек, который не имеет желания и способности смеяться, — животное?»

Тодор Павлов.

Народная мудрость учит, что смех есть сила и здоровье. В этом меня убедил личный опыт, когда и не раз именно смехом я побеждал собственные болезни и слабости, а также всевозможные козни тайных врагов и явных друзей.

Я убедился, что смех может очищать всякие пятна, хлестать подлецов по спинам, освежать загрязненную атмосферу, крепить дух, вдохновлять и омолаживать его».

В Тодоре Павлове — коммунисте, борце, философе, отнюдь не представляющем собой уника-одиночку, наиболее ярко выявилось все то, что присуще философам и социологам социалистической Болгарии.

ВАРНЕНСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ

Седьмой всемирный конгресс социологов открыт. Из Софии на этот научный форум прибыл Председатель Совета Министров Народной республики Болгарии товарищ Тодор Живков, чтобы искренне приветствовать делегатов и гостей и выразить заинтересованность в результатах их работы.

Главная тема конгресса: «Современное и будущее общество. Научное предвидение и социальное планирование» чрезвычайно актуальна. В наш век, когда с невиданной быстротой происходят социальные изменения, невозможно идти вперед без четко налаженного научного предвидения и планирования.

Хорошо сказал об этом руководитель советской делегации на конгрессе академик Алексей Румянцев, подчеркнувший, что мы ощущаем неслыханную потребность в предвидении, ибо временная амплитуда невероятно сократилась, и что нельзя вслепую мчаться на скоростной машине.

Конгресс начинается с пленарных заседаний, затем должны будут собраться участники рабочих групп, развернутся беседы за двумя «круглыми столами». 19 исследовательских комитетов также имеют свою программу, как имеют ее 16 специальных групп.

Буквально в глазах рябит от многообразия проблем, тем, вопросов. Охватить их одному человеку — напрасная затея, да это вовсе и не нужно, ведь интересы и научные занятия у ученых различны.

Поэтому советский профессор Игорь Бестужев-Лада направляется в рабочую группу «Общество будущего и долгосрочное планирование», где он председательствует в первый день. В такой же роли выступает и профессор Вадим Семенов, но уже в рабочей группе «Изменение общественных отношений вследствие социальных перемен». Свои заботы у Александра Окулова, Галины Андреевой, Масхуда Джунусова, Анатолия Харчева, Юрия Красина, Дмитрия Ермоленко, Салака Степаняна...

Начинаются выступления на английском, русском, болгарском, французском, немецком и итальянском языках...

Из известных западных социологов прибыли Толкот Парсонс, Рейнхард Бендикс, Джон Соммервил, Поль Кроссер из США, Франко Ферраротти из Рима, Ренато Тревес из Милана, Алдо Солари из Сантьяго, Штейн Роккан из Бергена. Идут слухи о прибытии Раймона Арона, Дэниела Белла... Дэниел Белл значитесь первым докладчиком на пленарном заседании. Его доклад «Постиндустриальное общество: технократия и политика» был тем «конем», на котором въезжала на этот конгресс западная буржуазная социология. «Конь», правда, был невзрачный, плюгавый, с потрепанной гривой и явно не обвезженный. Его лишь вытолкнули для пробы.

Надежд на этого коня у самих авторов было мало — не потому ли не приехал его хозяин Дэниел Белл, предоставив возможность «гарцевать» на нем другим, более неудачливым наездникам.

В теории Белла о так называемом «постиндустриальном» обществе есть попытка обобщить некоторые кардинальные явления современной социальной жизни и взглянуть в ближайшее будущее общества; но классовые позиции реакционной буржуазии, с которых Белл так и не сходит, мешают ему реально оценить современный мир. И Белл стремится свою концепцию связать с теорией «индустриального общества», которая еще при самом появлении была сильно дискредитирована ввиду явной несостоятельности. Белл надеется оживить теорию «индустриального общества» (хотя бы поставить ее на костыли!) и дать ей продолжение, создав тем самым иллюзию устойчивости теории, преемственности, дальнейшего ее развития. Что касается будущего общества, то, по словам Белла, власть монополий капиталистических корпораций будет заменена властью университетов, интеллектуалов. При ближайшем же рассмотрении все оказывается совсем не так. Более того, власть политическая согласно этой теории останется в руках буржуазных политиков, т. е. ставленников старых монополий и корпораций. Таким образом, будущее в «постиндустриальном» обществе — это капиталистические порядки, к тому же представленные в виде порядков современных США. Внутренняя логика антикоммуниста Белла ясна: американский образ жизни, «идеал» самого жестокого капитализма надо распространить на весь земной шар.

Вот так выглядит на деле это «новое» слово западной социологии о судьбах человеческого общества в будущем!

Справедливости ради следует заметить, что Д. Белл трудится не в одиночку. Еще до него нечто подобное

(«общество хорошо осведомленных», «постмодерное общество») провозглашали Р. Лэйн, А. Этциони. Белл лишь преподнес это как особое «открытие».

Жарких дебатов вокруг «открытия» Белла пока не развернулось, и защитников «постиндустриального» общества почти не нашлось. Отдельные социологи, правда, восхваляли Белла до небес, например, профессор А. Мок из Амстердама.

Резко осуждающе, а иногда и с явным негодованием говорили о «постиндустриальном» обществе некоторые представители латиноамериканских, арабских и других стран третьего мира. Ведь и они уже успели узнать, что собой представляет империалистическая Америка. И вот вдруг ее выдвигают как идеал человеческого общества. Английский профессор Дж. Голдхроп — довольно молодой еще ученый без единого седого волоса в густой шевелюре — заметил, что в теории Белла лишь выпячена роль технократии.

Наиболее доказательно и принципиально пороки «теории» Белла были вскрыты марксистами. Это и понятно! Ведь именно марксизм поставил на научную почву идею предвидения, проверил прогнозирование и планирование социальных процессов на историческом опыте социалистических стран и сделал этот опыт достоянием мировой цивилизации. Академик А. Румянцев осудил защиту капиталистических порядков в теории Белла и то обстоятельство, что автор «новой» теории перекраивает историю по своему классовому разумению, не желая знать, что «история не создается в кабинетах, даже если это научный кабинет». Белл отбросил классовую борьбу как несуществующую, а без нее нельзя понять динамики современного общества.

Серьезной критике подвергли «постиндустриальное» общество Э. Хан (ГДР), Ф. Константинов, Х. Момджян (СССР), Н. Ирибаджак, Т. Трендафилов (Бол-

гария) и др. Болгары, между прочим, отмечали, что Белл в своем докладе преподносит метод планирования как собственное открытие. Между тем, его коллеги на Западе на протяжении 50 лет третировали самую идею планирования жизни общества и только, столкнувшись с опытом советских пятилеток, они «прозрели» и ныне без зазрения совести стали выдавать чужое за свое.

Что касается генезиса «постиндустриального» общества, то это, отмечал Н. Ирибаджаков, мешанина из учения Сен-Симона, Гегеля и однобоко представленного процесса современной научно-технической революции. Доклад Р. Рихты (Чехословакия) в противовес беспомощным суждениям Белла был хорошим примером анализа и понимания научно-технической революции.

Марксисты выдвигали научное понимание развития социальных процессов, которое в своем предвидении открывает нам движение общества к социализму, а затем и к коммунизму. От этой истины никуда не уйти, да человечество и не уходит — передовые революционные классы борются за будущее и реально делают историю.

Что же произойдет с теорией «постиндустриального» общества? Долго ли она будет тешить надежды Д. Белла и тех, кто стоит за его спиной?

Пусть за нас ответит время. Оно — строгий ценитель, и мы надеемся, что события не заставят себя ждать. Уверен, что уродец, рожденный потугами буржуазной идеологии, долго не протянет...

Мы уже говорили, что на конгресс прибыл Толкот Парсонс — давний наш противник, имеющий славу respectable исследователя. Прибыл он не для того, чтобы молчать. И он не молчал. Т. Парсонс выступил за «круглым столом», где обсуждались вопросы фундаментальных теорий. Парсонс не отличается крикливостью, на его счету нет шумных выступлений против ком-

мунистических теорий. Он действует спокойно, методически, настойчиво преследуя одну цель — выдвинуть свою методологию и методику вместо марксизма. И именно он успешно снабжает всяких беллов «чистыми теориями», но сам остается как бы в тени.

Однако и на этом конгрессе Парсонс натолкнулся на сопротивление. Норберт Элиас (Англия) подверг его взгляды критике, отметив их описательность и статичность. А затем выступили Владимир Келле и Андрей Здравомыслов (СССР), от которых ему досталось еще более основательно.

Я увидел Т. Парсонса снова на другой день после полемики. Он был встревожен. На очередное заседание пришел, против обыкновения, даже не выбритым. В президиуме, куда его пригласили, сидел насупленным и мрачным, рассеянно слушая выступающих.

Какие же мысли мучили стареющего кита американской социологии? О чем мог он думать? О несбывшихся надеждах, рухнувших планах? А ведь он, кажется, достиг всего: стал одной из первых величин буржуазной социологии, сильные мира высоко его ценят.

И вспоминаю я другого Парсонса, тоже американца, но Ховарда Парсонса. Судьба дала им одинаковые фамилии, но судьба идейных битв определила разные мировоззрения. Молодой профессор Ховард Парсонс (ему лет около 40) из Коннектикута выбрал себе другую дорогу, нежели его пришедший в тупик однофамилец. Его работы, с которыми мы уже знакомы (они печатались и в СССР), вселяют уверенность, что прогрессивная марксистская мысль Соединенных Штатов получает еще одного принципиального защитника реального будущего... Только болезнь помешала Ховарду Парсонсу принять участие в варненском конгрессе, прочитать там свой доклад и порадоваться вместе с другими социологами успехам конгресса.

Подлинным триумфом марксистов-социологов было заседание конгресса на тему: «Ленинизм и теоретические проблемы современного общественного развития».

В работу международных конгрессов по гуманитарным наукам входит хорошая традиция — обсуждать проблемы, связанные с учением великих корифеев мысли К. Маркса и В. Ленина. На венском философском конгрессе, как мы уже говорили, состоялось специальное заседание, посвященное К. Марксу, на историческом конгрессе в Москве работал симпозиум, посвященный Ленину — «В. И. Ленин и историческая наука». Варненский конгресс снова вернулся к ленинизму.

И после этого на Западе находятся люди, пытающиеся утверждать, будто влияние марксизма-ленинизма не растет!

Заседаниями, посвященными проблемам ленинизма, руководит академик П. Н. Федосеев. Рядом с ним в президиуме — Тодор Павлов и докладчики — американцы Поль Кроссер, Джон Sommerвил, француз Ги Бесс, социолог из ГДР Э. Хан и его коллега из ФРГ Хейзелер, советские докладчики — М. Митин, Г. Осипов, болгарин Э. Николов, румын К. Йонеску, чех И. Хоушка, венгр П. Банлаки, поляк Й. Вятр... Подготовили также доклады делегаты Мали, Югославии и других стран.

На лицах некоторых социологов — явные признаки волнения. Они понимают ответственность своих выступлений. Поль Кроссер по временам поводит плечами, поправляет галстук. Джон Sommerвил листает свой доклад, еще раз сверяя точность своих выкладок. А доклад у него не из легких. Это проблемы, связанные с ленинским принципом партийности. Тема настолько необычна для печати Запада, что в английском языке до сих пор нет даже соответствующего понятия, и поэтому Джон предлагает принять эквиваленты русского языка —

«partiinnost» (партийность) и «non-partiinnost» (беспартийность). Кроме того, в своем докладе Sommerwil впервые приводит собственные переводы отдельных мест из ленинских работ, которые до сего времени на английском языке не появлялись.

В семье марксистов очень уважают этих двух известных американцев, преданных идеям прогресса и стремящихся все глубже понять учение марксизма-ленинизма. В этом, пожалуй, они похожи друг на друга, хотя в другом и очень различны. Поль более методичен, любит рационально рассчитывать время, большой любитель искусства. У него — постоянный абонемент в театре и на посещение симфонического оркестра в Нью-Йорке. Находясь в гостях в Варне, он и здесь, несмотря на загруженность работой, купил билет на концерт музыки Бетховена, состоявшийся в гостинице «Интернейшенел», но не попал на этот концерт только лишь потому, что к нему явился Джон Sommerwil. Философский разговор настолько затянулся, что Поль на концерт опоздал.

Джон Sommerwil считает, что философ должен полностью отдаваться размышлениям и общественной деятельности, которая другим не по силам. Когда-то пытались организовать приглашение в США советских философов для чтения лекций. Но им отказали в выдаче виз. Тогда за дело взялся Джон, ибо он убежден, что Америка не может не слушать советских философов. Личного мнения на этот счет для него вполне достаточно, чтобы действовать. Джон организовал общество по изучению диалектического материализма и засыпал госдепартамент и другие влиятельные инстанции реляциями, чтобы добиться цели. И ему это удалось. Приезд советских философов в США для чтения лекций стал традицией.

Ныне Джон Sommerwil переехал на жительство в

Калифорнию, в небольшой город Сан-Диего. Там он развел сад, в котором и работает ежедневно. И выглядит Джон Соммервил, несмотря на свой почтенный возраст, прекрасно. Он полон энергии, подвижен, глаза живые...

Два дня продолжались дискуссии за «круглым столом» по проблемам ленинизма. 25 человек выступило с докладами. Эти сообщения показали, что идеи ленинизма все глубже и глубже проникают в толщу народных масс различных стран и материков. Заседания были подлинным триумфом идей интернационализма.

На заключительной встрече председательствовал директор Института социологии Римского университета Франко Ферраротти. Он отметил высокий уровень представленных докладов и подчеркнул, что ленинизм имеет огромное значение для социологов. В частности, ленинизм убедительно доказывает, что эмпирические данные раскрывают лишь часть социальной действительности.

Позиция Ф. Ферраротти чрезвычайно показательна. Ведь мы знаем, что в трудах этого способного итальянского социолога и философа, опубликованных ранее, отдавалось не мало дани антимарксизму.

Вскоре после этого выступления конгресс закончил свою работу. Тодор Павлов произнес прощальное слово, призывая делегатов к укреплению международного сотрудничества социологов всех континентов, желая им дальнейшей плодотворной работы.

ПРОЩАЯСЬ С ЧИТАТЕЛЕМ...

Несколько лет тому назад в Ригу приехала большая группа членов Всемирного Совета Мира. Среди них были деятели из Бельгии, Нигерии, Северного и Южного Вьетнама, Канады, Болгарии, Англии, Польши. Два дня они гостили в столице Советской Латвии, и настал час отъезда. Мы сидели тогда в гостинице «Рига». Обычные волнения, обмен сувенирами, адресами.

И вот поднялся Джеймс Эндикотт из Канады. Обращаясь к представителям борющегося Вьетнама, он высказал страстные слова сочувствия и пожелание полной победы вьетнамскому народу в его тяжелой борьбе против американского империализма. Эндикотт тут же передал вьетнамским друзьям тысячу долларов, которые были присланы ему в Канаду одной пожилой американкой в фонд помощи Вьетнаму. Она не могла сделать этого, находясь дома, в самих США. Эндикотт горячо обнялся со своим далеким другом из Азии.

Это был волнующий момент международной солидарности. У многих повлажнели глаза.

Вьетнамские гости, не имея с собой никаких особенных сувениров, одарили нас тогда кольцами... простыми кольцами, сделанными из остатков американских бомбардировщиков, сбитых над Вьетнамом. Но как много говорит такое кольцо сегодня всем живущим на земле!

Обострилась борьба двух миров, борьба идей, все

чаще и все более грозными становятся столкновения между миром социализма и капитализма, столкновения в битве за умы и сердца людей всей планеты.

И будут стоять марксисты на страже всего светлого и прогрессивного как солдаты, как настоящие бойцы! И будут помнить о простом кольце из Вьетнама!

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю	5
Не верьте циникам!	10
Нас ищут в черном списке	10
Взгляд на столицу США	13
На особой границе	21
Дуэль без шпаг	28
Витрины без товаров...	34
Каменный спрут	39
«Прощцветающее общество»?	43
Латыши в Америке	50
Тайны Колумбийского университета	53
Еще об американской технике и цинизме . . .	57
Снова джентльмены	61
Самолет, «начиненный» философами	61
В калейдоскопе Мехико	65
Философия, свобода и хлеб	72
В древние века без машины времени... . .	81
Марьячис	84
Хочимилко. Толука	87
Цена экзотики	90
На корриде	97
Еще не эпилог	102
Вечные снега Килиманджаро	106
На меридиане — Хартум	106
Дыхание Килиманджаро...	110
А что они знают о нас?	113
Поиски, эксперименты	119
За закрытой дверью университета	125
Верю третьему курсу социологов!	133

Джентльмены нервничают	139
Доктор Фуллер и корчульские заговорщики .	139
Еще одно действующее лицо	142
Кто подает им руку?	146
В аудитории «максимум» — Карл Маркс . .	149
Марксизм начинается с «бороды»? . . .	155
Назойливые поклонники двух дам... . . .	164
Жаркое лето семидесятого года	176
Наказанная наглость	176
К болгарским социологам	180
Варненский социологический	186
Прощаясь с читателем...	195

В. Штейнберг

ФИЛОСОФИЯ И ДМЕНТЛЬМЕНЫ

Редакторы В. Луцевский, С. Суворова.
Худ. редактор А. Липин. Оформление
художника В. Ковалева. Техн. редактор
Д. Рейгас. Корректор С. Фуксис.

Сдано в набор 3 ноября 1970 г. Подписано
к печати 22 февраля 1971 г. Типографская
бумага № 1, формат 70×108¹/₃₂. 6,45 физ.
печ. л.; 9,02 усл. печ. л.; 8,4 уч. изд. л.
Тираж 5000 экз. ЯТ 02022. Цена 49 коп.
Издательство «Лиесма», г. Рига, бульвар
Падомью, 24. Изд. зак. № 23736-SZ 1213.
Отпечатано в типографии № 6 Комитета
по печати при Совете Министров Латвий-
ской ССР, г. Рига, ул. Горького, 6.
Заказ № 1700.

49 коп.

различные «советологи», так называемые «специалисты по Кремлю» и прочие антикоммунисты — все эти верные оруженосцы сегодняшнего мира империалистической реакции. В повествовании, основанном на личных впечатлениях автора, дается живая картина идеологической борьбы в современных условиях, показывается, как представители революционной философии марксизма-ленинизма отстаивают честную мысль.

